

Попова З.Д., Стернин И.А.

Очерки
по когнитивной
лингвистике

Воронеж
2001

Монография посвящена проблемам становления и развития нового научного направления – когнитивной лингвистики.

В монографии представлена концепция когнитивной лингвистики, сформировавшаяся в рамках научной теоретико-лингвистической школы Воронежского университета.

Авторы рассматривают историю возникновения когнитивной лингвистики, уточняют ее категориально-терминологический аппарат, а также описывают конкретные методы и приемы лингвокогнитивного анализа.

Для лингвистов, когнитологов, культурологов, филологов, аспирантов и студентов.

Печатается по решению кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета от 2 июля 2001 г., протокол № 14.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Министерства образования РФ по гуманитарным наукам (грант 1022) .

© З.Д.Попова, И.А.Стернин
2001

Характерной чертой мирового языкознания на современном этапе является возникновение и бурное развитие когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика, по определению В.З.Демьянкова и Е.С.Кубряковой, изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации (Краткий словарь когнитивных терминов, с. 53-55).

В когнитивной лингвистике мы видим новый этап изучения сложных отношений языка и мышления. Начало такому изучению положили нейрофизиологи, врачи, психологи (П.Брока, К.Вернике, И.М.Сеченов, В.М.Бехтерев, И.П.Павлов и др.). На базе нейрофизиологии возникла нейролингвистика (Л.С.Выготский, А.Р.Лурия). Стало ясным, что языковая деятельность протекает в мозге человека, что разные виды языковой деятельности (освоение языка, слушание, говорение, чтение, письмо и др.) связаны с разными отделами головного мозга.

Следующим этапом развития проблемы соотношения языка и мышления стала психолингвистика, в рамках которой изучались процессы порождения и восприятия речи, процессы изучения языка как системы знаков, хранящейся в сознании человека, соотношение системы языка и ее использования, функционирования (американские психолингвисты Ч.Осгуд, Т.Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэррол и др., российские лингвисты А.А.Леонтьев, И.Н.Горелов, А.А.Залевская, Ю.Н.Караулов и др.).

Когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX века, но ее предмет - особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков - был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке.

Так, рассматривая теорию В.Гумбольдта о народном духе, А.А.Потебня признает вопрос о происхождении языка вопросом о явлениях душевной жизни, предшествующей языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую душевную деятельность, то есть вопросом чисто *психологическим*. А.А.Потебня понимает, что в душевной деятельности есть понятия сильнее, выдвигаемые вперед, и понятия, остающиеся вдали (Потебня, с.83). Именно сильнее представления участвуют в образовании новых мыслей (закон апперцепции Гербарта). А.А.Потебня хорошо видит роль ассоциации и слияния ассоциаций в образовании рядов представлений. Разнородные представления, воспринятые одновременно, не теряя своей цельности, могут слагаться в одно целое. При слиянии два различных представления воспринимаются как одно (Потебня, с. 91).

Иначе говоря, А.А. Потебня прекрасно понимал роль языка в процессах познания нового, в процессах становления и развития человеческих знаний о мире на основе психологических процессов апперцепции и ассоциации, на основе разных по силе представлений человека о явлениях, имеющих названия в языке.

Еще более очевиден предмет когнитивной лингвистики в следующем высказывании И.А. Бодуэна де Куртенэ: «...Из языкового мышления можно выявить целое своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)» (Бодуэн де Куртенэ, с.312).

Размышления об участии языка в познании мира можно найти в трудах мыслителей разных времен и народов от античности до наших дней. Их подробные обзоры сделаны Л.Г. Зубковой (Зубкова 2000) и Н.А. Кобриной (Кобрина 2000).

Однако фронтальная разработка лингвокогнитивных проблем начинается лишь в последние десятилетия XX века.

Сейчас когнитивные исследования стали неотъемлемой частью современной лингвистической науки. Однако, как во всякой новой науке, переживающей период становления и интенсивного развития, в современной когнитивной лингвистике наблюдаются многочисленные противоречивые подходы, большой разброс в понимании основных терминов, недостаточная определенность в самом предмете когнитивной лингвистики, неясность в методах и т.д. Все это требует прояснения, причем особенно актуально это в первую очередь для студентов и аспирантов, выполняющих исследования в рамках когнитивной лингвистики и сталкивающихся с многочисленными трудностями и противоречиями.

Предлагаемые вниманию читателей «Очерки по когнитивной лингвистике» были задуманы нами прежде всего именно как книга для студентов и аспирантов, интересующихся проблемами этой новой отрасли лингвистического знания.

Мы неоднократно выступали с докладами по проблемам когнитивной лингвистики перед коллегами, аспирантами и студентами, на различных научных конференциях, публиковали статьи и тезисы по данной проблематике.

Потребность в информации, содержащейся в «Очерках», оказалась столь значительной, что выпущенная нами небольшая брошюра «Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях» (Воронеж, 1999) разошлась очень быстро и потребовалось второе издание (изд. II, испр., Воронеж, 2000), которое столь же быстро разошлось.

Таким образом, отдельные фрагменты наших «Очерков» в той иной степени уже стали достоянием научной общественности. Однако наши ученики и коллеги неоднократно обращались к нам с просьбой подготовить обобщающую работу по проблемам и методам когнитивной лингвистики, что мы и решили сделать в предлагаемой вниманию читателя монографии.

В нашей книге, во-первых, весь материал собран воедино; во-вторых, в текст книги внесены поправки, уточнения и добавления, вызванные комментариями и вопросами наших слушателей и читателей; в-третьих, книга включает такие фрагменты, которые еще нигде не докладывались и не публиковались; в-четвертых, в «Очерках» содержится обширная библиография последних работ по проблемам когнитивной лингвистики, которая сама по себе должна послужить пособием для молодых ученых.

«Очерки» отражают представления о когнитивной лингвистике, ее структуре, теоретических понятиях и используемых методах, сложившиеся в рамках теоретико-лингвистической школы Воронежского университета к моменту публикации данной работы. Разумеется, наша концепция будет развиваться и уточняться как в наших собственных исследованиях, так и в работах членов проблемной группы кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского ГУ.

Авторы выражают большую благодарность младшим научным сотрудникам О.В.Высочиной и И.В.Хорошуновой за помощь в подготовке рукописи к опубликованию.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Министерства образования РФ по гуманитарным наукам (грант НИЧ-1022).

Авторы

Очерк первый

Когнитивная лингвистика в современном языкознании

1. Основная литература о когнитивной лингвистике

Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских авторов Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера, Рэя Джакендоффа и ряда других. Подробнейшим и детальнейшим образом охарактеризованы труды этих ученых и развитие проблематики когнитивной лингвистики в работах Е.С. Кубряковой (Кубрякова 1994, 1997, 1998, 1999). Труды Е.С.Кубряковой стали фундаментальными, они легли в основу когнитивной лингвистики в России.

Работы американских ученых изданы в переводе на русский язык в серии «Новое в зарубежной лингвистике», вып. XXIII, М., 1998.

Труды ведущих американских когнитивистов подробно рассмотрены в статье А. Ченки (Ченки 1996). О когнитивных исследованиях во Франции можно прочитать в статье (Плунгян, Рахилина 1994).

Хорошим пособием по когнитивной лингвистике является книга «Структуры представления знания в языке» (М., 1994). Особенно подробно и развернуто представлен научный аппарат американской когнитивной лингвистики в «Кратком словаре когнитивных терминов», подготовленном под ред. Е.С.Кубряковой, М., 1996¹. В России в это же время разрабатывались теории значения слова на основе компонентного анализа. Семантические параметры, найденные Ю.Д. Апресяном, И.А. Мельчуком, А.К. Жолковским, позволили начать составление семантических словарей, поиски семантических первоэлементов. Эти первоэлементы, как теперь все более проясняется, лежат в сфере когнитивной деятельности человека и представляют собой фактически те же категории, которые выделены в работах американских авторов. В этой связи надо упомянуть и работы польской исследовательницы Анны Вежбицкой (Вежбицка 1996).

Оба направления развивались независимо друг от друга и пользовались разной терминологией, однако открытые в результате

¹ При ссылках на этот словарь мы будем далее пользоваться сокращением КСКТ.

этих исследований категории во многих отношениях пересекаются. Это хорошо показано в работах Е.В. Рахилиной, которая предприняла попытку соотнести терминологию американских когнитивных лингвистов и московской семантической школы Ю.Д. Апресяна (Рахилина 1998, 2000).

Область когнитивной лингвистики находится в процессе становления, она окончательно еще не сложилась (КСКТ, с. 53-55). Поэтому не удивительно, что лингвисты, осваивающие и развивающие ее проблематику, дают не тождественные толкования и определения как предмета, так и категорий этого отдела науки о языке.

Много полезных соображений о структурах знания можно почерпнуть в современных работах по проблеме «язык и мышление», авторы которых так или иначе затрагивают проблемы когнитивной лингвистики (Васильев 1990, Сигал 1997, Пинкер 1999 и мн. др.). Разнообразные толкования и определения предмета когнитивной лингвистики и ее категорий предлагают авторы, специально занимающиеся этими проблемами (Розина 1994, Демьянков 1994, Худяков 1996, Фрумкина 1996, Рузин 1996, Баранов, Добровольский 1997, Болдырев 1998, 1999, 2000, 2001, Залевская 1998, 2000, Шарандин 1998, Шаховский 2000, Красных 2000, Архипов 2001 и др.).

На основе этих работ представим далее основную проблематику современной когнитивной лингвистики и некоторые полученные в ее рамках результаты.

2. Основная проблематика когнитивной лингвистики

Широкий круг проблем, которыми занимается когнитивная лингвистика, был хорошо представлен на Первой международной школе - семинаре по когнитивной лингвистике в Тамбове 26-30 мая 1997 года. Она была организована институтом языкознания РАН и Тамбовским госуниверситетом. Материалы этой школы-семинара (Когнитивная лингвистика, 1997) представляют следующие направления когнитивных исследований:

- когнитивная лингвистика: проблемы методологии и направления исследования;
- когнитивные аспекты грамматики;
- лексика в когнитивных исследованиях;
- категории языковых единиц в системе и функционировании;
- когнитивные аспекты номинации и словообразования.

На второй школе-семинаре в Тамбове, проходившей 11-14 сентября 2000 года, эта проблематика получила дальнейшее развитие и

конкретизацию. Помимо общих вопросов, организаторы конференции предложили ее участникам такие проблемы:

- концептуализация в историческом аспекте;
- концептуализация в ментальных пространствах текста и дискурса;
- природа концепта и концептуальный анализ;
- языковая концептуализация мира, концептуальный анализ грамматических категорий (Когнитивная семантика 2000).

Третья школа-семинар, проходившая в Тамбове 16-18 мая 2001 г. показала, что проблематика когнитивной лингвистики не только углубляется, но и расширяется. Помимо уже упомянутых выше проблем, в 2001 г. обсуждались проблемы этнотранслятологии, лингвокультурологии, национального менталитета и языковой личности, языкового сознания и картины мира, когнитивные проблемы прагматики (Филология и культура, 2001).

Вся проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг ее основных категорий – *концепт, концептуализация, категоризация, концептосфера* (или *картина мира*).

Труды, посвященные концептам и концептуализации, многочисленны, и мы их далее рассмотрим специально. Здесь укажем несколько работ, посвященных категоризации (Болдырев 1998, 2000, Булыгина, Шмелев, 1997) и картине мира (Ольшанский 1996, Харитончик 1999, Тарасов 2000). Но в ходе разработки основных категорий когнитивной лингвистики ученые обнаружили множество новых аспектов изучения языка как в системе, так и в речевом функционировании.

Определился лингвистический подход к изучению символа (Шелестюк 1997), предложено понимание терминологии как фреймовой структуры (Новодранова 1998). Найдены когнитивные подходы к изучению словообразования (Раевская 2000, Аликаева, 1999). Оказались возможными когнитивные трактовки грамматических категорий (Болдырев 1998, 1999, Кравченко 1998). Определяются синтаксические концепты разных типов (Сусов 1998).

Выстраивается когнитивное изучение текстов. Обзор таких работ см. в (Кибрик 1994). Обнаружение концептов в художественных текстах проливает новый свет на понимание литературного творчества (Кибрик 1991, Лухенбрурс 1996, Тильман 1999, Мелерович 2000, Шаховский 2000, Слышкин 2000, Красных 2000, Карпенко 2000, Орлова, Болотнева 2000, Реброва 2000, Абакарова 2000, Романова 2001, Затева 2001, Пугач 2001 и др.).

Новый взгляд на метафору привел к разработке категории *когнитивной метафоры*. Выяснилось, что метафора играет большую

роль в категоризации концептов, показывая, как новое познается человеком через известное. Такой подход дал новый мощный импульс к изучению метафоры (Метафора... 1998, Теория... 1990, Пиирайнен 1997, Нухов 1999, Урубкова 2000, Орлова 2000, Новодранова, Алексеева, 2000 и др.). Метафора определена как ключ к пониманию форм репрезентации знаний (Шахнаров 2000, Рябцева 2001).

Проникновение в концептосферу позволяет лучше осмысливать миропонимание и поведение людей, раскрывает универсальные черты, присущие концептосферам всех народов и национально-специфические черты концептосфер (Гришаева 2000, Кирнозе 2001). Выявлены такие категории общечеловеческого самосознания как *говорящий* и *наблюдатель* (Кравченко 1998). Поставлена проблема компьютерного миропорождения (Богуславский 1991).

Интересные результаты в толковании миропонимания древних народов дает когнитивный подход к изучению концептуальной основы древних языков (Топорова Т.В. 1993, 1996, 1998, 2000, Михальчук 1997).

Когнитивный подход позволяет более основательно поставить старую, но не проясненную проблему возможностей невербальной коммуникации (Аристов 1998), осуществляемой с помощью фонации, кинесики, визуальных средств, тактильной коммуникации, молчания и др.

Такое обилие новых идей и аспектов рассмотрения языковых явлений делает когнитивную лингвистику особенно интересной для молодых исследователей.

Основная категория когнитивной лингвистики - *концепт* - категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Категория концепта фигурирует в исследованиях философов, логиков и психологов, она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций. Е.С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «*Концепт* - оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» (КСКТ, с.90 - 92). Осмысление новой информации, ведущей к образованию концепта, называют *концептуализацией* (КСКТ, с. 93 - 94). Этот термин когнитивной лингвистики следует отличать от общенаучного омонима, означающего формирование концепции (Пермякова 2000).

Для каждого концепта в *концептосфере* носителей языка есть вполне конкретный представитель: *образ-прототип*. Прототипы, пишет Д. Лакофф, - это наиболее четкие, яркие образы, способные

представить класс концептов в целом (например, для класса *птицы* – это воробей). На основе важнейших признаков прототипа человек производит классификационную (таксономическую) деятельность, результаты которой дают категоризацию знаний (КСКТ, с.54-56).

Подобно тому, как Е.В. Рахилина показала параллельный научный поиск зарубежных когнитологов и школы Ю.Д. Апресяна, А.В. Бондарко раскрыл близость категории прототипа, разработанной на Западе, и категории инварианта, давно используемой отечественными лингвистами, в частности представителями школы функциональной грамматики. Прототип в толковании А.В.Бондарко – эталонный репрезентант определенного инварианта среди его вариантов (Бондарко 2000). Такой подход к прототипу разделяет Шарандин (Шарандин 2000).

Научный аппарат когнитивной лингвистики – концепт, категоризация, концептуализация и др. – популярно разъяснен в последнее время Н. Н. Болдыревым в его интересном пособии для студентов и аспирантов (Болдырев 2000). Однако обсуждение этих терминов продолжается (Худяков 2001, Слышкин 2001 и др.).

3. Конкретные концепты в когнитивных исследованиях

Наряду с общетеоретическими разработками категории концепта, исследователи делают попытки представить конкретные описания тех или иных концептов. Рассматриваются концепты лексические, фразеологические, синтаксические. Рассматриваются и объединения концептов - целые лексико-семантические, лексико-фразеологические, лексико-грамматические и синтаксические поля.

Основополагающий вклад в изучение концептов через соотношение с материалом языка внесли московские лингвисты под руководством Н.Д. Арутюновой. С 1988 года труды этой группы публиковались в серии сборников «Логический анализ языка». Уже вышло в свет 14 сборников (последний датируется 2000 годом). Первые выпуски этой серии проанализированы в обзоре (Плулган, Рахилина 1991). Наряду с широким кругом общетеоретических проблем языкознания, авторы статей представили и широкий спектр описания конкретных концептов. Так, только в сборнике 1991 года с подзаголовком «Культурные концепты» описаны концепты *истина, правда, ложь, долг, творчество, причина, судьба, добро и зло, закон и порядок, красота, свобода, время и пора, память, человек и личность, свое и чужое, милосердие, вопрос.*

По интерпретации авторов, все эти концепты взаимосвязаны и замыкаются друг на друга.

Рассмотрены также концепты *уныние, меланхолия, задумчивость, забвение, радость и удовольствие*, концепт *язык* и некоторые другие. Об этих же концептах авторы писали и в иных изданиях (Лукин 1993, Михайлова 1993, Яковлева 1995 и др.).

Самым ярким описанием концептов в рассматриваемом направлении стал, на наш взгляд, фундаментальный труд Ю.С.Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (М., 1997).

Назовем основные концепты, содержание которых раскрыто в книге Ю.С.Степанова.

Культура, концепт, константа.

Вечность, мир, менталитет мира.

Слово, вера, любовь, радость, воля.

Правда, истина, партийность. Знание, наука.

Число, счет, письмо, алфавит. Закон, власть.

Свои, чужие. Русь, Родина.

Цивилизация, человек, душа. Мир (община). Интеллигенция.

Большую серию концептов из сферы интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека рассмотрел С.Г.Воркачев: *безразличие, удивление, любовь, презрение* и некоторые другие (Воркачев 1992 (1), 1992 (2), 1993, 1995, 1997, 2001). Отдельным концептам из сферы эмоций посвящены исследования других авторов (Добровольский 1996, Арутюнова 1997, Заикина 2000, Чурилина 2001, Маркина 2001, Димитрова 2001 и др.).

Появляются работы, авторы которых стараются постичь содержание концептов иностранных языков (Карнаухов 1999, Яскевич 1999, Фесенко 1999, Красавский 2000, Камкина 2001).

К настоящему времени написаны сотни работ, в которых говорится о концептах. Однако понимание содержания этого термина в этих работах заметно различается. В одних случаях концепт ничем не отличается от традиционного *значения слова* (Гажева 2000). Оно может быть истолковано как логическая категория, которая выражается целым набором языковых средств, наконец, концепт понимается и как чистая *идея*, напрямую с языковыми средствами не связанная (см. об этом также Залевская 2000).

Круг концептов, попавших в поле зрения исследователей, постоянно расширяется. Многие концепты разрабатываются неоднократно, но с использованием новых источников или методик. Таковы, например, *правда/истина/ложь/обман* (Шаховский 1999, Пузырев 2001, Потапова 2001, Розенкова 2001); *свобода/воля/судьба*

(Бочина 2001, Базылев 2001, Лавренченко 2001); закон (Бут 2000), и т.п.

Но и новые концепты попадают в поле зрения ученых. Так, в последнее время предметом исследования стала сфера человеческих действий и отношений: труд (Токарев 2000, 2001), игра (Гажева 2000), оскорбление (Воркачев, Кусов 2000) .

Разрабатывается сфера человеческого поведения: риск (Ефимова, 2000), вежливость (Романова 2001), толерантность (Данилюк 2001).

Изучаются концепты из сферы интеллектуально-модальных состояний человека: желание (Алтабаева 2000, 2001), ум (Алтабаева 2001).

Многих исследователей интересуют концепты из сферы высших сил и духовных стремлений человека: Бог (Печенкина 2000), счастье (Савенкова 2000), благо (Борзенкова 2000).

В меньшей мере лингвисты изучают концепты, отражающие признаки конкретной, реальной действительности: факт (Гончарова, 1999), пространство, место, предмет (Кубрякова 2000, Соколова 2001), снег (Рамза 2000) памятник (Караулов 2000), природа (Депутатов 2001).

Список можно продолжать, но остановимся на этом. Уже и из приведенного перечня видно, какой широкий спектр «концептов» интересует лингвистов и уже вошел в круг их рассмотрения.

Наряду с отдельно взятыми концептами, исследователи изучают и целые группы взаимосвязанных концептов, организованных по теории американских ученых вокруг некоторого типового концептуального представления - прототипа.

Категоризация приводит к образованию в системе языка больших организованных участков (синонимические ряды, лексико-семантические поля, лексико-фразеологические поля, лексико-грамматические поля, синтаксические синонимы и т. п.). Исследованию и описанию подверглись такие, например, участки системы языка:

- обозначения меры (Кулагина 1991);
- поле времени (Яковлева 1993, 1994, 1995, Дмитриук 2001);
- сфера образования (Бибок 1996);
- душа, сердце, ум, голова (Урысон 1995);
- структуры пространства и времени (Кравченко 1997);
- сферы восприятия органов чувств (Рузин 1993, 1994, Урысон 1998);
- предметы одежды (Бондарчук 2000, 2001).

Наиболее обширные и развернутые участки концептуальных объединений находим в монографических трудах башкирских ученых, рассмотревших сферы *жить* и *двигаться* (Кильдибекова, Гафарова, 1998).

Желаемой, хотя и труднодостижимой целью поисков когнитивной лингвистики является проникновение в концептосферу носителей разных языков. Понимание структуризации концептосферы позволило бы решить многие вопросы о соотношении языка и мышления, а также практические вопросы изучения и преподавания языков.

«Концептуальная систематизация или структура, - пишет Е.С. Кубрякова, - это совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение (близкие термины: ментальный лексикон, память)» (Кубрякова, КСКТ, с.90 - 92).

Сделаны попытки выйти в концептосферу человека через глагольные предикаты и синтаксические структуры (Янко 1994, Рахилина 1998, Падучева 1999, Иевлева 2000). Работы такого направления стимулируют разработку категории *пропозиции* (Юрченко 1998, Гончарова 1998, Лебедева Н.Б. 1999).

В одном из исследований этого направления Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелев утверждают, что русская языковая картина мира противопоставляет возвышенное и приземленное, внутреннее и внешнее (ср., например, оппозиции *правда/истина, добро/благо, долг/обязанность, свобода/воля, тело/плоть* и многие другие (Булыгина, Шмелев 1997).

В таких работах приоткрываются некоторые черты языковой картины мира.

Описывая разнообразные концепты, исследователи затрагивают и вопрос о типах и разновидностях концептов (фреймы, сценарии и т. д.), которые обсуждались уже в трудах зарубежных когнитивистов. Наряду с известными разновидностями концептов материал позволяет обнаруживать и новые типы. Так, Н.Ф. Алефиренко выясняя соотношение фразеологического значения и концепта, обнаружил существование *ономатопоэтического* концепта, возникающего при вторичной категоризации мира, типа *нести свой крест* (Алефиренко, 2000).

К обозначенным здесь проблемам мы обратимся для более подробного рассмотрения в Очерке 2.

4. Приемы описания концептов через анализ данных языка

Насколько разнообразны трактовки категории *концепта*, настолько же разнообразны и приемы обнаружения концептов в названных выше работах. Можно выделить следующие наиболее четко выраженные методики, используемые современными исследователями.

1. Выбирается ключевое слово (имя заданного концепта). Затем на материале разнообразных текстов составляется картотека примеров с этим словом (например, *стыд* или *совесть*) и выявляется весь круг лексической сочетаемости этого слова. Подробный анализ классов слов, с которыми сочетается ключевое слово, позволяет установить важнейшие черты соответствующего концепта (Арутюнова 1997, Рахилина 1998).

2. Другая методика представляет собой анализ словарных толкований ключевого слова по возможно большему числу словарей. Из толкований делается выборка всех возможных характеристик концепта (Гончарова 1999).

3. Третий подход - изучение многозначности слова в процессе ее развития. Анализ очередности появления новых значений слова позволяет установить определяющие это развитие черты изучаемого концепта (Гришаева 2000).

4. Следующим приемом является анализ пословиц и поговорок, в которые входит как изучаемое ключевое слово, так и оценки называемого им концепта, хотя бы самого имени концепта там и не было. Этот прием хорошо показывает народное осмысление того или иного явления (Печенкина 2000).

5. Полезным приемом изучения концептов служит также контрастивный анализ эквивалентных по прямому значению лексем разных языков. При таком подходе особенно четко выявляется национальная специфика концепта (Бибок 1996). Контрастивный анализ позволяет увидеть различие между концептом и значением слова.

6. Концепт описывается как набор признаков, необходимых и достаточных для включения его в некоторый логический класс, например, класс деревьев или класс птиц (Харитончик 1999).

7. Через маркировку грамматическими формами определяет прототипические характеристики русских глагольных классов А.Л. Шарандин (Шарандин 1998).

8. Путем анализа текста выявляются индивидуально-авторские концепты в художественных произведениях; описание таких концептов позволяет глубже понять особенности мировидения

писателя (Тильман 1999, Романова 2001, Пугач 2001, Гехтляр, Федосова (в печати) и др.).

Разные подходы к обнаружению концептов удачно сводит воедино Г.В. Токарев. Изучая культурные концепты, он находит культурную информацию в широком круге языковых средств. К таким средствам он относит:

- семантическую структуру слова;
- парадигматику, синтагматику, этимологию слова;
- деривационные сети слова;
- частеречные реализации ключевых слов концепта, их частотность и нек. др. средства.

Все эти языковые средства автор исследует для установления особенностей русского концепта *трудовая деятельность* (Токарев 2000).

Очевидно, что существует достаточно большое число методов и приемов выявления и описания концептов, но необходимо признать, что определенного алгоритма описания концептов лингвистическим средствами пока еще не создано.

Нет сомнения, что роль когнитивной лингвистики в наши дни значительна и эта роль постоянно возрастает (Кубрякова 2000, Кравченко 2000). Не случайно на ее основе развивается новое научное направление – лингвокультурология, получает второе дыхание этнолингвистика (Телия, 1996, Кузнецова 2000, Токарев 2000).

5. Основные недостатки современных когнитивных исследований

Анализ современной литературы по когнитивной лингвистике позволяет увидеть некоторые негативные стороны, слабые места многих публикаций, особенно - молодых ученых. Эти «слабые места» таковы.

1. Злоупотребление модной когнитивной терминологией без определения ее содержания: *концепт, концептуализация, когнитивный, концептосфера, языковое сознание, менталитет* так и мелькают на страницах лингвистических сборников, что носит скорее лозунговый, чем конкретно-лингвистический характер. Несколькими десятилетиями ранее такой же лозунговый характер носило терминопотребление *знаковый, уровневый, система, структура, структурно-семантический* и нек. др. Это ведет к теоретической эклектике. Содержание понятий расплывается, лишается всякого

смысла, не ясен ни конкретный предмет, ни инструмент или метод исследования.

2. Следствием сказанного является устойчивое, почти постоянное неразличение мыслительных (ментальных) и языковых явлений, смешение концептов и языковых средств их репрезентации: нередко языковые средства именуется концептами, а о концептах говорится как о языковых средствах.

Порой лингвистическая по определению работа выглядит скорее как культурологическая: автор больше сообщает сведений из истории культуры, чем осуществляет конкретный лингвистический анализ предмета своего исследования. Бесспорно, что культурологические работы важны и нужны, но лингвист, по нашему убеждению, должен идти *от анализа лингвистических фактов*. Кстати, широкое и очень часто, к сожалению, непрофессиональное применение культурологических терминов (особенно термина *культура*), сплошь и рядом встречающееся в лингвокогнитивных исследованиях, также заметно снижает их ценность.

3. Очень часто наблюдается отождествление концептов с семантикой языковых единиц. Встречаются выражения типа «концептуальная структура понятия», «концептуальная структура значения». В подобных случаях сплошь и рядом семантические исследования, описания семантики языковых единиц называются «когнитивным анализом», что, разумеется, далеко не одно и то же.

4. Остро ощущается отсутствие хорошо разработанной методики когнитивного анализа языковых фактов. Каждый автор находит свои решения, более или менее удачные, но, как мы уже сказали выше, не всегда лингвистические. Опора на сведения из смежных наук, построение общекультурных и историко-этимологических гипотез без опоры на языковой материал приводит исследователей к произвольным построениям и по сути своей не является когнитивно-лингвистическим подходом.

6. Актуальные задачи современной когнитивной лингвистики

Выполненный нами обзор современного состояния когнитивной лингвистики позволяет представить наиболее актуальные задачи ее дальнейшего развития.

Самыми актуальными задачами современной когнитивной лингвистики, по нашему мнению, являются следующие:

- четкое разграничение когнитивной лингвистики и когнитологии, концептосферы и языковой сферы (семантического пространства языка), концепта и языковых средств его выражения;
- определение основных понятий, прежде всего – понятия *концепт*;
- типология концептов;
- разработка поэтапной методики *лингвокогнитивного анализа*, которая в опоре на собственно языковые факты и лингвистические методы давала бы когнитивную и культурологическую информацию, раскрывающую различные стороны воплощенных в языке концептов.

Все сказанное выше объясняет, на наш взгляд, цели и задачи нашей работы. Мы предлагаем читателям во втором и третьем очерках те постулаты и методики когнитивных исследований, которые разработаны авторами этих очерков и их учениками. Мы полагаем, что в общем русле развития когнитивной лингвистики наши теоретические разработки и результаты практических исследований найдут свое место.

Очерк второй

Основные категории КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В данном очерке мы предлагаем читателю опыт системного описания основных категорий когнитивной лингвистики в той интерпретации, которая сложилась у нас на основе изучения литературы вопроса, а также на основе наших собственных исследований и работ наших учеников и коллег.

1. Понятие концептосферы

Когнитивная лингвистика широко обсуждает категорию концептосферы человека - области знаний, составленной из концептов как ее единиц.

Термин «концептосфера» был введен в отечественной науке академиком Д.С.Лихачевым. Концептосфера, по определению акад. Д.С. Лихачева, это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа (Лихачев 1993, с.5).

И концепты, и соответственно концептосфера – сущности ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые. Современные научные данные убедительно подтверждают реальность существования концептосферы и концептов, а именно, реальность мышления, не опирающегося на слова (невербального мышления). Подробнее об этом пойдет речь ниже.

Необходимо также указать на то, что концептосфера носит, по-видимому, достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. А.Н.Лук писал, что даже между понятиями *небо* и *чай* существует смысловая связь, которая может быть установлена, к

примеру, следующим образом: небо – земля, земля – вода, вода – пить, пить – чай (Лук 1976, с.15).

Конкретный характер системных отношений концептов требует исследования, но общий принцип системности, несомненно, на национальную концептосферу распространяется, поскольку само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация предполагает упорядочение ее объектов.

Таким образом, концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа.

Можно говорить также о существовании групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, гендерная и т.д.), а также индивидуальной концептосферы отдельного человека, но нас в данной книге интересует именно национальная концептосфера.

2. Современные представления о невербальности мышления и онтологический статус концептосферы

Универсальный предметный код

Концепция универсального предметного кода как нейрофизиологического субстрата мышления была разработана Н.И.Жинкиным, опиравшимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л.С.Выготским. Дальнейшую разработку этой идеи находим в работах И.Н.Горелова.

Основные взгляды Л. С. Выготского на проблему порождения и понимания речи выражены в его книге «Мышление и речь». Л.С.Выготский различает значение и смысл. Значение - это объективно сложившаяся в ходе истории общества система связей, которая стоит за словом, то, что объединяет различных носителей языка в понимании той или иной номинации. Смысл - это индивидуальное значение слова, которое связано с личностным субъективным опытом говорящего и конкретной ситуацией общения. Смысл всегда имеет индивидуально-личностный характер, он рождается в субъективном сознании говорящего и как бы несет в себе то содержание, которое должно воплотиться в речи. Значение демонстрируется в результате речепорождения. Движение от мысли к слову, по Выготскому, предстает в форме превращения *личностного смысла* в общепонятное *значение*.

Процесс превращения мысли в слово осуществляется во внутренней речи. Внутренняя речь - это не «говорение про себя», не

«речь минус звук»; она имеет особое строение и качественно отличается от речи внешней. Именно во внутренней речи слова переходят из замысла в значение. Именно здесь появляются первые словесные обозначения элементов смысла, которые впоследствии превращаются в связную речь.

Внутренняя речь - результат длительной эволюции сознания. Ее еще нет у ребенка-дошкольника. Она формируется постепенно из внешней, так называемой эгоцентрической речи маленьких детей, которая все более сворачивается, делается сначала шепотной и лишь затем уходит внутрь языкового сознания. Такое превращение внешнего говорения во внутреннюю сжатую речь носит название интериоризации речи. Обычно в норме механизм внутренней речи завершает свое формирование к подростковому возрасту (10-11 лет).

Учение о внутренней речи - одна из важнейших заслуг Л. С. Выготского и его многочисленных учеников и последователей. Однако ранняя кончина Л.С.Выготского не позволила ему развить свою идею и устранить некоторые противоречия, которые выявились в его концепции.

И.Н.Горелов и К.Ф.Седов, анализируя концепцию Л.С.Выготского, пишут о его знаменитой фразе «Мысль не воплощается, а совершается в слове»: «Эта цитата из книги ученого стала кочевать по разным учебникам и монографиям, посвященным проблемам психологии речи. Вырванная из контекста, она часто интерпретируется таким образом: человек не знает, о чем он будет говорить до тех пор, пока не заговорит. ... Здравый смысл заставляет усомниться в справедливости подобной трактовки порождения высказывания. И в самом деле, разве мы не знаем до запуска механизма речевой деятельности того, о чем пойдет речь? ... Подобные рассуждения заставили ученика и соратника Л. С. Выготского С. Л. Рубинштейна несколько смягчить определение учителя: «В речи мы формулируем мысль, но формулируя, мы сплошь и рядом ее формируем». Такая редакция ближе к истине, но и она не дает ответа на возникающие вопросы:

1. Если внутренняя речь формируется у детей к 10-летнему возрасту, то как понимают высказывание дошкольники?
2. Как происходит процесс перевода с одного языка на другой?

В книге Л.С. Выготского есть намек на разрешение возникающего противоречия: «Единицы мысли и единицы речи не совпадают», - писал ученый. Процесс порождения высказывания он сравнивал с нависшим облаком, которое проливается дождем слов. Иначе говоря, исследователь обозначил существование двух качественно отличных языков, которые взаимодействуют в сознании человека: языка мысли и

языка словесного....Противоречия концепции Л. С. Выготского удалось разрешить другому выдающемуся отечественному психологу Н. И. Жинкину, предложившему гипотезу существования в сознании человека универсально-предметного кода (УПК)» (Горелов, Седов 1998, с. 62- 63).

Согласно концепции Н.И. Жинкина, базовым компонентом мышления является особый «язык интеллекта» (его-то и назвал исследователь универсальным предметным кодом).

Применив методику речевых помех, Н.И.Жинкин показал, что мышление не связано с речедвигательным кодом и осуществляется в особом несловесном предметно-образном коде, который получил название «универсальный предметный код» (сокращенно – УПК). Единицами универсального предметного кода являются наглядные образы, формирующиеся в сознании человека в процессе восприятия им окружающей действительности. Код этот имеет принципиально *невербальную природу* и представляет собой систему знаков, представляющих собой результат чувственного отражения действительности в сознании. Это «язык» схем, образов, осязательных и обонятельных отпечатков реальности, кинетических (двигательных) импульсов и т. п. При помощи этих образов и осуществляется мышление человека.

«Н. И. Жинкин характеризует этот код как непроизносимый, в котором отсутствуют материальные признаки слов натурального языка, и где *обозначаемое является вместе с тем и знаком* (выд. авторами – З.П.,И.С.)» (Р.Г.Котов, А.И.Новиков. Предисловие // Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., Наука. 1982, с.5).

В современной лингвистике и психолингвистике для характеристики нейрофизиологического субстрата мышления используются термины *образный код, смешанный код, предметно-схемный код, внутренний субъективный код, предметно-изобразительный код, вторичный код, язык мозга, автономный код, индивидуальный код* и др. Термин «универсальный предметный код», восходящий к Н.И.Жинкину, является более употребительным и представляется предпочтительным.

В посмертно вышедшей книге «Речь как проводник информации» (М.,1982) Н.И.Жинкин отмечал: «Интеллект, для которого предназначается сообщение, не понимает естественного языка. У него есть собственный информационный язык. На этом языке он строит гипотезы, доказательства, делает выводы, выносит решения и т.д.» (с.18); интеллект «вырабатывает понятия, суждения, делает умозаключения и выводы с тем, чтобы отразить действительность и

указать мотивы человеческой деятельности. Все эти операции не зависят от того, на каком языке говорит человек» (с.88).

Интеллектуальная деятельность на базе УПК осуществляется в лобных долях головного мозга, сам же процесс перехода речи на уровень интеллекта и наоборот осуществляется самыми различными областями коры (с.88).

«Теоретические поиски Н. И. Жинкина не опровергают, а значительно дополняют и углубляют концепцию Л. С. Выготского. Они позволяют уточнить классическую формулу перехода мысли в речь. Мысль, существуя в пределах возможностей универсально-предметного кода, в ходе ее вербализации способна трансформироваться, обрести значения, которые несут в себе единицы конкретного национального языка» (Горелов, Седов 1998, с.64).

Н.И.Жинкин указывает, что УПК является универсальным потому, что он «свойствен человеческому мозгу и обладает общностью для разных человеческих языков», обеспечивая переводимость (с.54). Добавим, что универсальность этого кода также в том, что он, будучи производным от чувственного восприятия действительности, а не от языка, есть у всех людей, не только независимо от того, на каком языке они говорят, но и независимо от того, говорят ли эти люди вообще (ср. глухонемые – они воспринимают действительность органами чувств, а значит у них в любом случае формируется УПК, позволяющий им мыслить).

Универсальность УПК обеспечивает возможность понимания языка маленькими детьми, еще не владеющими или плохо владеющими языком, а также детьми, у которых еще не сформировались в полной мере механизмы внутренней речи – УПК формируется быстрее и раньше, чем эти механизмы. и именно он обеспечивает умственную деятельность и возможность сначала просто понимать чужую речь.

Таким образом, можно сказать, что универсальным код называется потому, что он есть у всех людей, а предметным - поскольку его единицы представляют собой преимущественно предметные образы.

На универсальном предметном коде происходит формирование замысла речи, первичная запись личностного смысла, который стремится выразить говорящий. Движение от мысли к слову происходит на первых этапах развертывания этого процесса с использованием невербального кода, который в ходе порождения речи перекодируется в языковую форму.

Порождение речи, таким образом, это переход с кода чувственных образов на обычный вербальный язык. В процессе восприятия и

понимания языка мы, наоборот, переводим языковые единицы на универсальный предметный код.

Универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта.

Единицы универсального предметного кода - это нейрофизиологические единицы, кодирующие в биоэлектрической форме все знания человека и хранящие их в таком виде в долговременной памяти человека. Это образы, схемы, картины, чувственные представления, эмоциональные состояния, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в сознании, памяти по различным основаниям.

Объединяясь в сознании в более крупные комплексы, они создают сложные картины, активизация отдельных элементов которых, выделение в структуре комплексной ментальной картины ситуации некоего отдельного признака представляют собой предикации. Будет ли эта предикация развернута в высказывание, зависит от коммуникативных потребностей индивида: далеко не все свои мысли человек сообщает окружающим, но вычленение в ментальной картине основного признака означает *состоящуюся мысль*.

Единицы универсального предметного кода могут косвенно обнаруживать себя. Так, если человек не знает смысл какого-либо абстрактного понятия, он пытается помочь себе объяснить это изобразительными жестами, движениями руки. Видимо, он пытается опереться на образную единицу УПК, пытается изобразить ее, в то время как абстрактная идея не может быть изображена наглядным образом (как, например, такие концепты как *рябь*, *зыбь*, *винтовая лестница*, *круглый*, *квадратный*, *маленький* и др.), она закрепляется сложным комплексным образом, который «руками» изображен быть не может.

Когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они произвольно пытаются помочь себе, изображая руками перед собой в ходе рассуждения некоторые замысловатые фигуры – то есть как бы пытаясь изобразить, передать экзаменатору тот образ, который, как они считают, кодирует необходимую им единицу знания в их сознании и для которого они не могут найти подходящие слова.

Значительное количество слов языка (гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд) связано в сознании людей с чувственно-наглядными образами (ср. *мяч*, *лимон*, *луна*, *солнце*, *кислый*, *сладкий*,

красный, зеленый, лужа, окурок и мн. др.). Эти чувственные образы кодируют соответствующие концепты в памяти.

В ассоциативных экспериментах испытуемые очень часто идентифицируют стимулы через личные чувственные образы (мама - моя, город - Воронеж, мой, муж - любимый и др.), обнаруживая чувственный образ, который, видимо, и кодирует данный концепт в их сознании.

Таким образом, универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка и обеспечивает как непосредственно сам процесс мышления, так и начальный этап порождения речи (речевое высказывание начинается с личного смысла, выраженного универсальным предметным кодом), а также завершающий этап понимания речи (понимание речевого высказывания завершается «переводом» на универсальный предметный код).

Доказательства невербальности мышления

Концепция невербальности мышления Л.С.Выготского и Н.И.Жинкина была развита российским ученым И.Н.Гореловым, который тщательно проанализировал экспериментальные доводы как в пользу невербальности мышления, так и против.

Исследования И.Н.Горелова, других авторов, наши собственные наблюдения позволяют следующим образом суммировать доказательства, подтверждающие концепцию невербальности мышления.

Эмпирические доказательства

1. Самонаблюдения многих людей свидетельствуют о том, что они не пользуются словами в процессах абстрактного мышления. Известно высказывание А.Эйнштейна: «Слова, написанные или произнесенные, не играют, видимо, ни малейшей роли в механизме моего мышления. Психическими элементами мышления являются некоторые более или менее ясные знаки или образы». «Я утверждаю, что слова полностью отсутствуют в моем мышлении, когда я действительно думаю», - писал французский математик Ж.Адамар.

И.Т.Абрамова, обосновывая существование несловесного мышления с позиции философии, опирается, в частности, на свидетельства писателей и поэтов, описавших сложный процесс

несловесного мышления и попытки как-то представить результаты этого мышления в словах (Абрамова 2001)

2. Животные в общении с людьми понимают слова и выполняют словесные указания, но языком человека, они, естественно, не владеют.

3. Возможно понимание речи в условиях неумения говорить или недостаточной сформированности речевых механизмов.

Дети до двух-трех лет понимают обращенную к ним речь взрослых, мыслят в рамках своего интеллектуального развития, но языком еще не владеют. Дети, не обладающие в полной мере (до 10-12 лет) сформированными механизмами внутренней речи, используемой для перекодирования невербальных сигналов в вербальные и наоборот, тем не менее, понимают обращенную к ним речь и мыслят.

4. Глухонемые обладают мышлением, ни в чем не уступающим мышлению говорящих людей, хотя не слышат речь и не говорят. Они мыслят, поскольку органы чувств обеспечивают им формирование УПК как инструмента мышления вне какой-либо связи с речью.

5. Все люди систематически испытывают муки слова. Можно понимать что-либо, но быть не в состоянии это сказать, выразить словами; особенно наглядно это проявляется в ситуациях творческого, художественного, научного мышления.

Писатели многократно правят тексты своих произведений, уточняя средства выражения своей мысли. Любому пишущему что-либо важное необходим черновик.

Многие люди, включая политиков, обладают ярко выраженным косноязычием, но им нельзя отказать в наличии у них определенного мышления.

В устной речи говорящий обычно допускает паузы, хезитации, использует слова-паразиты *э-э, м-м-м, так сказать, значит, это самое, вот такая штука, короче* и мн.др. Это – доказательство того, что говорящий в этот момент ищет подходящее слово для выражения своей мысли.

Многочисленные случаи автокоррекции (*я не то хотел сказать, я неудачно выразился, я хотел сказать, что* и под.) свидетельствуют о том же – поиске слова для выражения мысли: «легко обнаружить, что автокоррекции затрагивают не только лексический уровень – выбор слова, подбор синонимов, но и синтаксические перестройки. «Все это, в частности, означает, что замысел будущего в речи, т.е. тот смысл, который конструируется в аппарате мозга говорящего, вовсе необязательно – даже в момент собственно вербализации –

«изначально привязан» к определенной форме языкового выражения» (Горелов, Седов, с. 65).

Все эти факты свидетельствуют о том, что при говорении и письме действует механизм подбора слов к уже в основном готовой мысли, которая сформирована в сознании до ее языкового оформления.

6. Многие мысли, существующие в сознании конкретного человека, вообще никогда не выражаются им словесно, поскольку они не предназначены для сообщения. Так, человек крайне редко вслух сообщает кому-либо о своих сиюминутных планах, физиологических потребностях, личных симпатиях и антипатиях к тому, что он сейчас видит вокруг себя и т. д. Рискнем предположить, что для выражения большинства мыслей, которые могут возникнуть по разным поводам у конкретных людей, просто нет готовых языковых единиц. Тем не менее, эти мысли существуют как компоненты сознания, они определяют поведение человека - вне какой-либо связи с их языковым выражением.

7. Понимание очень часто наступает вне зависимости от возможности словесно сформулировать понятие: «понимаю, но не знаю, как сказать». При чтении текста на иностранном языке, при переводе с иностранного языка, при чтении научной статьи, при восприятии речи на слух часты случаи, когда мы прекрасно поняли смысл, но затрудняемся передать его на своем родном языке.

8. Классифицируя какие-либо явления или слова, мы очень часто прекрасно понимаем, что их объединяет или различает, но затрудняемся обозначить это в словесной форме. Такое часто бывает в практике научной работы у студентов и аспирантов-филологов, собирающих и классифицирующих языковой материал: они говорят руководителю – «Вот я выделил группу, но не знаю, как ее назвать». Многих готовых названий в языке просто нет, но это не значит, что мы соответствующее явление не можем осмыслить и не можем в конце концов в результате специальных усилий подобрать или сконструировать необходимую номинацию.

9. Восприятие и понимание слов и целостных текстов предполагает перекодирование полученного смысла в «код смысла» – то есть в УПК, и если это произошло, то при необходимости воспроизвести словесно понятый смысл (например, если нас об этом попросили), мы обычно пользуемся «своими словами», то есть используем другие языковые средства, нежели те, что были восприняты нами в тексте (именно это, кстати, как хорошо известно в методике и педагогике, свидетельствует о том, что имело место *понимание*).

Н.И.Жинкин писал в связи с этим, что воспринимаемый человеком текст «сжимается в некий концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка. Концепт хранится в долговременной памяти и может быть восстановлен в словах, не совпадающих буквально с воспринятыми, но таких, в которых интегрирован тот же смысл, который содержался в логическом интеграле полученного высказывания» (Жинкин 1982, с.84).

По данным А.А.Залевской, когда испытуемых просят вспомнить те или иные слова-стимулы, которые предъявлялись им в ассоциативном эксперименте, они часто осуществляют подмену слов на близкие по значению – *пес* вместо *собака*, *цветок* вместо *роза* и т.д.; следовательно, запомнился смысл, концепт, а в процессе припоминания испытуемый подбирает для него подходящую языковую форму.

10. Процесс припоминания забытого слова наглядно показывает, что мы ищем некоторый словесный знак для уже готовой мысли, уже имеющегося в сознании концепта. Мы отчетливо осознаем в своем сознании некий концепт, который нам нужно назвать адекватным словом, и перебираем подходящие слова, оценивая их адекватность ситуации. Вот как описывает этот процесс американский психолог У.Джеймс: «Допустим, мы пытаемся вспомнить забытое имя. В нашем сознании существует как бы провал, ... но эта пустота чрезвычайно активна. Если нам в голову приходит неверное слово, эта уникальная пустота немедленно срабатывает, отвергая его». Это значит, что в действительности в нашей памяти имеет место не пустота, а концепт, образ, который «ищет» себе форму языкового выражения.

11. Замечено, что люди, хорошо знающие тот или иной иностранный язык, часто в процессе общения испытывают искушение вставлять в свою речь иностранные слова или выражения, более адекватно передающие, по их мнению, ту мысль, которую они хотят выразить: для них поиск адекватной языковой формы для концепта облегчен знанием другой лексической системы, а значит у них больше лексических возможностей для номинации концепта, который существует в их сознании автономно от национального языка.

12. При обучении скорочтению метод заключается в подавлении скрытой артикуляции, внутреннего проговаривания при чтении, что означает обучение читателя переходу непосредственно к УПК, минуя промежуточный код (о кодовых переходах см.ниже). Развитие этого навыка и позволяет значительно увеличить скорость понимания читаемого текста.

Экспериментальные доказательства

И.Н.Горелов приводят ряд экспериментальных доказательств невербальности мышления, отсутствия обязательной связи мышления со словом (Горелов, Седов, с.92 -100).

В одном из рассказов С. Довлатова приводится такой диалог: - Ты читала мой рассказ «Судьба»? - Конечно, я же набирала его для альманаха «Перепутье». Тогда я задаю еще один вопрос: - А что сейчас набираешь? - Булгакова для «Ардиса». - Почему же ты не смеешься? - Потому что я набираю совершенно автоматически.

Возможно ли совершенно автоматически производить набор текста, не вникая в его содержание? Если - да, то тогда имеет место обработка текста (причем дважды - считывание с рукописи и репродукция его же литерами на клавишах), в процессе которого мышление участия не принимает.

Был проведен большой многосерийный эксперимент с машинистками и наборщиками. Уже предварительные наблюдения показали, что опытные наборщики и машинистки умудряются во время работы перебрасываться друг с другом репликами (без отрыва от работы), слушать радиопередачи, (не музыкальные, а «разговорные»). В специальных условиях было проверено, что понимание речи соседа или текста радиопередач производится, действительно, не в «зазорах», не в кратких перерывах между набором или печатанием, а именно параллельно с ними. Однако в эксперименте был найден способ сделать такую работу затруднительной и даже невозможной: испытуемым предлагалось перепечатать (или набрать) текст, который был специально деформирован грамматически - как синтаксически, так и морфологически, например: «Многая из такое и позже также или или вот из латуни муравьиные сапога пошел скоро потому, что он стала совсемочки белая». Такого рода текст никто из участников эксперимента не смог перепечатать или набрать, не отвлекшись от текстов разговоров или от текста радиопередач. Однако дело оказалось не в бессмысленности содержания. С хорошей скоростью (без отрыва от посторонних разговоров) перепечатывался не менее бессмысленный текст: «Многое из такого в данный момент и позже муравьи в латунных сапожках обнаруживали неоднократно; при этом они становились совсем белыми».

Значит, помехой наборщикам и машинисткам служила не семантика текста, который они обрабатывали, а его поверхностная вербальная структура, которая была нарушена. Значит, женщина из рассказа С. Довлатова совершенно честно рассказала о том, что она с

текстом работает «совершенно автоматически». Понимание текста при наборе или перепечатке не только невозможно, но и нецелесообразно; при вникании в смысл оно бы только тормозило работу.

Способность перерабатывать поверхностную структуру текста без проникновения в смысл читаемого и печатаемого (набираемого) реальна, даже профессиональна для известной группы лиц. Реализация же этой способности свидетельствует о том, что связь между процессом мышления и вербализацией поверхностной структуры текста может быть явно нулевой, отсутствующей. Таким образом, в определенных условиях мысль и язык могут «сосуществовать» без всякой связи.

В особом эксперименте большой группе испытуемых через наушники передавались одни тексты, а синхронно через зрительный канал надо было одновременно обрабатывать тексты того же объема, но совершенно другого содержания. После опыта испытуемые должны были пересказать и текст, предъявленный на слух, и тот, что предъявлялся зрительно. Результаты показали, что испытуемые сосредоточивались либо на читаемом ими тексте (и тогда хорошо его пересказывали), либо на тексте через наушники (и тогда хорошо пересказывали его). Параллельные тексты никто пересказать не мог, часто даже тему затруднялись назвать. Типичный отчет испытуемого: «Сначала как будто удавалось читать и слушать одновременно. Но после всего один текст рассыпался, не остался в памяти». Те же, кто во что бы то ни стало, следя за собой, пытались усвоить содержание обоих текстов, не запомнили ни одного.

Результат объясняется так: участки коры, ответственные за слуховое и зрительное восприятия (они находятся в разных местах мозга) работали нормально и свои задачи выполняли исправно. Однако зрительные и слуховые сигналы одновременно поступали в общий центр смысловой обработки информации, и здесь произошла интерференция результатов мозгового декодирования сигналов одной и той же речевой природы, что помешало «расшифровке» разносмысловых и разнооформленных текстовых материалов.

Был проведен и второй эксперимент: через наушники, как и прежде, передавались тексты, а для зрительного предъявления был избран совсем другой материал - серия рисунков Х. Бидструпа (по 6 в каждой серии). Каждая серия представляла собой своеобразный «рисунчатый» рассказ о каком-либо событии, понять смысл серии можно было только последовательно переходя от одного рисунка к другому. Время было выверено так, что текст на слух мог быть нормально усвоен за тот же промежуток, что и серия рисунков.

Результат оказался совсем не тот, что при одновременной обработке двух вербальных текстов - и поданный на слух текст пересказывался без потерь, и серия рисунков описывалась верно. Это связано с тем, что образное содержание рисунков практически почти не надо перекодировать в аппарате мозга, а вербальный текст надо было все равно расшифровывать в центре обработки смыслов: пока он расшифровывался, рисунок уже был усвоен.

Эксперимент показывает, что языковой материал должен сначала пройти перекодировку в особый код мозга, ответственный за построение смысла. Он, этот код, в процессе своего функционирования, и есть информационная система, которую мы называем «мышлением». Этот код не зависит от специфики национального языка, он универсален и имеет надязыковой характер. Рисунок (картина, реально наблюдаемая ситуация в жизни, шахматная позиция, чертеж конструкции) – их понимание зависит от знаний смысла соответствующих зрительно воспринимаемых элементов, а не от знаний языка. Поэтому рисунок, схему понимают представители практически любых языков.

Поскольку и понимание языковых текстов, и серии рисунков являются безусловно осмысленными, т. е. мыслительными процессами, то опыт показывает, что один из этих процессов (чтение) безусловно осуществляется - по крайней мере на изначальном этапе восприятия - на базе соответствующего национального языка, а другой (восприятие рисунков) - обходится без вмешательства языка, представляет собой невербальный процесс.

И.Н.Горелов описывает также следующий опыт. Известна максимальная скорость латентных микродвижений органов артикуляции; эти движения, естественно, соответствуют способности произносить некоторый текст на данном национальном языке, но, в отличие от артикуляции речи вслух, латентные движения более кратковременны. Их скорость примерно втрое выше скорости артикулирования звуковой речи. Если последняя производится со скоростью 8 слогов в секунду, то максимальная латентная артикуляция осуществляется, следовательно, с максимальной скоростью 24 слога в секунду.

Был проведен следующий опыт. Десяти испытуемым раздали по одной репродукции с сюжетной картины, ранее испытуемым не известной. По сигналу экспериментатора испытуемые переворачивают репродукцию «лицом вверх» и в течение 2-х секунд рассматривают ее. После этого картинка переворачивается тыльной стороной вверх, а испытуемые описывают увиденное на специально заготовленных

листочках. Согласно инструкции, им надо максимально лаконично описать увиденное на картинках, перечисляя предметы, их взаимное расположение и цвет (размер), а также самым кратким образом сформулировать смысл изображения. Затем листки собираются экспериментатором, а написанные тексты дополнительно сокращаются: все слова по возможности заменяются на наиболее краткие синонимы, убираются избыточные слова и словосочетания; например, вместо «изображенная ваза» - «ваза». Вычеркиваются и заголовки, формулировки, нужные только для того, чтобы экспериментатор понял, что содержание репродукции усвоено верно. В оставшемся тексте подсчитывается число слогов. В опыте оно было равно в среднем 250. Отнимаем от этого числа 100, учитывая, что образ увиденного некоторое время остается в оперативной памяти испытуемых (явление эйдетики) уже после конца предъявления картинки. Оставшееся число (150) делим на максимальную скорость латентной артикуляции, т. е. на 24 слога в секунду. Получаем около 6 (секунд). Но ведь картинка осмыслялась за время втрое меньше. Отсюда делается вывод, что при осмыслении картинки латентная артикуляция была не нужна, т. е. не было языковых операций.

При этом экспериментатором сознательно указана завышенная скорость латентных артикуляционных движений: реально они не втрое, а только вдвое превышают скорость артикуляции в потоке звуковой речи... Тем менее обосновано утверждение, что всякое осмысление требует языковой базы.

Эксперимент по словесному описанию картины и последующим максимально быстрым зачитыванием испытуемыми полученного описания (в среднем 120 слов) показал, что если запечатление картины с усвоением содержания происходит при помощи внутреннего проговаривания, и если предположить, что каждому слову внешней речи во внутренней соответствует один звук, то «120 словам должны соответствовать 12 латентных движений, что значительно выше разрешающих возможностей органов артикуляции (Горелов 1980, с.43).

Многолетняя серия экспериментальных исследований приводит И.Н.Горелова к выводу: нормально человек мыслит, когда говорит о чем-то. Но это не значит, что человек, мысля, обязательно при этом еще и «скрытно говорит». Поэтому, по мнению И.Н.Горелова, Н. И. Жинкин справедливо утверждал, что человек мыслит не на каком-либо национальном языке, а средствами универсального предметного кода мозга.

Кодовые переходы при речепорождении и речевосприятии

Важнейшим постулатом концепции невербальности мышления является постулат о наличии кодовых переходов при речепорождении и речевосприятии.

Заложил основу теории кодовых переходов Л.С.Выготский, предложивший рассматривать внутреннюю речь как особый код, промежуточный между мыслью и речью. Он подчеркивал, что превращение мысли во внешнее слово проходит несколько фаз, проходит через несколько различных процессов: «от смутного замысла речи - к развитию этого замысла сначала во внутренней, а затем и во внешней речи» (Выготский 1982, с.49).

Н.И.Жинкин развил идею Л.С.Выготского: мысль возникает в УПК, затем перекодируется в особый промежуточный код, который затем в свою очередь перекодируется во внешнюю речь. При понимании речи происходит обратный процесс: речь перекодируется сначала в промежуточный код, а затем в УПК и попадает таким образом в долговременную память.

Важнейшее значение для научного понимания этих процессов имеют работы академика Н.П.Бехтеревой, которая экспериментально вскрыла и описала нейролингвистическую природу кодовых переходов. Биоэлектрические коды мозга записывались специальными устройствами и анализировались на ЭВМ. Установлено, что у каждого человека есть специальный биоэлектрический код для каждого слова. Этот код называют паттерн, и он субъективен у каждого человека. Это биоэлектрический, нейрофизиологический эквивалент слова в сознании человека, различная частота импульсных разрядов нейронов и сама структура импульсного потока.

Когда испытуемый слышит слово, у него в сознании возникают биоэлектрические импульсы, которые фиксируются и анализируются экспериментатором. Установлено, что:

1/ сначала, сразу после восприятия слова, в сознании человека возникает паттерн, отражающий акустические признаки слова (слова, близкие по звучанию, имеют похожие паттерны); это - первая фаза переработки вербального сигнала мозгом, первая фаза кодовых переходов;

2/ затем первичный акустический паттерн претерпевает трансформацию, связанную с анализом значения предъявленного слова. Паттерн носит компенсированный характер, в сжатом виде повторяя все основные опорные точки акустического сигнала, но в нем уже появляются элементы, не отражающие звуковую оболочку слова.

Этот паттерн быстро трансформируется в следующий тип, если слово оказывается знакомым испытуемому, но довольно долго держится, если слово незнакомое;

3/ наконец, промежуточный паттерн трансформируется в такой, который уже никак не связан с акустическим обликом слова и является уже чисто семантическим. Такие паттерны образуют, по Н.П.Бехтеревой, вторичный нервный код или автономный код. Любопытно, что близкие по смыслу слова в автономном коде имеют сходные паттерны / в акустическом коде, напомним, сходными были паттерны близких по звучанию слов/. Установлено, что перестройки второго и третьего типа полностью отсутствуют в паттернах активности при восприятии квазислов, бессмысленных звукосочетаний. При этом именно при обработке квазислов наблюдались вспышки артикуляторной активности.

Таким образом, можно говорить о существовании следующих кодовых переходов:

Речевосприятие

внешняя речь ⇒ акустический код ⇒ промежуточный код ⇒ УПК

Речепорождение

УПК ⇒ промежуточный код ⇒ акустический код ⇒ внешняя речь

И.Н.Горелов, анализируя материалы экспериментов Н.П.Бехтеревой и на основе результатов собственных экспериментов приходит к выводу, что «вторичный нервный код и есть УПК Н.И.Жинкина, «дешифрат» вербального кода. Эти положения представляются предельно четким выражением идеи невербальности собственно мыслительного процесса» (Горелов 1980, с.37).

В более поздней своей работе И.Н.Горелов пишет: «Понимание речи есть процесс девербализации, перевода в УПК. Порождение речи есть процесс вербализации, то есть перевод из УПК в код коммуникативного («внешнего») языка, в речь. Мышление как таковое ... есть функционирование УПК» (Горелов 1987, с.135).

О понятии «внутренняя речь»

Понятие внутренней речи используется различными авторами в самых разных значениях.

Традиционное понимание внутренней речи представлено

концепцией Л.С.Выготского, по которому внутренняя речь - это речь, состоящая из предикатов, ключевых слов, несущих в себе основную, наиболее существенную для говорящего информацию. Внутренняя речь - это речь свернутая, сжатая, часто деграмматизированная. Она несет в себе конспект будущего высказывания и разворачивается в считанные доли секунды.

Концепция Н.И.Жинкина, исследования Н.П.Бехтеревой, И.Н.Горелова позволяют перейти на следующий этап в осознании природы внутренней речи.

В повседневном употреблении под внутренней речью обычно понимают те слова, что «звучат внутри нас» в некоторых ситуациях. Такие ситуации наше сознание довольно часто фиксирует. С точки зрения концепции кодовых переходов - это не внутренняя речь, а скрытое, неслышимое проговаривание, так называемая «речь минус звук».

Неслышимое проговаривание возникает и становится заметным для человека в ряде случаев.

Так, если человек о чем-нибудь размышляет, скрытое проговаривание часто возникает, если он тщательно обдумывает, репетирует форму предстоящего высказывания, готовится к важной речи, важному высказыванию; при подготовке эмоциональных письменных и устных текстов; в состоянии сильного эмоционального напряжения, когда неслышимое проговаривание выполняет функцию «выпускного клапана» для переживаемых человеком эмоций; при заучивании текстов наизусть для последующего воспроизведения.

При восприятии речи неслышимое проговаривание возникает при затруднениях в понимании слов (например, иностранных, длинных, незнакомых), отдельных мест текстов; при эмоциональном сопереживании собеседнику (мы повторяем его слова про себя); в процессе обучения чтению «про себя». Подчеркнем, что в любом случае внутреннее проговаривание - это вид внешней, а не внутренней речи, поскольку при внутреннем проговаривании задействованы все механизмы внешней речи и лишь громкость отключена, как в телевизоре.

Отметим, что в концепции Н.И.Жинкина были некоторые противоречия. Прежде всего это касалось соотношения внутренней речи и УПК. С одной стороны, Н.И.Жинкин отождествляет УПК и внутреннюю речь: «внутреннюю речь надо рассматривать как универсальный предметный код, ставший посредником между языком и интеллектом (с.18-19); с другой стороны, отмечает, что УПК и внутренняя речь все-таки не тождественны: «на этом коде работает

внутренняя речь» (с.54), УПК «входит в состав внутренней речи» (с.26), то есть представляет собой некоторое явление, отдельное от внутренней речи, неотождествленное ей.

Впоследствии эти положения были уточнены в исследованиях И.Н. Горелова, Н.П.Бехтеревой и др., в которых внутренней речи отводится роль промежуточного кода между собственно мышлением, осуществляющимся на УПК, и внешним языком. УПК, таким образом, отделен от внутренней речи как кодовая система, обслуживающая интеллектуальную деятельность, а внутренняя речь отнесена к механизмам речепорождения.

Внутренней речью большинство исследователей в настоящее время называет промежуточный код (по Н.П.Бехтеревой), совмещающий черты акустического и смыслового кода. Это терминопотребление - дань психологической традиции, идущей от Л.С.Выготского, поскольку, строго говоря, промежуточный код *вовсе не является речью*, это особый код, являющийся посредником между внешней речью и УПК.

О понятии «внешняя речь»

Внешняя речь представляет собой физическое, материальное явление. Она представляет собой речь, организованную по всем правилам фонетики, лексики и грамматики национального языка.

Существует несколько видов внешней речи, которые различаются в основном по степени их громкости, то есть по степени «включенности» артикуляционного аппарата.

Внутреннее проговаривание - это речь, построенная по всем правилам внешней речи, но с «отключенным звуком». Органы артикуляции при этом активированы, но дана команда «звук не включать». Во всем остальном это обычная внешняя речь.

Шепотная речь - речь с пониженным уровнем громкости. Используется в особых ситуациях, когда громкая речь не может быть использована, а также в качестве самопомощи при чтении сложных текстов. Может проявиться в речевой деятельности человека в тех же ситуациях, что и внутреннее проговаривание (см. выше) - как более эффективное, чем внутреннее проговаривание, средство.

Громкая речь - обычная речь, громкость которой соответствует коммуникативной ситуации.

О понятии «речевое мышление»

Часто в лингвистике, психолингвистике используется термин «речевое мышление», причем без достаточно четкого определения его содержания. В свете концепции невербальности мышления под этим термином целесообразно понимать так называемое лингвокреативное мышление, то есть навыки вербализации и девербализации. Именно развитие этих навыков составляет задачу обучения ребенка письменной и устной речи на родном языке, является задачей обучения иностранному языку.

Речевое мышление - это совокупность умственных навыков речепорождения и речевосприятия на том или ином языке. Оно формируется путем погружения человека в речевую среду и путем целенаправленного обучения и тренировки.

А теперь вернемся к началу нашего очерка. Каков же онтологический статус концептосферы в сознании в свете концепции невербальности мышления?

Ответ однозначен. Концептосфера невербальна и существует в сознании на базе УПК автономно, независимо от языковых средств ее выражения, объективации.

Проблема вербальной, языковой репрезентации, объективации концептов – это особая проблема, связанная с коммуникативными потребностями индивидов, а не с существованием и функционированием концептосферы как субстрата мышления.

Из всего сказанного следует, что необходимо различать *слова* и *концепты*: было бы неверно говорить «концепт дерево» или «концепт дерева», более точно говорить: концепт, репрезентируемый в языке словом *дерево*, представленный в системе языка словом *дерево*, вербализуемый словом *дерево* и т.д.

3. Концепт и слово

Проблема вербализации концепта

Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, а может и не иметь его. Возникает, таким образом, проблема вербализации (другими словами – языковой объективации, языковой репрезентации) концептов.

Современные экспериментальные исследования показывают, что механизм мышления и механизм вербализации - разные механизмы и осуществляются на разной нейролингвистической основе.

А.Р.Лурия показал, что процессы мышления и вербализации локализованы в разных участках коры головного мозга, что свидетельствует об их автономности.

Он показал также, что отдельным этапам и компонентам речепорождения соответствует деятельность вполне определенных участков мозга, и нарушение деятельности того или иного участка ведет к расстройству отдельного механизма речепорождения, что свидетельствует о многоуровневости и многокомпонентности механизма вербализации.

Вербализация может осуществляться в виде внешней речи в ее разновидностях, а также в виде письма. Механизмы речи и письма оказываются достаточно автономными: можно уметь говорить, но не уметь писать, можно утратить речь, но сохранить письмо, можно хорошо писать, но плохо говорить и др. Каждый отдельный механизм вербализации требует особой тренировки, особой системы упражнений - это хорошо знают преподаватели иностранных языков. Разные механизмы вербализации усваиваются человеком с разной степенью легкости, хранятся с разной степенью прочности и утрачиваются с разной скоростью.

В УПК человек оперирует некоторыми личностными концептами. Эти концепты выступают своеобразными кирпичиками, элементами в его мыслительном процессе, из них складываются комплексные концептуальные картины в процессе мышления. Эти концепты могут иметь, а могут и не иметь прямых коррелятов в естественном языке, которым человек пользуется. Когда же человек в ходе мышления комбинирует отдельные концепты в пучки или концептуальные комплексы, вероятность того, что в языке для них найдется точный коррелят, еще более уменьшается. В таком случае, если возникает необходимость вербализации подобного концептуального комплекса, чаще всего приходится пользоваться словосочетаниями или развернутыми описаниями, а иногда и целыми текстами, чтобы передать требуемый смысл в наиболее полном объеме, наиболее адекватно. Таким образом, форма вербализации личностного смысла говорящего может быть различной; весьма различной может оказаться и эффективность передачи личностного смысла собеседнику.

Концепт есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности (в соответствии с голографической гипотезой считывания информации А.А. Залевской) поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности свои разные признаки и слои;

соответствующие признаки или слои концепта вполне могут не иметь языкового обозначения в родном языке человека.

Отметим также, что одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях репрезентировать, представлять в речи разные признаки концепта и даже разные концепты - в зависимости от коммуникативных потребностей, от объема, количества и качества той информации, которую говорящий хочет передать в данном коммуникативном акте и, естественно, в зависимости от смысловой структуры слова, его семантических возможностей.

Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства *вербализации, языковой репрезентации, языкового представления, языковой объективации концепта.*

Концепт репрезентируется в языке:

готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые), свободными словосочетаниями,

структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты),

текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Языковой знак *представляет* концепт в языке, в общении. Слово представляет концепт не полностью - оно своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть.

Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Слово, таким образом, как и любая номинация - это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить

включателю - он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления.

Концепты могут быть *устойчивыми* – имеющими закрепленные за ними языковые средства вербализации, актуальные для мышления и общения, регулярно вербализуемыми, и *неустойчивыми* - не имеющими закрепленных за ними средств вербализации, нестабильными, еще формирующимися, глубоко личностными, редко вербализуемыми или практически не вербализуемыми.

Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным (поскольку значения слов, которыми он передается, общеизвестны, они толкуются носителями языка, отражаются в словарях).

Итак, языковые средства необходимы не для существования, а для общения концепта. Слова, другие готовые языковые средства в системе языка есть для тех концептов, которые обладают коммуникативной релевантностью, то есть необходимы для общения, часто используются в информационном обмене.

Таким образом, концепты могут иметь языковое выражение, а могут и не иметь. Очень многие, если не большинство концептов, видимо, не имеют системных языковых средств выражения, так как они обслуживают сферу индивидуального мышления, где без них невозможно мыслить, но далеко не все они предназначены для обсуждения.

Проблема лакунарности

Под лексической лакуной понимается отсутствие какой-либо лексической единицы в языке при наличии концепта в концептосфере.

Сигналы лакунарности лексической единицы (слова, устойчивого сочетания, ФЕ):

- Развернутая объяснительная дефиниция слова в двуязычном словаре (возможно указание – «в России», «В США» и под.);
- Объяснение слова в переводном словаре перечислением синонимического ряда;
- Наличие номинации за пределами литературного языка (в жаргоне, профессиональном подязыке, диалекте, вульгарной лексике) при отсутствии единицы в литературном языке (в этих случаях будет идти речь о стилистической лакуне).

Сопоставление с другим языком, сопоставление литературного языка с другими формами существования языка, анализ лексико-

фразеологических парадигм – это *методы* выявления лакун в исследуемом языке.

В связи с проблемой лексической лакунарности встает вопрос о том, означает ли лексическая лакуна отсутствие и соответствующего концепта в концептосфере данного народа. Проблема эта представляется достаточно сложной, и мы изложим здесь наши взгляды на проблему, не претендуя на ее окончательное решение.

Отсутствие стабильного языкового выражения для какого-либо концепта еще не свидетельствует о его отсутствии, так как концепты могут не иметь общезыкового выражения в силу тех или иных причин:

они могут быть личными или принадлежать малой группе людей (тогда они будут иметь только личные или групповые названия, но не общезыковые);

они могут не быть коммуникативно релевантными, то есть не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, хотя при этом остаются структурными единицами мышления.

С другой стороны, о наличии концепта в сознании народа можно судить по наличию соответствующих языковых единиц, при помощи которых концепт обсуждается и передается в процессе общения, но концептов в концептосфере народа, не говоря уже о группе или личности, очевидно гораздо больше, чем языковых единиц. Такие концепты остаются невербализованными, и их довольно трудно обнаружить

Наиболее надежный способ обнаружения невербализованных концептов – контрастивные исследования, позволяющие выявить единицы, не имеющие переводных соответствий в одном из языков.

Рассмотрим следующие примеры.

Подойти и заговорить - ср. англ. accost;

Спускаться с крутизны на веревке - ср. англ. abseil;

Отнестись благосклонно - ср. англ. assent;

Бурно аплодировать, шумно приветствовать - ср. англ. acclaim;

Лишенный руководства, без главы; без первой строфы (стихотворение) - ср. англ. acephalous;

Выжженный солнцем – adust;

Превращать в газообразное состояние - aerify;

Воздействие солнца, ветра, воды – ср. англ. exposure;

Мысль, пришедшая позднее – afterthought;

Готовый помочь – ср. нем. Hilfsbereit .

В русском языке отсутствуют при сравнении с английским языком обозначения для следующих концептов:

«всякий нависающий над краем чего-либо предмет» - flap;
 «вечер пятницы, суббота и воскресенье» - weekend;
 «животное, которое держат дома для забавы» - pet;
 «двухнедельный период времени» - fortnight;

С другой стороны, в английском языке нет обозначения для таких русских концептов, как *сутки, кипяток, борщ, щи, маячить, форточка, дача, погорелец* и мн. др..

В русском языке относительно немецкого отсутствуют обозначения для таких концептов, как:

«запрет на профессию» - Berufsverbot;
 «картонная подставка под пивную кружку» - Bierdeckel;
 «дети одних родителей» - Geschwister;
 «идти на высоких каблуках, постукивая ими» - Stocken;
 «одноразовая супружеская измена» - Seitensprung;

«учебный текст, предварительно написанный учителем на классной доске» - Tafelbild;

«вечер после работы» - Feierabend.

В немецком языке нет лексем для обозначения таких русских концептов как *винегрет, квас, лапти, автолюбитель, добрый, кипяток, сутки, сухостой, аврал, облокотиться, однофамилец, здоровяк, ласковый, сладкоежка, именинник, тамада, беспризорник, поземка, погреб, смекалистый* и др.

Во всех этих случаях мы имеем дело с межъязыковыми лакунами. Межъязыковые лакуны делятся на мотивированные и немотивированные. *Мотивированные лакуны* в языке объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре (*лапти, щи, матрешка, балалайка, вечер пятницы, суббота и воскресенье*), *немотивированные лакуны* не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета (*сутки, кипяток, добрый, вечер после работы*).

Теперь постараемся ответить на вопрос: означает ли наличие межъязыковой лакуны отсутствие у народа концепта? Можно ли говорить об отсутствии концепта в случае межъязыковой лексической лакунарности? Можно, но только применительно к мотивированным лакунам. Английское и немецкое мышление не знакомо с концептом *щи*, поскольку сам предмет в их культурах отсутствует (мотивированная лакуна). Но, заметим, при знакомстве немца или англичанина с российской действительностью у них сразу же возникает соответствующий концепт (скорее всего в виде представления), и если возникает необходимость упомянуть данный концепт, они либо используют в своей речи варваризм, называя *щи* по-

русски, либо прибегают к описательному обороту типа «русский капустный суп».

Немотивированные лакуны вовсе не свидетельствуют об отсутствии у народа соответствующего концепта, поскольку эти концепты в силу конкретных исторических или культурных причин могут просто оказаться не номинированными в данной лингвокультурной общности в силу того, что они коммуникативно нерелевантны для народа.

Концепты, представленные немотивированными лакунами, есть в сознании русского человека, он, несомненно, выделяет соответствующие явления в окружающей действительности, оперирует ими как мыслительными единицами в процессе мыслительной деятельности, но эти концепты не имеют в русском языке стандартного языкового выражения. Вероятно, это коммуникативно нерелевантные концепты, которые являются одновременно неустойчивыми.

Языковая объективация концепта может осуществляться лексемой, устойчивым сочетанием, фразеологической единицей, свободным словосочетанием, перечислением группы синонимов, объяснением (объяснительной дефиницией), целым текстом. К системным средствам относятся первые три способа.

Причины отсутствия для имеющихся концептов средств системной языковой объективации – предмет для исследования. Общая причина, несомненно – отсутствие коммуникативной потребности, в результате чего не осуществлена номинация. Но отсутствие коммуникативной потребности тоже требует объяснения с позиций уклада жизни, менталитета, тематики общения и т.д. (это тоже предмет для исследования и выдвижения гипотез).

Однако отношения концепта, значения (семемы) и лексемы осложняется наличием в системе языка своеобразных семантических «заготовок» для семем, которые можно обозначить термином «потенциальные семемы».

Потенциальная семема – это некий структурированный в системе языка смысл, существование которого обусловлено имеющимися в языке лексическими или лексико-грамматическими парадигмами: определенная парадигма формирует данный смысл в системе языка, подготавливает его для лексической номинации, формирует достаточно четко его компонентный состав, однако самостоятельной лексемы подобная потенциальная семема в языке так и не получает, что и оставляет ее в ранге потенциальной.

О наличии потенциальной семемы можно говорить только в том случае, если в лексической парадигме того или иного языка «подготовлено место» для определенного слова, хотя самого слова нет. Например, антонимическая парадигма: есть *молодожены*, но нет антонима – «старожены». Для слова *старожены* есть потенциальная семема – «люди, давно состоящие в браке» против «людей, только что вступивших в брак», есть даже словообразовательная модель, по которой слово может быть легко образовано, но в литературном языке этого слова нет.

Другие парадигмы:

глагольная парадигма лица – есть потенциальные семемы «я одержу победу», «я произвожу уборку пылесосом», «я нахожусь в подвешенном состоянии», но нет литературных лексем *победю*, *пылесосу*, *висю*;

парадигма «наименования деятелей по выполняемому действию» («тот, кто делает X»): есть мотальщики, обмотчики, но нет будильщиков, махальщиков и т.д. Нет литературного наименования лица, занимающегося пиаром, как и действия «заниматься пиаром»;

парадигма «наименования деятелей по инструменту»: есть потенциальная семема «работать лопатой», но нет «лопатчиков».

Парадигма «действие по наименованию инструмента действия»: есть потенциальная семема «убирать при помощи грабель», «копать лопатой», но нет литературных глаголов «грабить», «лопатить» и под.

Парадигма «помещение для разведения или содержания животных» – есть телятник, обезьянник, курятник, свиноводник, птичник, овчарня, псарня, конюшня, но нет страусятника, куропатника, рыбника и под., хотя эти семемы потенциально в системе языка есть.

Парадигма обуславливает место для семемы в системе языка и ее семный состав, что и делает возможным существование в лексико-семантической системе потенциальных семем. О том, что потенциальные семемы являются действительно семемами, свидетельствует возможность их компонентного анализа, а также нередко наличие просторечных или шуточных номинаций этих семем, не принимаемых литературной нормой, но тем не менее существующих в речи: пограбить (поработать граблями), пылесосу, висю и др.

Однако возможен и такой вариант – концепт есть, а значения и слова нет. В этом случае не фиксируется наличие даже потенциальной семемы, что обусловлено отсутствием соответствующей парадигмы, которая бы системно поддерживала семему и обусловила ее

формирование и существование. Если такой концепт надо вербализовать, носители языка используют свободные словосочетания или объяснения.

Такие концепты не вписываются в систему имеющихся в языке лексических парадигм, являются как бы несистемными, стоят в мыслительной сфере человека по отдельности, индивидуально либо входят в очень большие парадигмы, которые оказываются неспособными к формированию потенциальных семем.

Например, приведенные выше *подойти и заговорить*, *бурно аплодировать*, *спускаться по веревке с крутизны*, *мысль, пришедшая позднее* и др.

В целом, видимо, возможны, следующие варианты соотношения концепта, значения и лексемы:

1) Есть концепт, нет семемы, нет лексемы.

Например: «подойти и заговорить», «ледяная дорожка на тротуаре, по которой можно, разбежавшись, прокатиться зимой», «говорить умные вещи», «сухое вещество, собирающееся в уголке глаза», «тот, кто раньше с нею был» (В.Высоцкий), «лицо, принадлежащее к научной школе» и др. В рус. языке нет концептов, выражающихся нем. *Spass*, англ. *fun* (оба слова примерно означают *радость, развлечение, нечто интересное, удовольствие, наслаждение и т.д.*, вместе взятые).

2) Есть концепт, есть потенциальная семема, нет лексемы.

Например: «люди, давно состоящие в браке» - ср. старожены, «заниматься пиаром», «лицо, занимающееся пиаром», «лицо, получающее работу» - ср. отсутствие «работодателя» при наличии работодателя) и др.;

3) Есть концепт, есть семема, есть лексема.

Обычные слова языка – окно, читать, идти, хлеб и т.д.

Возможно отсутствие концепта в концептосфере отдельного народа. Так, в русском сознании нет концепта «уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука» (яп. саби), не сформировались свойственные англоамериканской концептосфере концепты, именуемые в русском языке с помощью калькированных переводов: *приватность*, *политическая корректность*, *качество жизни*, *сохранить лицо собеседника*, только начинает формироваться на базе заимствованного слова концепт *толерантность*. Чисто русские концепты – *духовность*, *интеллигенция*, *непротивление*, *разговор по душам*, *авось*, их нет в концептосферах других народов.

Концепты могут быть внесены в национальную концептосферу из другой концептосферы – национальной (*толерантность*, *политкорректность*, *приватность*) или социальной (*беспредел*,

крыша, авторитет, опустить и др. – из криминальной сферы). В таком случае концепт формируется на базе значения соответствующего слова, и лишь потом, обрстая новыми смыслами и углубляясь, отрывается от значения и начинает самостоятельную ментальную жизнь.

Обычно заимствованные концепты относятся к разряду одиночных, индивидуальных – им не сразу находится парадигма в русском языке, не сразу формируется семный состав соответствующего слова, они долго выражаются описательными оборотами, сопровождаются пояснениями и т.д.

Концепт может быть и чисто субъективным, личностным, тогда он в любом случае нуждается в развернутом тексте для экспликации; такие концепты часто бывает трудно понять («не понимаю, что ты имеешь в виду ...»).

Проблему соотношения слова и концепта осложняет тот факт, что кроме концептов, выявляющихся при анализе лексических единиц, существуют концепты, не выражаемые какими-либо отдельными лексическими единицами и обнаруживающиеся лишь в результате логико-семантического анализа классов и парадигм лексических единиц.

К таким концептам относятся в первую очередь классифицирующие – используемые для классификации различных предметов и явлений действительности. Большинство обобщающих классифицирующих концептов в сознании носителя языка не связано с какими-либо конкретными наименованиями, ср.: «наименования предметов природы», «наименования искусственных предметов», «психические качества человека», «индивидуальные особенности голоса», «наименования цветовых оттенков», «средства передвижения по воде», «получение информации в ответ на запрос» и мн. др. подобного типа. Эти концепты обнаруживаются в процессе семантического анализа и классификации лексических единиц, при анализе лексико-семантических парадигм. Носитель языка прекрасно понимает, что такое «цветовой оттенок» или «наименование искусственных (созданных руками человека) предметов», при необходимости может оперировать этими концептами в мышлении, хотя в языке эти концепты, как правило, не названы, а описательное обозначение их конструируется обычно только лингвистами в процессе лингвистического анализа лексических микросистем. Подобные концепты относятся, по-видимому, к коммуникативно нерелевантным.

Следует также различать актуальные и неактуальные концепты. *Актуальные* концепты регулярно вербализуются, они нужны и для мышления, и для коммуникации. *Неактуальные* концепты нужны в основном для мышления, они редко вербализуются (например, концепты «верхний угол комнаты», «нижний угол комнаты», «левая боковина дивана», «правая боковина дивана» и т.д. Неактуальные в национальной концептосфере концепты могут быть актуальными в групповой и личностной концептосферах и наоборот.

Итак, по соотношению слова с концептом следует разделять *лексические, семантические и когнитивные (концептуальные)* лакуны.

Лексическая лакуна есть отсутствие слова или устойчивого словосочетания, ФЕ в лексико-семантической системе языка при наличии соответствующей потенциальной семемы в условиях имеющейся в языке лексической парадигмы («старожены», «победу», «пылесосу») и при наличии концепта. В этом случае нет лексемы.

Семантическая лакуна – отсутствие слова и семемы («подойти и заговорить», «спускаться с крутизны на веревке») при наличии концепта. В этом случае нет слова в целом, то есть в языке вообще не представлено соответствующее значение.

Когнитивные (концептуальные) лакуны – отсутствие слова и концепта (лакуна названа когнитивной потому, что соответствующее явление не познано народом, не концептуализировано (*приватность, уединенное молчание на природе, политическая корректность, толерантность, качество жизни*)).

По парадигматическому признаку лакуны подразделяются на родовые – нет общего слова и видовые – нет частного наименования.

Например, в русском языке нет общего наименования для дедушки и бабушки, тестя и тещи, свекра и свекрови, а в нем. и англ. языках такие наименования есть. Это родовые лакуны для русского языка. С другой стороны, в рус. языке нет дифференцированных обозначений для наручных и настольных часов – это видовые лакуны. Англичане «не различают» *мыть* и *стирать* – это видовые лакуны для них.

По системной принадлежности выделяют два основных типа лакун – *внутриязыковые* (отсутствие слова в языке, выявляемое на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы) и *межъязыковые* лакуны (отсутствие лексической единицы в одном из языков при ее наличии в другом).

В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, то есть пустых мест, не заполненных в лексико-фразеологической системе языка – хотя близкие по значению лексемы

могут присутствовать. Например, в русском языке есть слово «старшеклассник», но нет узуальной единицы для обозначения учащихся младших классов; есть слова, обозначающие концепт «сообщение о негативных фактах» (жалоба, донос, клевета, «телега»), но нет обозначения для сообщения о положительных фактах; представлен в лексической системе концепт «заочно передаваемая негативная информация» (сплетни, слухи), но не обозначен концепт «заочно передаваемая положительная информация»; аналогично, не обозначены в русской лексико-фразеологической системе такие концепты, как «говорить в медленном темпе», «говорить о важных вещах или проблемах», «сказать к месту, своевременно», «говорить, сообщая правдивую информацию», «говорить умные вещи», «говорить, выражая информацию прямо, без намеков или обиняков» и мн. др.

Лексически невыраженные концепты, представленные внутриязыковыми лакунами, существуют в национальном сознании, отражают денотаты, присутствующие в национальной действительности. Причины их лексической невыраженности – коммуникативного, а не концептуального порядка: эти концепты коммуникативно не востребованы.

По типу номинации можно выделить лакуны *номинативные* и *стилистические*: стилистические отличаются от номинативных только стилистической характеристикой. Например, в русском языке нет стилистически нейтрального обозначения полового акта, актов дефекации и мочеиспускания, что ведет к компенсации лакун различными эвфемизмами.

Можно также выделить частеречные лакуны – в языке может быть глагол, но не быть от него однокоренного существительного и т.д.

Лакуны, если необходимо выразить соответствующий концепт в речи, *компенсируются*, то есть заполняются «временными» средствами языка – свободными сочетаниями, развернутыми объяснениями и т.д. Если компенсация осуществляется достаточно регулярно, соответствующее выражение может впоследствии стать номинацией концепта – напр. лосьон после бритья (aftershave), несчастный случай (accident).

То, что словами можно объяснить практически любой концепт (правда, объяснение может потребовать большого объема коммуникативных средств, вплоть до текста), говорит не о том, что в данном случае нет лакуны, а о том, что любая лакуна может быть *компенсирована*.

Практика общей переводимости любого текста на любой язык – свидетельство невербальности концептуального мышления и возможности компенсации любой лакуны.

Необходимость использования разных лексических средств для компенсации лакуны – ср. нем. *Hilfsbereit* «готовый помочь» – «он всегда готов помочь», «он всегда готов прийти на помощь», «он очень добрый», «он сердечный человек» и т.д. – свидетельство того, что концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства, и каждое из них раскрывает какую-то его часть; только в совокупности они могут достаточно полно передать содержание концепта в речи.

Кроме лакун, есть и иллогизмы (Быкова 2000). Иллогизмы обусловлены отсутствием потребности в предмете. Так, в парадигме «специалист по разведению животных» есть кролиководы, животноводы, овцеводы и др., но нет лексем для обозначения специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т.д., поскольку эти профессии не востребованы. Соответствующие концепты есть, есть потенциальные семемы, но нет лексем.

Таким образом, безэквивалентная лексика сигнализирует об отсутствии *концепта* в концептосфере народа, а лакуны и иллогизмы – об отсутствии *лексем или лексем и семем*.

Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в разных способах вербализации одного и того же концепта, в степени подробности или обобщенности его репрезентации концепта, в количестве и наборе лексем, фразеосочетаний, номинирующих концепт, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке. Таким образом, может быть выявлена национальная специфика репрезентации концепта в разных языках.

Исследование показывает, что высший уровень концептуализации действительности представлен субстантивными формами вербализации концептов, так как в этом случае неязыковые сущности репрезентированы в абсолютизированном ментальном виде. Субстантивная фиксация концепта в языке свидетельствует о надежной концептуализации явления, максимально абстрагированной от ситуации. Глагол представляет меньшую степени абстракции и соответственно, более низкий уровень концептуализации, как и наречие, и прилагательное.

Подведем итог. Национальная специфика мышления обусловлена *не национальным языком, а национальной действительностью*.

Отсутствие лексической единицы (внутриязыковая или межъязыковая лакуна) не означает отсутствия в сознании народа соответствующего концепта, за исключением случаев мотивированных межъязыковых лакун при отсутствии у народа конкретных предметов или явлений.

Лексическая объективация по отношению к тому или иному концепту – вещь вовсе не обязательная. Наличие или отсутствие концепта никак не связано с наличием или отсутствием в языке номинирующих его единиц, так как концепты возникают как результат отражения действительности сознанием и зависят поэтому от действительности, а не от языка.

В системе языка номинируется все то, что является или становится в обществе предметом обсуждения, но вовсе не все то, что становится предметом мышления. Еще раз подчеркнем, что подавляющее количество наших мыслей, понятий, суждений совсем не предназначено для сообщения, они обслуживают исключительно сферу личного мышления.

Таким образом, наличие концепта как единицы мышления не предполагает в обязательном порядке наличия в языке лексемы, обозначающей данный концепт.

Теория лингвистической относительности и концепт

Основным положением теории *лингвистической относительности*, основоположниками которой считаются В.фон Гумбольдт, Э Сепир и Б.Уорф, является идея о том, что язык определяет мышление людей, говорящих на нем: в мышлении народа есть только такие категории и понятия (концепты), которые имеют знаковую представленность в языке. Если у определенного народа нет в языке категории времени, значит у него нет этой категории в сознании, если нет общего слова для 50 разновидностей попугаев, то нет и обобщенного концепта «попугай вообще».

Эта теория внесла новые теоретические идеи в языкознание XX века, указала на важность изучения соотношения языка и мышления, стимулировал этнолингвистические и лингвокультурологические исследования, привлекла внимание к проблеме так называемой «языковой картины мира». Однако в настоящее время ее основной постулат не выдерживает критики и выступает тормозом в исследовании соотношения мыслительных и языковых категорий, направляет исследователя по ложному пути.

Убедительный анализ этой проблемы находим в книге И.Н.Горелова и К.Ф.Седова «Основы психолингвистики». Кратко

приведем аргументы И.Н.Горелова (с.121-132).

Мы настолько привыкаем к своему родному языку, что, изучая какой-то другой или третий, с удивлением узнаем, что, например, имена существительные английского языка не имеют признаков грамматического рода. Кажется странным, что есть языки, где отсутствует категория грамматического времени; во многих языках нет привычного для нас набора слов для обозначения семи цветов спектра, а есть только три слова: одним из них обозначается черный цвет, другим - все левая сторона спектра, третьим - вся правая.

Теория лингвистической относительности объяснила данные явления так : поскольку всякий язык есть средство мышления (в том смысле, что без материи языка невозможно мыслить), а эти средства оказываются разными для людей, говорящих (следовательно, и мыслящих) на разных языках, то и «картины мира» у представителей разных человеческих сообществ разные: чем больше различия в языковых системах, тем больше и в «картинах мира». Нечего удивляться, если в мире происходят непрерывные конфликты - люди не могут договориться друг с другом, так как их языки «гарантируют» им взаимное различие в мышлении.

Вывод этот из «теории лингвистической относительности» был, конечно, слишком уж категоричным ж не принадлежал лингвистам. Но определенная логика в нем была: если мы, люди, мыслим на нашем национальном языке, другие - на своем национальном, то и понять нам друг друга трудно...

Однако в распоряжении науки давно был и есть способ исследования мышления как такового, без опоры на лингвистические факты. Мышление – это способность планировать и решать различные задачи, корректируя процесс планирования и решения на каждом этапе продвижения к цели. Если мы, скажем, решаем в уме шахматную задачу (а кто скажет, что такой процесс не есть акт мышления?), то речь на любом языке в этом процессе вовсе не нужна. Нужно образное представление позиции своих фигур, фигур противника и мысленное воображение изменения позиции на то число ходов вперед, на которое мы способны. Никаких «разных картин мира» у игроков, быть не может, если они усвоили правила игры, преподаанные им на любом из известных земных языков.

Возьмем другой пример. Нужно, скажем, из фрагментов собрать целостное изображение по образцу - такая задача известна всем детям дошкольного возраста. Или, допустим, надо решить лабиринтную задачу, также всем понятную. Неужели здесь, где требуется анализ фрагментов, сверка их с образцом, оценка получаемых результатов,

т. е. где наличествуют все признаки мыслительного процесса - неужели здесь может играть хоть какую-то роль тип языка? Неужели какая-то особая «картина мира» помешает успешно пройти по лабиринту? И почему вообще все сторонники мнения, что «язык диктует человеку знания о мире», ни разу не обращались к конкретным доказательствам того, что мышление «навязывается системой языка»? Почему не занимались конкретными исследованиями процесса мышления? Ответить на эти вопросы так же сложно, как и просто: не занимались, не исследовали, потому что не считали нужным, будучи уверенными, что правы и без специальных доказательств. Тем более, что они усмотрели сходство своих мыслей с мыслями Гумбольдта, с мнением других крупнейших специалистов.

Для того, чтобы проверить любую гипотезу, нужны эксперименты, необходимо организовать специальные наблюдения.

Если утверждается, что какие-то два процесса связаны между собой неразрывной связью, то проверить достоверность такого утверждения можно лишь одним способом - поочередно убирая (нейтрализуя) одно из «связанных» явлений, выяснить, продолжает ли существовать другое. Если одно без другого не наблюдается, но наблюдается лишь в связи с другим, то оба явления (язык и концептосфера) связаны друг с другом и гипотеза лингвистической относительности верна; если такой связи не наблюдается, значит она ошибочна.

И.Н.Горелов опирается в своем анализе на следующие факты.

1. Вспомним глухонемого Герасима из «Муму» И. С. Тургенева. Говоря современным научным языком, Герасим был от рождения лишен «второй сигнальной системы» (так И. П. Павлов, как известно, называл любой человеческий язык). Спрашивается, вел ли он себя разумно, т. е. верно ли понимал окружающий его мир, правильно ли ориентировался в ситуации, одним словом - мог ли он мыслить? Судя по тексту Тургенева, безусловно, мог. Многочисленные наблюдения за поведением глухонемых от рождения, не обученных какому-либо языку, показывают (это подтверждено именно научными публикациями), что такие глухонемые ведут себя в обществе адекватно, могут выполнять различную работу, т. е. они разумны, мыслят,

2. Другая группа фактов касается поведения больных с синдромом афазии, особенно тотальной афазии. Эта патологическая форма наблюдается в условиях психоневрологических клиник, куда доставляются лица, перенесшие инсульт или внешнюю травму в том месте головного мозга, где локализуется зона Вернике и центр Брока - участки мозга, ответственные за понимание речи и за ее производство.

Страдающий тотальной афазией как раз и не может ни понять обращенную к нему речь, ни выразить на своем родном (или другом, выученном позже) языке свои мысли и чувства. Тотальная афазия - это как бы модель «феномена Герасима», ее патологическая специфическая форма. Итак, может ли афатик мыслить? Мыслить - это значит планировать и решать какие-либо задачи, уметь корректировать свои действия в соответствии с поставленными целями (в эксперименте – выполнять такие мыслительные операции как лабиринтная игра, игра в шахматы или в шашки, сборка из фрагментов какого-нибудь целостного изображения – эти и подобные им задачи служат, в частности, тестами при определении уровня умственного развития человека). Так вот, эксперименты показывают, что афатик решает тестовые задачи «без языка», он мыслит.

3.Третья группа фактов касается поразительной практики воспитания и обучения слепоглухонемых от рождения. А. И. Мещеряков, автор книги «Слепоглухонемые дети» (1974), которая построена на многолетней практике воспитания слепоглухонемых в интернате г. Загорска, приходит к выводу: «экспериментально опровергается бытующая до сих пор идея о том, что человеческая психика рождается или просыпается только вместе с усвоением языка, речи».

4. Необходимо иметь в виду, что процесс мышления не един, не однороден, но представляет собой многоуровневую сущность. Ведь когда мы говорим, что и маленький ребенок, мыслит, и великий ученый мыслит; когда мы констатируем феномен Герасима или наблюдаем слепоглухонемого ребенка в интернате Мещерякова; когда мы утверждаем, что мы, обычные, но свободные от афазии или другой патологии люди умеем мыслить, то ведь все это - не одно и то же, но **разное!**

Ребенок, скажем, трех лет от роду и совершенно здоровый, развивается не так, как такой же, но глухонемой. Нормальный взрослый человек, конечно, умеет мыслить, но не так, как крупный ученый и т. д. Здесь должна идти речь о **разных** возможностях и способностях к мышлению. При этом одно из самых существенных в этих возможностях и способностях - мышление на **разных** уровнях абстракции. В зависимости от этих уровней мы можем говорить, например, об элементарном, простейшем уровне (человекообразном, у шимпанзе), о детском, о мышлении подростка, о мышлении взрослого человека, о мышлении человека выдающихся способностей, о мышлении гениального человека. В наше время уместно различать уровень образованного человека, привыкшего к абстракциям всякого рода, и уровень неграмотного человека, владеющего лишь разговорной

речью.

«Особый уровень абстрактного мышления достигается *исключительно* с помощью овладения человеком языком его среды. Здесь-то и пролегает самая четкая граница между уровнями мышления, между возможностями развивать сам мыслительный уровень: есть язык - может быть (в принципе) достигнут высокий уровень абстрактного мышления, нет - нет такой возможности» (с. 127).

Поясним это простыми примерами. Для того, чтобы научиться с полным пониманием говорить простую фразу «Сейчас около одиннадцати часов вечера», надо, конечно, предварительно научиться считать. Но само число - абстрактная сущность, «отвлечение» от сущности тех предметов, которые исчисляются: одиннадцать часов решительно не то, что одиннадцать человек, но тех и других - одиннадцать! Никакой трехлетний ребенок не может научиться счету именно потому, что он не в состоянии абстрагироваться от предметной сущности наблюдаемых им вещей и понять, в чем суть числа. Придет время, и он научится считать, а также различать любой «вечер» от любого «дня» или «утра» - пока он не может вообще следить за признаками «хода времени», время для него невидимо и несущественно, вне поля его внимания и понимания. По той же причине, если он уже усвоил слово «около» в сочетаниях типа «около стула», «около кровати», ребенок не может понять смысла сочетания «около одиннадцати вечера» - «около» для него пока что только пространственный, а не временной знак.

Только с помощью особых знаков (знаков языка) человеку дано постигать абстракции и обозначать их в речи. Вспомним «феномен Герасима» и зададимся вопросом, мог ли Герасим - если его специально не научить языку - мысленно и совершенно правильно объединить все разнофункциональные предметы в группы типа «мебель», «посуда», «музыкальные инструменты», «слесарные инструменты»? Полагаем, что не мог бы. Для такой группировки нужны соответствующие знаки-слова. Но никто не сообщал их Герасиму. Видеть же он мог только отдельные предметы (лодка, топор, сапог, скамья и пр.), мог указать на них жестом, мог понять, куда (на какой предмет) направлен жест другого человека; практически Герасим мог, конечно, уяснить назначение каждого из этих предметов (вспомним, что он был исправным работником) и владеть ими практически. Но ведь жестом невозможно образовать понятия «посуда» или «мебель». Да и зачем дворнику владеть такими понятиями? Мы знаем, что он полюбил собачку, но мог ли он уяснить без языка понятие «любить», да еще распространить его на свои

чувства к собачке, к грушам или сливам и к своим родителям (а ведь мы говорим «люблю мать», «люблю собачку», «люблю сливы», «люблю раннюю осень» и т. д.)? Нет, не мог! Только язык дает возможность человеку для такого рода обобщений (абстракций).

5. В разных языках существенно различается набор слов, обозначающих цветовые оттенки. К примеру, в русском языке различаются слова *голубой* и *синий*, а в английском языке им соответствует одна лексема – blue. Значит ли это, что английский язык «не позволяет» английскому мышлению различать голубой и синий оттенки? Наверняка нет. И.Н.Горелов указывает на существование языков, в которых есть только три цветообозначения – 1) «холодные» цвета и белый, 2) черный, 3) все «теплые» цвета). Спрашивается, отличают ли на практике носители этих языков, скажем, красный цвет от желтого (оба цвета - «теплые») или синий от зеленого (оба цвета - «холодные»)? Выяснить это можно, ознакомившись с цветной орнаментикой (например, на одежде, на раскрашенной утвари, на магических знаках и т. п.). Оказывается, что все цвета спектра, все их оттенки носители этих языков превосходно различают и используют в своем практическом творчестве, несмотря на то, что они никак не названы в их языке.

6. На индонезийском острове Бали взрослые приучают к делу детей, с которыми запрещено разговаривать, пока ребенку не исполнится 4 года. Осуществляется обучение исключительно через наглядность: смотри как делаю я, и делай так же. В армиях разных стран есть такая команда - «Делай как я». Командиры танковых и авиационных подразделений дают такую команду, подчиненные танкисты и летчики повторяют действия командира. Почему же не рассказать, что именно надо делать, используя превосходно развитый язык? Да потому, во-первых, что «долго рассказывать», а, во-вторых - некогда без конца отдавать команды в быстро меняющейся ситуации танкового или воздушного боя: сам командир обязан молниеносно принимать различные решения, менять свои собственные действия - тут не до разговоров! Следовательно, наглядная ситуация может быть осмыслена с помощью предметно-действенного уровня мышления, не связанного со словом.

7. Широко известно, что во многих языках народностей Севера нет общего названия для снега. Какое-то слово обозначает падающий снег, другое - снег тающий, третье - снег с твердым настом, четвертое – снег с ветром, пятое – снег, который все равно растает, шестое –мягкий снег, который лег поверх твердого и т.д. Число таких названий в некоторых языках достигает четырех десятков. А для «снега вообще»,

«любого снега» нет слова. А в нивхском языке, наоборот, есть одно общее слово, которым обозначается рыба чешуя, перья птицы кожа человека.

Значит ли это, что соответствующие народы не имеют обобщающего концепта «снег вообще», а нивхи не имеют концептов «перья», «чешуя», «кожа человека»?

Был проведен специальный эксперимент. Группа студентов отделения народностей Севера приглашается в Русский музей; там им показывают разнообразные пейзажи с изображением снега и получают от них названия (слова, действительно, разные). А потом их спрашивают: - Как бы вы рассказали другим, какой снег видели на разных картинах? Обязательно ли вам перечислять все виды снега подряд? Оказывается, что не надо. В таких случаях дают названия двух-трех видов снега, затем произносят (или пишут) соединительный союз типа нашего «И» и делают паузу (в речи) или ставят точку (на письме). И все понятно: не только о перечисленных видах снега идет речь, а, следовательно, о любых. Обобщающее понятие не выражено в слове, но мыслится, подразумевается. Стало быть, понятие есть, а словесного обозначения язык не выработал. Но это не мешает использовать и в случае коммуникативной необходимости обозначить данный концепт.

8. В языке одного из островов Тихого океана обнаружено такое явление: мелкая рыбешка исчисляется островитянами не единицами, а «кучками», на основании чего сторонники теории лингвистической относительности делают вывод, что сознанию островитян не свойственно понятие дискретности (Горелов 1987, с.23). Вместе с тем, можно элементарно убедиться, что островитянка сможет легко разделить эту «кучку» мелкой рыбешки на четыре части для своих четырех детей и не будет при этом испытывать никаких затруднений.

Следовательно, языковое обозначение количества не влияет на мыслительные операции с категорией количества.

9. Б. Уорф писал о том, что в некоторых языках американских индейцев нет привычной для нас системы глагольного времени, и предположил, что у носителей таких языков нет и не может быть подобных нашим понятий о времени. А другой ученый, описавший один из племенных языков в центральной Африке, обнаружил то же самое, что и Б. Уорф, да еще добавил, что и в лексике данного языка нет слов типа «давно», «вчера», «завтра», «потом», и др. Вывод: носители данного языка не имеют понятия о «ходе времени».

Но ведь и в самом отсталом племени есть практика создания запасов пищи и воды - для чего? Для будущего! Люди не могут не

знать, что некоторое событие уже прошло, что оно в прошлом, что кто-то умер и уже не может, например, принимать участие в жизни племени; всевозможные обряды инициации подростков и погребения готовятся загодя; наблюдения за сменой дня и ночи чрезвычайно важны и не могут вдруг «выпасть» из поля внимания и интереса людей.

Позднее выяснилось, что в данном племенном языке, хоть и нет «слов времени», есть невербальные коммуникативные знаки временного обозначения. При рассказе о том или ином событии говорящие время от времени поднимают руку и указывают пальцем за спину слушающего. Это означает, что рассказ идет о будущем. Какой бы знак понадобился рассказчику из этого племени, если бы он говорил о событиях прошлого? Правильно - знак пальцем за свою спину через плечо! Как вы догадались о таком знаке? Верно, вы и сами замечали: в нашем обществе с его богатейшим языком говорящий достаточно часто делает этот знак, поясняя, что речь идет о давно прошедшем. Ну, а какой знак нужен для обозначения настоящего времени? Некоторые считают, что пальцем нужно показать вниз. Мы часто делаем это, требуя: «Сегодня же чтоб принес!» Или: «Сейчас же сделай это!» Но в том племенном языке жеста для обозначения настоящего времени нет. Отсутствие жеста и есть знак настоящего времени.

Ясно, что открыть это мог только тот человек, который не поверил, будто люди вообще не представляют себе «хода времени» и не могут об этих своих представлениях поведать другим. Но как же быть с индейцами, у которых нет (согласно Б. Уорфу) и жестов такого рода? Оказывается, их высказывания содержат указания о положении солнца или луны (и это - знаки времени суток), а для обозначения прошлого есть сочетание типа «много лун и много солнц» перед сочетанием типа «я говорю»: прошло много лун и много солнц, прежде чем я заговорил об этом. Для будущего: «я говорю» плюс сочетание «много лун и много солнц»: сначала я говорю, а потом пройдет много лун и много солнц, прежде произойдет то, о чем я говорю. Для уточнений конкретного порядка используется конкретное число лун и солнц, чтобы сказать «пять дней назад» или «через восемь дней».

Так что для выяснения соотношения языка и мышления нужно не только очень внимательно описывать язык, но еще и описывать невербальные коммуникативные знаки, а также знать реальные признаки, по которым то или сообщество отмечает «ход времени».

10. Номинативные возможности любого языка ограничены. Ни один язык и даже все языки в совокупности не могут назвать «все,

что понимает и чувствует человек, что он, возможно, хотел бы назвать» (Горелов 1987, с.65). Поэтому ни один язык и не может «продиктовать» мышлению соответствующего народа все мыслительные категории и концепты, необходимые для мышления.

11. Языковые единицы ограничены в своей семантике, они включают общеизвестные семантические компоненты и далеко не всегда могут адекватно обозначить в речи наш замысел. Далеко не все, что мы чувствуем и понимаем, может быть обозначено средствами языка. Как, например, словесно рассказать о вкусе, о запахе? Но на практике все отлично различают разные блюда на вкус и запах.

Таким образом, единицы языка не могут полностью определить содержание мышления народа – последнее всегда богаче любого языкового выражения, а следовательно и не может быть содержательно определено языком.

Не надо преувеличивать потенции языка. Федор Иванович Тютчев не зря писал: «Мысль изреченная есть ложь!» Не в том дело, что мы говорим неправду, а в том, что понимаем и чувствуем гораздо тоньше и больше, чем язык позволяет нам выразить.

Таким образом, концепты как единицы мышления народа не зависят в содержательном плане от языка народа – содержание концепта определяется не языком, а отражением действительности сознанием познающего эту действительность субъекта. Язык лишь выражает своей семантикой и номинативными единицами то, что познано мышлением народа и сочтено важным для использования в обмене информацией.

Наличие концепта в концептосфере народа и наличие языковой единицы для сообщения об этом концепте – вещи относительно самостоятельные. Наличие языковой единицы всегда свидетельствует о наличии у народа некоего концепта, но для существования концепта как ментальной единицы ее языковая объективация не обязательна.

4. Концепт и значение

Для современных исследований в области когнитивной лингвистики очень важно различать концепт и языковое значение.

Психофизиологическая основа концепта – некий чувственный образ, к которому «прикреплены» знания о мире, составляющие содержание концепта.

Значение слова (семема) представляет собой совокупность семантических компонентов – сем. Вычлняя и описывая семемы, а в их составе – семы, устанавливая системные (парадигматические)

отношения между семемами по семам в рамках семантемы (совокупности семем одного слова), лингвист должен понимать, что это еще не сами концепты из концептосферы, это лишь отдельные их составляющие, *репрезентированные* той или семемой или семой.

И даже вся совокупность признаков, полученная из семантического анализа многих языковых знаков, объективирующих концепт, не представит нам содержания концепта полностью, потому что мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе.

Современная семасиология представляет смысловое содержание слова как систему семем и сем (семантических признаков), имеющих полевою структуру - с ядром, ближней, дальней и крайней периферией. Есть основания думать, что и концепт имеет полевою организацию. По крайней мере, наличие в нем ядра (прототипического образа УПК), более конкретных и более абстрактных слоев признаков представляется очевидным.

Знак УПК как наиболее яркий образ, кодирующий концепт, входит в ядро концепта; он носит *индивидуальный* чувственный характер и как таковой может выявляться и описываться исключительно психолингвистическими методами. Этот образ может быть выявлен в ходе лингвистического интервью: «Опишите наиболее яркий образ, который у вас связан с понятием (словом) X», «X – внешне какой?», «X - что делает?» и т.д.

Экспериментальное исследование показало, что наиболее яркие наглядные образы у носителей русского языка связаны с названиями астрономических тел, транспортных средств, предметов быта, времен года, месяцев, времени суток, наименований частей тела человека и животных, названий лиц по родственным отношениям, наименований растений, приборов и аппаратов, печатных изданий, частей ландшафта. Наиболее яркие образы были выявлены для таких единиц как солнце, луна, кровь, автобус, стол, ночь, зуб, уголь, бабушка, мать, трава, парта, телефон, ключ, книга, лес, магазин, дождь, собака, яблоко, журнал, чай, очки, улица, газета, голубь.

Интересно, что те или иные образы обнаружены и для абстрактной лексики – они тоже имеют чувственный характер, но более субъективны, резче различаются у разных испытуемых: религия – церковь, монахи, молящиеся люди, иконы, библия, свечи; молчание – люди со сжатыми губами и выразительными глазами, пустая комната, тишина; быт – мытье посуды на кухне, телевизор в доме, уборка квартиры; математика – цифры, формулы, графики, примеры в учебнике, в тетради или на доске, исписанная формулами доска и т.д. (Бибчук 1991).

Если же конкретный наглядный образ выявляется как групповой, совпадающий у группы испытуемых (ср., например, образы, выявляемые некоторыми частотными ассоциативными реакциям в ходе свободного ассоциативного эксперимента: береза – белая, пустыня – песок и т.д.), то этот образ уже можно рассматривать как факт концептосферы *народа*, как относительно стандартизованный образ, обработанный и «признанный» национальным сознанием.

Отметим, что обработанного, стандартного образа в сознании отдельной личности может не быть, либо он будет иметь большую дополнительную личную составляющую, поскольку образ УПК формируется из опыта личной перцептивной деятельности человека.

Концепт в сознании отдельного человека может быть вообще полностью личностным по содержанию. В таком случае говорят – «у него свое понятие о...», «у него свое представление о...». Это может обнаружиться и в словоупотреблении такого человека – он будет употреблять для экспликации своего концепта общеизвестные слова, но в таком смысле, который не является общепринятым, либо ему потребуется значительный по объему экспликативный текст, либо такой человек окажется вообще неспособным словесно вербализовать индивидуальный концепт.

Проблема обучения языку и развитие мышления в процессе обучения и воспитания есть прежде всего проблема формирования в сознании тех, кого мы обучаем, стандартных, принятых в данном обществе за образец концептов. В этом случае язык используется в своей основной функции – коммуникативной, для пояснения значений слов и через них – для формирования в сознании учащихся соответствующих концептов. Однако концепт как единица мышления, будучи сформированной, приобретает субъективно-личностный характер и его содержание вербализуется в значениях используемых для его номинации слов в неполном, ограничиваемом этими системными значениями объеме.

Из всего сказанного следует, что нельзя смешивать значение и концепт: концепт – единица концептосферы, значение – единица семантической системы, семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – многие значения.

5. Полевая модель концепта

Зная организацию значения слова, которое по современным представлениям, имеет полевую структуру (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии) мы можем предположить, что и концепт имеет многокомпонентную и многослойную организацию, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации.

Концепт может получить полевое описание - в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта. Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления.

Концепт как единица структурированного знания имеет определенную, но не жесткую организацию: он состоит из *компонентов (концептуальных признаков)*, которые образуют различные концептуальные слои. Концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы, а концептуальные слои иногда могут совпадать с семемами (но далеко не всегда, концептуальных слоев обычно больше, чем семем). Слои находятся по отношению друг к другу в отношениях производности, возрастания абстрактности каждого последующего уровня. Периферия состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей. Например, в интерпретационное поле концепта «труд» в русском сознании входят такие установки, как: *не следует спешить начинать работу, кто трудится, тому и плохо, только труд ведет к богатству, честный труд не приводит к богатству* и т.д. Их противоречивость объясняется именно их принадлежностью не к ядру концепта, а к интерпретационному полю, которое содержит «выводы» из разных установок разных групп людей. Интерпретационное поле слабо структурировано.

Когнитивная лингвистика дает надежный материал для построения модели концепта. Представляется, что языковые средства позволяют наиболее простым способом выяснять признаки концептов. Сравните,

например, с трудностями описания концептов, выражаемых средствами несловесных искусств (музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т.п.).

Лингвист может установить общенародное ядро концепта, а все текущие и перемещающиеся слои концепта можно лишь в той или иной степенно обнаруживать, указывать на них, но четкая организация, как уже отмечалось выше, для них не характерна, поэтому и моделировать концепт как структуру (подобно фонологической, лексико-семантической, грамматической структуре) в принципе невозможно. Можно, видимо, перечислить признаки и концептуальные слои, представить их положение в поле концепта, но не более того, поскольку концепт все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них. В этом и заключается смысл мышления.

Мы уже предлагали метафорическую модель концепта как облака (ср. образ нависшего облака, которое проливается дождем слов у Л.С.Выготского). Эту же метафору использует Г.В.Токарев. Н.Н.Болдырев предлагает метафору снежного кома. В ходе обсуждения модели концепта мы пришли к выводу о необходимости и в «облаке» вычленять ядро и окружающие его слои когнитивных признаков.

Типы концептов весьма разнообразны. Однако любой концепт, независимо от типа, имеет базовый слой. Базовый слой концепта всегда представляет собой определенный чувственный образ (автобус –желтый, тесно, трясет; - искусство – картины; религия –церковь, молящиеся люди). Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода (Н.И.Жинкин, И.Н.Горелов), кодирующую данный концепт для мыслительных операций, и поэтому может быть назван кодирующим. Если теперь концепт метафорически представить как некий плод, то базовый чувственный образ будет выглядеть как косточка плода.

Базовый образ может исчерпывать содержание концепта, если концепт отражает конкретные чувственные ощущения и представления, либо концепт представлен в сознании очень примитивно мыслящих индивидов. В более сложных концептах дополнительные когнитивные признаки наслаиваются на базовый образ и образуют мякоть плода. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные (когнитивные) слои и наслаиваться как слои в облаке от более конкретного слоя к более абстрактному.

Таким образом, базовый слой концепта – это чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу в УПК, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Когнитивные слои, отражающие развитие концепта, его отношения с другими концептами дополняют базовый когнитивный слой.

Когнитивными эти слои называются потому, что они отражают определенный результат познания внешнего мира, то есть результат когниции. Когнитивные слои образуются концептуальными признаками. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта. Подчеркнем, что многочисленных когнитивных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может фиксироваться в универсальном предметном коде как дискретная единица мышления (смысловая отдельность), не может функционировать как мыслительная единица.

Можно, как представляется, говорить о трех типах моделей концептов – одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты.

Одноуровневый концепт включает только чувственное ядро, фактически – один базовый слой. Таковы концепты – предметные образы (Н.Н.Болдырев), некоторые концепты-представления. такие как *желтый, зеленый, соленый*, бытовые концепты типа *ложка, чашка, тарелка*. В таком виде существуют, видимо, многие концепты в сознании ребенка, а также в сознании интеллектуально неразвитой личности. В сознании большинства людей концепты сложнее.

Концепт может быть *многоуровневым* – включать несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции, отражаемому ими и последовательно наслаивающихся на базовый слой. Таковы большинство концептов, вербализуемых многозначными лексемами, в которых значения внутри семантемы различаются по степени абстракции. В качестве примера многоуровневого концепта можно привести концепт *грамотный*, который, кроме базового слоя (образ – пишущий человек), включает целый ряд слоев, различающихся по степени абстрактности – см. стр. 152 и след.).

Наконец, концепт может быть *сегментным*, представлять собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Пример сегментного концепта – *толерантность*.

Чувственно-образное ядро – наглядный образ спокойного, вежливого, невозмутимого, сдержанного человека (эксперимент

Е.И.Гришук). Это кодирующий образ, единица универсального предметного кода.

Базовый слой включает когнитивные признаки – терпимость, сдержанность, которые наслаиваются на базовый, кодирующий образ и составляют вместе с ним базовый слой концепта.

Сегменты:

Политическая толерантность – терпимость к людям других политических взглядов, уважение к иным политическим позициям, признание права каждого на свои политические убеждения;

Научная толерантность – терпимость к другим точкам зрения в науке, допущение разных теорий и научных школ в рамках одной науки, в рамках одного научного направления.

Бытовая толерантность – терпимость к формам поведения, мнениям и высказываниям ближайшего окружения. Она проявляется в межличностных отношениях.

Педагогическая толерантность – терпимость к собственным детям, учащимся, умение понять и простить их несовершенства

Административная толерантность- умение руководить без нажима и агрессии, признавать, что и ты можешь допускать ошибки, способность прощать слабости и несовершенства подчиненным,

Религиозная толерантность – терпимость к людям иной веры, уважение к чужим религиозным убеждениям.

Этническая толерантность – уважительное, терпимое отношение к людям другой национальности. Противоположное понятие – ксенофобия.

Спортивная толерантность – отсутствие предубеждения к другим спортивным командам, кроме своей, уважительное, объективное отношение к другим спортивным командам и их болельщикам;

Музыкальная толерантность – уважительное отношение к различным музыкальным стилям и их поклонникам, отсутствие пренебрежения к тем, кому нравится другая музыка.

Медицинская толерантность – физиологическая выносимость пациентом применения того или иного препарата, переносимость лекарства.

Экологическая толерантность – способность живых существ переносить те или иные изменения в окружающей среде.

В языке когнитивным слоям или сегментам соответствуют семемы.

В каждом слое или сегменте есть дискретные элементы – концептуальные признаки.

Кроме ядра и базовых слоев, концепт имеет объемную интерпретационную часть – совокупность слабо структурированных

предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта.

Например, в интерпретационное поле концепта «брань» войдут такие установки, как *бранью праву не быть, спорить спорь, а браниться грех*, и с другой стороны - *Не выбранившись, и замка в клетки не откроешь. Брань на вороту не виснет, Собака лает, ветер носит*: таким образом, русское сознание брань с одной стороны осуждает, а с другой – извиняет и прощает.

Противоречивость установок объясняется, как уже указывалось выше, именно их принадлежностью к интерпретационному полю концепта, которое содержит «выводы» из разных когнитивных признаков ядра и составляет периферию концепта.

Исследованию подлежит как ядро, так и периферия, однако важно дифференцировать их в процессе описания, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны.

Полевая модель концепта представляется нам теперь следующим образом:

в ядре – прототипическая единица УПК (она может быть как общенародной, так и групповой и индивидуальной);

базовые слои, обволакивающие ядро, в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным; общенародные признаки этих слоев лежат в основе достигаемого взаимопонимания людей при обмене концептами; количество и содержание этих слоев в сознании разных людей различно;

интерпретационное поле концепта, содержащее оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием.

6. Концептосфера и менталитет

Термин *менталитет* в последнее время весьма частотен в работах по когнитивной лингвистике. Однако содержание этого термина до сих пор не может считаться достаточно четко определенным. Существуют самые различные, весьма противоречивые определения этого понятия, причем в словарях и справочниках они стали появляться фактически только в середине 90-х гг. Под менталитетом понимают образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления, характер и мн. др. Слово стало модным, и употребляют его подчас именно для моды, вне строгого определения. Ср. фразу из книги П.С. Таранова «Методы стопроцентной победы» (Симферополь,

1997): «Бумага» заменяет, замещает и подменяет человека... На этом менталитете можно сыграть» (с.17).

В когнитивной лингвистике важно разграничить понятия *менталитет* и *концептосфера*.

Менталитет мы предлагаем определить как специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей.

Можно говорить о менталитете личности, группы и народа (этноса). Менталитет конкретной личности обусловлен национальным, групповым менталитетом, а также факторами личного развития человека – его индивидуальным образованием, культурой, опытом восприятия и интерпретации явлений действительности. Это личные механизмы восприятия и понимания действительности.

Групповой менталитет – это особенности восприятия и понимания действительности определенными социальными, возрастными, профессиональными, гендерными и т.д. группами людей. Хорошо известно, что одни и те же факты действительности, одни и те же события могут быть по-разному восприняты в разных группах людей. Мужчины и женщины, дети и взрослые, гуманитарии и технари, богатые и бедные и т.д. весьма по-разному могут воспринимать и интерпретировать одни и те же факты. Это связано с так называемым механизмом каузальной атрибуции, то есть когнитивными стереотипами, диктующим приписывание причин тому или иному следствию, событию. Менталитет группы формируется в тесной связи с групповыми установками, действующими в группе механизмами апперцепции.

Так, известно, что игроки проигравшей команды имеют тенденцию приписывать поражение влиянию объективных факторов /плохое поле, необъективное судейство и др./, в то время как наблюдатели склонны объяснять поражение субъективными факторами /не проявили воли, не старались, не хватило скорости и др./. Победители обычно успех приписывают собственным усилиям. Ср.: «у победы масса отцов, поражение всегда сирота». Есть детская, мужская, женская «логика» и т.д. Есть менталитет определенных психологических типов людей – ср., к примеру, менталитет оптимиста и пессимиста: первый говорит «еще полбутылки осталось», а пессимист говорит «уже полбутылки нет.». Можно сказать, что менталитет имеет «автоматизированный» характер, он действует практически без контроля сознания, и поэтому во многих случаях «не объективен» - если человек хочет быть объективным, он должен сознательно преодолевать «указания» своего

менталитета, свои установки, свою апперцепцию. При этом надо преодолевать и собственные ментальные стереотипы, и групповые, и национальные.

Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Ср.: американец при виде разбогатевшего человека думает: «богатый – значит умный», русский же в этом случае обычно думает: «богатый – значит вор». Понятие «новый» у американцев воспринимается как «улучшенный, лучший», у русского – как «непроверенный».

Восприятие и понимание действительности – сходные, но не совпадающие вещи. Восприятие – первый этап и основное условие понимания. Разный национальный менталитет может воспринимать по-разному одни и те же предметные ситуации. Национальный менталитет нередко как бы заставляет органы восприятия человека видеть одно и не замечать другое. Русский менталитет, к примеру, неизменно фиксирует покорность азиатских женщин и не замечает повышенной активности собственных, в то время как азиаты прежде всего фиксируют активность и даже агрессивность русских женщин, не замечая покорности и пассивности собственных.

Понимание воспринятого также обуславливается менталитетом. К примеру, карикатуру в китайской газете – девушка и юноша целуются на скамейке – европейский менталитет трактует как изображение распущенности молодых людей, а китайский – как критику недостатка жилплощади у китайцев. Японские фильмы периода второй мировой войны, захваченные американцами, очень отличались от батальных лент Голливуда, где изображались победы американской армии – в японских фильмах изображалась в основном гибель людей, страдания солдат, плач матерей при получении похоронок. С точки зрения европейского восприятия, это были фильмы об ужасах войны, а вовсе не милитаристские ленты, призванные повысить дух японской армии и народа. Но японский менталитет воспринимал их по другой ментальной схеме, непонятной европейцам: «Вот видите, в каких условиях японский солдат продолжает выполнять свой долг». Небольшое опоздание к назначенному сроку в гости русские считают проявлением уважения к хозяевам, а немцы – неуважением. Русские учащиеся понимают повторное объяснение учителем того же самого материала как стремление добиться лучшего понимания ими этого материала, как стремление помочь ученику, а финны нередко думают про такого учителя: «Он нас за дураков считает».

Менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в процессах мышления.

Концептосфера – сфера знаний народа – в определенной степени определяет менталитет народа (особенности восприятия и понимания действительности): образующие национальную концептосферу ментальные единицы являются основой образования когнитивных стереотипов – суждений о действительности. К примеру, наличие в русской концептосфере концепта «авось» определяет ряд ментальных стереотипов русского сознания, разрешающих непредусмотрительность в поведении.

С другой стороны, национальный менталитет направляет динамику формирования и развития концептов – имеющиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов, диктуют некоторые фиксируемые в концептах оценки явлений и событий.

Тем не менее, несмотря на тесную связь, менталитет и концептосфера – разные сущности, и их изучение требует разных методов и подходов.

Менталитет народа проявляется прежде всего в его характере, действиях, коммуникативном поведении. Менталитет формируется под влиянием экономических условий, политических изменений, социально-политических процессов, природных явлений, контактов с другими этническими группами и т.д. Изучать его надо этнокультурологическими и этнопсихологическими методами и приемами.

Концептосфера – это сфера мысли. Основным источником формирования концептов – познавательная деятельность личности, в том числе – через ее коммуникативную деятельность. Изучение концептосферы возможно психологическими, культурологическими и лингвокогнитивными методами и приемами.

В дальнейшем в нашей книге мы говорим о концептосфере и ее составляющих. К менталитету обращаемся лишь в отдельных случаях, если это необходимо для прояснения основных понятий когнитивной лингвистики.

Необходимо указать еще на некоторые термины, которые часто стали использоваться в современных лингвистических исследованиях: *языковая картина мира, языковое сознание, когнитивная картина мира*. Они тоже должны быть отграничены от терминов *концептосфера* и *менталитет*.

Н.М.Лебедева пишет: «Наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую «картину

мира» (Лебедева 1999, с.21). Таким образом, *когнитивная картина мира* – это те понятия и стереотипы, что в восприятии и понимании мира нашим сознанием задаются культурой. Практически это то же самое, что менталитет, который тоже всецело зависим от культуры.

Под *языковой картиной мира* предлагается понимать представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире. Необходимо только помнить, что это – ограниченная и к тому же «наивная» картина мира, она не передает полностью ту картину мира, которая есть в национальном сознании, поскольку язык называет и категоризирует далеко не все, что есть в сознании народа. Кроме того, языковая картина мира в значительной степени представляет для исследователя-лингвиста лишь исторический интерес, поскольку она отражает состояние восприятия действительности, сложившееся в прошлые периоды развития языка в обществе. По языковой картине мира нельзя судить о современных представлениях этноса о мире, об актуальной концептосфере народа.

Языковое сознание – термин очень многозначный. Мы понимаем под языковым сознанием психические механизмы порождения и понимания речи, то есть механизмы, обеспечивающие речевую деятельность человека. Этими проблемами занимается психолингвистика, для когнитивной лингвистики эта проблематика не характерна.

7. Формирование концептов

Концептосфера отдельной личности формируется постепенно. У ребенка концепты практически равны образам формирующегося УПК, впоследствии эти образы начинают обрастать концептуальными признаками, возникают новые компоненты, слои концепта.

На основе выполненных нами исследований можно утверждать, что концепты формируются в сознании человека:

1. из его непосредственного сенсорного опыта - восприятия действительности органами чувств;
2. из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности;
3. из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами - такие операции могут привести к возникновению новых концептов;
4. из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в

образовательном процессе - ребенок спрашивает, что значит то или иное слово);

5. из самостоятельного познания значений языковых единиц, усваиваемых человеком (взрослый человек смотрит толкование неизвестного для него слова в словаре и через него знакомится с соответствующим концептом).

Язык, таким образом, является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Для эффективного формирования концепта в сознании, для полноты его формирования только языка мало - необходимо обязательное привлечение чувственного опыта (лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать), необходима наглядность (что отчетливо проявляется в процессе обучения), необходима предметная деятельность с той или иной вещью. Только в таком сочетании разных видов восприятия в сознании человека формируется полноценный концепт.

Образная основа концепта, образующая его ядро как единицы УПК, носит всегда индивидуально-сенсорный характер, поскольку формируется на базе личного чувственного опыта человека. Первичный эмпирический образ, лежащий в основе концепта и становящийся впоследствии единицей УПК, сродни представлению, знаку в концепции А.А.Потебни. Эти образы конкретны и, в общем, случайны – часто они отражают первое впечатление о том или ином предмете или явлении, либо основаны на опыте взаимодействия с предметом, который получил данный человек в тот или иной момент своей жизни.

К примеру, концепт *университет* кодируется у одного выпускника университета образом тяжелой входной двери, которую надо было открывать, у другого - дверью кафедры, у третьего - видом длинного извилистого коридора, у четвертого - образом аудитории, где проходило большинство лекций. У пятого – общим видом здания с той стороны, с которой он обычно подходил к нему от остановки транспорта и т.д.

Образ, составляющий единицу УПК, может быть несущественным для данного концепта именно в силу его сугубо личной, индивидуальной природы, но, тем не менее, он выполняет кодирующие, знаковые функции для концепта в целом. Многие образы, лежащие в основе соответствующих единиц УПК, выявляются в ассоциативных экспериментах: город - Воронеж, дом - родной, мама - моя, кот - Васька и т.д. Не случайно так мало ассоциативных стимулов, на которые испытуемые давали бы в своей массе

одинаковые парадигматические ответы – образ, кодирующий концепт, отражает индивидуальный опыт.

Если же единообразные ответы появляются, то они обычно отражают или устойчивую сочетаемость (темный - лес, интересный - фильм, дорогой - подарок, белый - Бим черное ухо, дерево- жизни, держать - в руках, культура - речи, принимать - гостей, резать - хлеб и др.) либо уже стандартизованный концептуальный образ (кузница - молот, кровь - красная, расческа -волосы, ездить - верхом, рост - высокий, спать - долго).

Многие концепты сохраняют и впоследствии преимущественно чувственный, эмпирический характер - например, концепты *кислый, сладкий, соленый, гладкий, шероховатый*, а также такие как *окурок, яма, лужа, ложка, вилка, тарелка, чашка, стол, стул* и под. Соответствующие концепты отражают чисто чувственное знание о предмете, которого для мышления об этих предметах и оперирования с ними в практической деятельности вполне достаточно. Содержание таких концептов раскрывается преимущественно остенсивно - через демонстрацию предмета или явления (кислый - это лимон, попробуй; яма - это вот то, что сейчас перед нами и т.д.). Если легче показать, продемонстрировать предмет или явление, чем объяснить, что это такое - значит, с высокой долей вероятности можно предположить, что соответствующий концепт носит преимущественно чувственно-образный характер, его образное ядро очень яркое.

Концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением количества закрепленных концептом признаков, с возрастанием уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Вместе с тем, тот общеизвестный факт, что любую абстракцию надо объяснять на примере, свидетельствует об образной природе любого концепта.

Формирование концепта в онтогенезе идет от образного, чувственного к более абстрактному. У ребенка, концептосфера которого еще только формируется, концепт обычно равен конкретному чувственному образу. Маленький ребенок мамой называет только свою маму и лезет драться, когда кто-то называет мамой другую женщину: концепт *мама* для него пока –только его личная мама. Для ребенка Джерри, собака, колли и животное - это один предмет, все эти слова репрезентируют в его сознании один чувственный концепт - образ собственной собаки. Впоследствии каждая из названных лексем будет представлять разные, хотя и связанные между собой иерархически, концепты (животное ← собака ← колли...).

Таким образом, в онтогенезе сначала чувственный образ выступает как конкретное чувственное содержание концепта, а затем становится средством кодирования «нарастающего на нее» объемного, многослойного концепта. Однако у малоразвитых в интеллектуальном отношении людей концепты, видимо, мало чем отличаются от начального эмпирического образа - единицы УПК.

Концепт рождается как чувственно-образная единица УПК, этот образ и остается его ядром. Ядро постепенно окутывается, обволакивается слоями концептуальных признаков, что увеличивает объем концепта и насыщает его содержание. Внутри концепта перетекают и переливаются концептуальные признаки, концепт не имеет жестких очертаний и границ, он всегда в движении, смысловом развитии. Жизненный опыт человека обогащает содержание концептов, которые составляют его концептосферу. Съездив на море, человек обогащает содержание своего концепта «море», увидев пожар, человек обогащает содержание концепта «пожар».

Через семантику языка можно выделить признаки, образующие содержание концепта. Индивидуальные признаки концепта выявляются преимущественно через психолингвистические эксперименты, хотя их можно иногда выявить и из индивидуальных высказываний. Наличие индивидуальных признаков в концепте делает стремление к их вербализации постоянным. Поэтому речетворчество, словотворчество, художественное творчество - вечны. Через них индивидуальные концептуальные признаки фиксируются, становятся доступными для восприятия других людей.

Образ, составляющий содержание концепта в сознании индивида, подвергается национальным сообществом определенной стандартизации. Концепты могут быть общенациональными (стандартизованными), групповыми (принадлежащими социальной, возрастной, половой и др. группам) и личными. В национальных и групповых концептах могут также быть индивидуальные компоненты, черты, которые обуславливают в некоторых ситуациях вопросы типа «в каком смысле вы говорите о...?», «что вы понимаете под...?» и т.п.

Формирование концептов в онтогенезе вызвано потребностями мыслительной деятельности человека. Напомним, что слова для формирования и существования концептов в принципе не нужны (ср. животных). Слова нужны для сообщения концептов, их обсуждения, а также они являются одним из средств формирования концептов в сознании человека (объяснения в учебных условиях, экспликативные тексты, дефиниции словарей и справочников).

8. Типы концептов

Анализ типов знаний, выражаемых языковыми знаками, позволяет высказать предположения о разных типах концептов в концептосфере народа.

Представления – обобщенные чувственно-наглядные образы предметов или явлений (мыслительные картинки, Бабушкин 1996).

Концепты-представления объективируются в языке преимущественно лексическими единицами конкретной семантики. О том, что смысловая сторона подобных единиц репрезентирует именно представление, свидетельствуют их словарные дефиниции, многие из которых практически целиком состоят из перечисления чувственно воспринимаемых признаков предмета номинации: *дрожь – частое судорожное вздрагивание тела*, *клен – лиственное дерево с широкими резными листьями*, *ласточка – перелетная птица с узкими, острыми крыльями, юркая и быстрая в полете*.

Представления статичны и являют собой отражение совокупности наиболее ярких внешних, чувственно воспринимаемых признаков отдельного предмета или явления.

Схема - концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом - *дерево вообще*, (наглядный образ дерева вообще - ствол и крона), образ реки как протяженности, ленты, схематический образ человека - голова, туловище, руки и ноги («точка, точка, запятая, минус, рожица кривая, палка, палка, огуречик - вот и вышел человечек» - как в детских рисунках и др.).

Схемы можно нарисовать, что говорит о реальности существования данной формы структуризации знаний. Схема - промежуточный тип концепта между представлением и понятием, определенный этап развития абстракции.

Понятие - концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления. Например: *квадрат - прямоугольник с равными сторонами*, *баобаб - широколистственное растение из семейства зонтичных*, *самолет - летательный аппарат тяжелее воздуха с несущими плоскостями*). А.П. Бабушкин определяет понятие как *логически конструируемый концепт без образности* - например, *фрукт, игрушка* и т.д., но все такие концепты имеют образный уровень, о чем свидетельствует наличие так называемых прототипов. Прототип - это образ типичного представителя класса, категоризируемого концептом. Например -

цветок - ромашка, роза, *пустыня* - Сахара, *птица* - голубь, *домашнее животное* - корова, *домашняя птица* - курица. Фактически это образное ядро концепта, то есть единица УПК, кодирующая соответствующий класс предметов.

Понятия вербализуются, как правило, терминологической и производственной лексикой, а также лексемами рациональной семантики типа *житель, клиент, проситель, истец, ответчик, судья*. Понятие возникает на базе представления или схемы путем постепенного, поэтапного отвлечения от второстепенных, случайных, индивидуальных чувственно воспринимаемых (*фрукт, овощи, птица*), либо путем соединения в понятийном образе мыслительных компонентов других концептов.

Соединяться могут как признаки, отражающие реально существующие элементы действительности (*самолет, автомобиль* и др.), так и признаки, отражающие элементы действительности, существующие в отдельности, но не существующие в том или ином конкретном сочетании (*русалка, кентавр*). В последнем случае концепт есть, но нет в природе самих предметов, нет референтов у соответствующих слов, хотя чувственные образы, отражающие реально существующие признаки, налицо - русалку и кентавра, как и бога можно нарисовать; это свидетельство того, что, во-первых, фантазия - это необычное сочетание обычных элементов, а, во-вторых, что концепт - это продукт отражения действительности, но продукт, *обработанный* в результате мыслительной деятельности.

В силу сказанного следует признать, что понятия формируются в мышлении преимущественно как отражение научной и производственной сфер действительности (терминология). Многие понятия фактически создаются лингвистами, оказывающимися перед необходимостью дать слову дефиницию в толковом словаре в опоре на небольшое количество дифференциальных признаков или выполнить компонентный анализ значения слов, чтобы разграничить сходные по смыслу слова. Как отмечал Ю. С. Степанов, «логические понятия выработаны не для каждого явления, называемого отдельным словом, так как не все объекты и явления являются предметом общественного познания» (Степанов, 1975).

Фрейм - мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении. Например, магазин (компоненты - покупать, продавать, товары, стоить, цена и др.), *стадион* (устройство, внешний вид, поле для игры на нем и др.). Примеры фреймов: *ресторан, кино, поликлиника, больница*.

Сценарий (скрипт) - последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития. Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов: *посещение* кино, *поездка* в другой город, *посещение* ресторана, поликлиники, *драка, игра, экскурсия*. *Стадион* - это фрейм, а *посещение* стадиона, *выступление* на стадионе, *реконструкция* стадиона и т.д. - сценарии.

Гештальт - комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальт (термин Х.Эренфельса, австрийского искусствоведа конца 19-го века) представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления.

Экспериментальное исследование показало, что значение подобных слов испытуемые связывают с чувственно воспринимаемыми явлениями, которые увязываются сознанием в некоторую комплексную картину. Так, гештальтами, несомненно, являются полученные экспериментально дефиниции значений следующих слов (уже приводившиеся выше): молчание – «люди с сжатыми губами и выразительными глазами, пустая комната, тишина»; быт – «мытьё посуды на кухне, телевизор в доме, уборка квартиры»; математика – «цифры, формулы, графики, примеры в учебнике, в тетради или на доске». Типичными гештальтами являются концепты, объективированные такими лексемами как *очередь, игра, пытка, любовь, судьба* и др. Таковы основные типы концептов по характеру концептуализируемой информации.

Выше мы также говорили о возможности подразделения концептов по степени устойчивости на *устойчивые* (регулярно вербализуемые в стандартной языковой форме) и *неустойчивые* (нерегулярно или совсем не вербализуемые концепты). И еще одно важное разграничение: по наблюдаемости концепты можно подразделить на *вербализованные* – для которых есть в системе регулярные языковые средства выражения, и *скрытые* – не вербализуемые или вербализуемые искусственно только в условиях принудительно поставленной задачи (например, в условиях эксперимента).

По степени абстрактности содержания концепты подразделяются на *абстрактные* и *конкретные*.

9. Национальная специфика концептов

В концептосфере каждого народа есть немало концептов, имеющих яркую национальную специфику. Часто такие концепты трудно или даже невозможно передать на другом языке – это верное доказательство национальной специфичности, ментальной уникальности таких концептов. Многие из этих концептов «руководят» восприятием действительности, пониманием происходящих явлений и событий, обуславливают национальные особенности коммуникативного поведения народа. Для правильного понимания мыслей и поведения другого народа выявление и описание содержания таких концептов является исключительно важным. Это явление требует серьезного исследования.

Национальная специфика концептов проявляется в двух аспектах: национальные различия в содержании близких концептов и наличие несовпадающих (сугубо национальных) концептов в концептосфере народа.

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты оказываются неполностью совпадающими по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации. Показательны следующие примеры:

«Солнце по-русски - это совсем не то, что куёш по-узбекски, и уж совсем не то, что офтоб по-таджикски. В какие отношения - дружелюбные или тягостные - человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-уменьшительное «солнышко», так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодотворным и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение - все красивое и желанное он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным» (Т.Пулатов. Язык, автор, жизнь. «Лит.обозрение», 1976, № 8, с. 109).

«Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько недель в сентябре-октябре, когда в виноградарских деревнях Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие - праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь, так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу.

... Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? Но прежде - как объяснить «ртвели»? Сказать, что это пора сбора винограда, работа от зари до зари, а ночью - костер, отблеск пламени на человеческих лицах, искры в кромешной темени вина, уставшая за день долина выдыхает жар, посеребренные ранним октябрьским снегом горы струят неземной свет на виноградники.

Зачем тебе «ртвели»?... Тебе нужна прозрачная ясность этой поры, та ее неизбежная ясность, в которой всегда зрим итог пути. Тебе нужен самый воздух этого времени, растворенное в нем чувство... блага жизни, осознание ее смысла и цели. И сильнее, чем когда-либо, ощущаешь, что и сам принадлежишь этой земле.

В эту пору грузинской жизни, когда даль прояснена до конца, когда открыты связи между земным и возвышенным, зримым и потаенным, личным и общинным, скоротечным и вечным, лишь тот несчастлив, кто отстранен от праздника неистовой работы» (Т.Мамаладзе. Несокрушимый Давид? «Литературная газета», 1982, 24 марта).

Солнце, луна, пора сбора винограда – эти концепты есть в русской, узбекской и грузинской культурах, но их содержание национально специфично.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептов проявляется в наличии безэквивалентных единиц в языке. Безэквивалентная единица – всегда показатель наличия некоторого уникального национального концепта в сознании народа. Ср. русские безэквивалентные единицы – и, соответственно, представляемые ими концепты: *разговор по душам, выяснение отношений, авось, духовность, интеллигенция, непротивление.*

Примеры национальных концептов, представленных в концептосферах англо-саксонского мира: *life quality, privacy, quality time, tolerance, political correctness etc.*

Японский национальный концепт: саби («уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука»).

Национальная специфика концептов может проявляться также в том, что в одной национальной концептосфере концепт является вербализованным, имеет регулярно используемую номинативную языковую единицу, а в концептосфере другого народа этот концепт является скрытым, не имеет средств языковой объективации. Например, таков китайский национальный концепт «нулевая еда» (например, семечки, орешки): в русской концептосфере этот концепт есть, но является скрытым (мы понимаем, что такая еда есть, что это

не настоящая еда, говорим «Разве это еда?», но у нас нет языковой единицы для ее обозначения, а китайцы этот концепт номинативно обозначили.

Отметим также, что национальные концепты в принципе являются общими для всех носителей соответствующей культуры, они ментально объединяют нацию, но так ситуация выглядит лишь в идеале, в реальности это оказывается далеко не всегда так, поскольку *степень усвоенности национальных концептов* отдельными членами лингвокультурной общности может весьма существенно различаться (отдельные представители народа могут в своих концептосферах данный концепт даже вообще не иметь).

Возможна и такая ситуация: наличие в сознании отдельных людей или групп людей концептов, свойственных концептосфере других народов (ср. западное понимание демократии, прав личности, закона и мн.др. в сознании ряда российских политических деятелей и сторонников либеральных политических взглядов).

10. Способы языковой объективации концептов

В работах по когнитивной лингвистике теоретические вопросы, как правило, обсуждаются на материале лексики и фразеологии. Концепты, которые объективируются с помощью слов и фразеосочетаний, можно условно (для краткости) назвать лексико-фразеологическими, хотя правильно, разумеется, называть их «концепты, объективируемые (вербализуемые, репрезентируемые) лексико-фразеологическими средствами».

Возможность объективации концептов лексико-фразеологическими средствами (словами, устойчивыми сочетаниями типа *фруктовый сад*, *подводная лодка*, *капитан команды* и др., фразеологизмами – первая ласточка, железная дорога, белая ворона, заморить червячка и др.) не вызывает сомнений у исследователей.

Дискуссионным является вопрос о возможности выражения концептов синтаксическими структурами. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Прежде всего надо выяснить, есть ли среди синтаксических структур языковые знаки или структуры создаются в речевой деятельности и тут же разрушаются, то есть устойчивыми знаками, входящими в систему языка, не являются?

Наиболее дискуссионными остается вопрос о существовании синтаксических знаков, то есть таких структур, у которых можно было

бы находить и план выражения (последовательность словоформ), и план содержания (некоторый синтаксический концепт).

В лингвистике нет единого мнения о том, что считать синтаксическим знаком, какую конструкцию, какими могут быть синтаксические концепты, да и существуют ли они вообще. А.И. Смирницкий в свое время просто отрицал языковую природу предложения, считая его речевым произведением (Смирницкий 1954, с.18). В дальнейшем синтаксисты сумели отграничить речевое высказывание от языковой модели предложения и стали говорить о предложениях как о полных знаках, о высказываниях как о знаках коммуникации, а о словах как об их подзнаках (Гак 1972, с.353-355), предложение рассматривалось как комбинация знаков (Маслов 1975, с.29-30). Иначе говоря, вопрос о знаковости синтаксического построения был поставлен, но большого внимания не привлек и широкого обсуждения не получил. Лишь в самое последнее время вновь появились трактовки синтаксических конструкций как знаков (Никитин 1997, с.547; Бондарко 1996, с.98).

Мы исходим из того, что синтаксические построения имеют свою знаковую природу и свои означаемые – синтаксические концепты. При этом мы опираемся на понимание языка как системы, которая состоит из символов, а также операций и процессов. Получается аналогия с математическими исчислениями, в которых есть символы (цифры, буквы) и операции над ними, изображаемые специальными знаками (плюс, минус, двоеточие, корень квадратный и т.п.). При таком подходе символами языка оказываются лексемы, а знаками операций над ними являются граммемы (флексии, порядок слов, просодемы и др.), используемые при составлении структурной схемы, маркирующие ее.

Структурная схема простого предложения (далее ССПП) – это знак операции предцифрования, а разновидности ССПП – знаки разновидностей операции предцифрования.

Знаки лексической системы языка (лексемы) и знаки фразеологической ее части (фразеосочетания) представляют образы вещей, понятий, явлений, их совокупностей и множеств. Их денотатами являются сущности, наблюдаемые в объективном мире или воображаемые, но мыслимые в качестве вещей или явлений.

Отношения между сущностями окружающего мира человек наблюдает и осмысливает, оформляя их в виде суждений. Эти отношения очень разнообразны, возможно - неисчерпаемы. Осмысляя их, человек может делать ошибки, получать ложные суждения. Но как бы то ни было, виды суждений различаются, и люди разнообразят

структурное оформление суждений, чтобы разные виды отношений получали и разное структурное выражение.

Структурные схемы простого предложения – знаки разных видов отношений между сущностями, устанавливаемые мыслящими людьми. Именно виды отношений, осмысленные и классифицированные человеком, и являются синтаксическими концептами, стоящими за ССПП (см.: Кравченко 1997, с.11).

Вслед за многими известными учеными мы признаем различие высказываний как конкретных лексически определенных предложений, обладающих позиционной схемой, и предложений (точнее, структурных схем простого предложения) как типовых последовательностей словоформ, используемых для обозначения субъекта и предиката мысли (Падучева 1984; Богданов 1985; Арутюнова 1987; Левицкий 1995 и др.).

Высказывание, как мы уже об этом подробно писали (Попова 1996), содержит в себе позиционную схему, отражающую денотативную ситуацию, о которой идет речь - пропозицию. Пропозиция состоит из отдельных компонентов смысла – актантов и ситуантов – и отношений между ними. Для нас важно подчеркнуть, что в пропозиции нет ни главных, ни второстепенных членов, нет никакой формальной структуры. Это чисто смысловой концептуальный набор компонентов, которые говорящий стремится вербализовать (деятель, действие, инструмент, объект действия, время, место действия и т.п.)

Пропозицию описывали не раз и под разными именами. Практически тождественно нашему пониманию пропозиции у П.Адамца (1978, с.7), смысл в нашем понимании принадлежит высказыванию. Множество высказываний, содержащих одинаковые или близкие по содержанию компоненты, позволяют говорящему усмотреть некоторые обобщенные смыслы, выполнить их категоризацию, установить их типы. Для часто выражаемых смыслов вырабатываются специальные формальные средства. Такими средствами заполняются позиции, представляющие субъект и предикат суждения. Такие обобщенные смыслы – пропозиции, зафиксированные конкретными словоформами, становятся уже языковыми, категориально-системными пропозициями.

Между словоформами, обозначающими субъект и предикат мысли, устанавливается отношение, которое называют предикативным отношением или короче – предикативностью. Предикативное отношение существует только в голове человека, оно может совпадать с реальными отношениями обозначенных в суждении сущностей или

не совпадать с ними, быть ложным. Предикативное отношение – это сугубо субъективная реальность.

Установление предикативного отношения между мыслительными сущностями (концептами любого рода) – естественный механизм человеческого мышления. Он описывается в разных науках под названиями «логическое суждение», «психологическое суждение», «замыкание нервных связей между нейронами в коре головного мозга» и т.п. В лингвистике также очень много пишется о предикативности. Широко известно основополагающее учение акад. В.В.Виноградова о наличии в категории предикативности таких компонентов, как модальность, время и лицо (Виноградов 1954), вошедшее во все вузовские учебники.

В свете вышесказанного мы хотели бы отметить, что в состав предикативного отношения входит и типовая пропозиция (категориально-семантический концепт, смысл), для которой и создается структурная схема простого предложения. Что же касается модальности, времени и лица, то эти семы сопутствуют выражению типовой пропозиции, она именно в этих категориях и обрабатывается, то есть представляется как реальная или ирреальная, отнесенная к тому или иному времени и лицу. Та типовая пропозиция, которая зафиксирована конкретной ССПП, и есть в нашем понимании синтаксический концепт - то отношение, которое уловлено говорящим как типовое (отношение бытия, инобытия, небытия и др.).

Одна и та же пропозиция может быть в плане выражения передана разными способами. Ср.: утро было солнечным; утро было солнечно; сияло солнечное утро; утром ослепительно сверкало солнце и т.д.

Пропозиция существует в совокупности всех способов своего выражения, во множестве конкретных высказываний. Об этом уже не раз писали исследователи, пытаясь как-то определить, «уловить» эту ментальную сущность, не имеющую четкого формального выражения, однако явно влияющую на многие стороны мироощущения и самоощущения говорящего человека. По определению А.В.Бондарко, смысл – это когнитивная основа лексических и грамматических значений языковых единиц и их реализаций в составе семантических комплексов, выступающих в высказывании (Бондарко 1996, с.318). Для нас важно, что А.В. Бондарко делит смыслы на языковые (категориально-системные) и речевые (там же, с.318).

Выявление синтаксического концепта и предикативного отношения происходит на разных уровнях анализа. Предикативное отношение находится в сфере семантики конкретного языка, синтаксический

концепт существует на уровне общечеловеческих смыслов и часто служит опорой для переводчиков.

Набор синтаксических концептов входит в семантическое пространство языка. Без синтаксических концептов семантическое пространство языка существовать не может, ибо знание набора концептов без знания видов отношений между ними лишает такое пространство жизни и движения.

Развитие новых ССПП происходит в составе высказываний на определенную тему. Чем чаще обсуждается людьми данная тема, чем больше на эту тему фиксируется высказываний, тем больше шансов на образование и закрепление новой ССПП, манифестирующей осознание нового концепта.

Позиционные схемы высказываний постоянно варьируются, они подвержены актуальному членению и другим факторам образования текста. Словоформы ССПП занимают две или три позиции внутри позиционной схемы высказывания, причем при анализе позиционной схемы это будут смысловые позиции (деятель, каузатор действия, признак, действие и т.п.). Позиции же субъектива и предикатива определяются только для ССПП, но не для позиционной схемы.

Так, в высказывании В ЭТУ НОЧЬ Я НЕ МОГ УСНУТЬ ДО УТРА ССПП заключена в словоформах Я НЕ МОГ УСНУТЬ. С точки зрения позиционной схемы эти словоформы представляют смыслы «лицо» и его «состояние». Прочие позиционные смыслы – время, причина действия, длительность состояния - представлены компонентами позиционной схемы, но в ССПП не входят.

Та же самая пропозиция, которая развернута в приведенном высказывании, может быть представлена и другими ССПП: В эту ночь от волнения мне не спалось до утра. Волнение не дало мне уснуть в эту ночь до утра. Их ССПП состоят из словоформ МНЕ НЕ СПАЛОСЬ; ВОЛНЕНИЕ НЕ ДАЛО МНЕ УСНУТЬ.

Иными словами, анализ позиционной схемы высказывания (речевого знака) и анализ ССПП (знака языкового) производятся на разных уровнях (подробнее см. Попова, 1996).

Позиционные схемы бесконечно разнообразны, поскольку разнообразны пропозиции, которые они представляют. Типовые же пропозиции, получившие закрепление в ССПП, относительно немногочисленны, и соответственно ССПП вполне исчислимы и обозримы.

Хотя позиционная схема высказывания и ССПП представляют разные уровни анализа, в речевом общении они существуют в неразрывном единстве. Именно в позиционных схемах время от

времени формируются варианты ССПП и новые ССПП, вбирающие в себя какую-либо из словоформ, начинающую слишком часто появляться в высказываниях на определенную тему.

Таким образом, ССПП мы понимаем как знаки синтаксических концептов (типовых пропозиций), представленных в семантическом пространстве языка. Через ССПП, выделенные по принципу их информативной достаточности, исследователь, как мы думаем, может вполне объективно раскрыть состав синтаксических концептов современного языка.

Итак, пропозиция формируется в концептосфере говорящего человека.

Типовая пропозиция, застывшая в структурной схеме простого предложения, лежит в семантическом пространстве языка. Такую пропозицию мы назвали синтаксическим концептом в отличие от концептов лексических и фразеологических, которые тоже лежат в семантическом пространстве языка, но выражаются словами и фразеосочетаниями. Синтаксические концепты представляют фреймы, сценарии, они, как правило, динамичны. Но по своей мыслительной природе они такие же концепты, как и концепты, выражаемые словами и фразеосочетаниями.

Подчеркнем, что выражение «синтаксические концепты» – такое же сокращение, как и «лексико-фразеологические концепты»: оно означает «концепты, объективируемые синтаксическими средствами».

Способом объективации концептов являются также национальные пословицы и поговорки, а также афоризмы. В них в краткой, сжатой форме нередко выражаются некоторые когнитивные стереотипы, свойственные национальной концептосфере народа (*Если нельзя, но очень хочется, то можно; Брань на ворота не виснет; Не обругавшись, и замка в клетки не откроешь; Кто не с нами, тот против нас; Молодо-зелено; И нашим, и вашим; Яйца курицу не учат* и др.). Анализ паремий может много дать для понимания структуры некоторых концептов; необходимо только помнить, что паремии не всегда отражают смысл, актуальный для современного состояния сознания, и насколько установки, выражаемые теми или иными паремиями, разделяются современным сознанием носителей языка, требует проверки.

Есть концепты, которые объективируются и становятся доступными реципиентам только с помощью текстов. Такие концепты можно назвать *текстовыми* независимо от размера представляющего их текста. Это может быть словарное толкование некоторых языковых

единиц, объективирующих концепт, словарная статья в энциклопедии или справочнике (информационно-эплективные тексты). Это может быть научный или научно-популярный текст, рассказывающий о содержании концепта, а также публицистический или художественный тексты, присущими им средствами раскрывающие содержание концепта (ср., к примеру, описание грузинского концепта «ртвели» в девятом разделе данного Очерка).

Для вербализации индивидуально-авторских концептов именно текст является оптимальным средством; никакая лексико-фразеологическая вербализация не справится с передачей всех оттенков индивидуально-авторского мировидения.

В любом случае развернутые тексты любой длины могут выступать средством языковой объективизации концепта.

11. Когнитивные классификаторы и языковая семантика

Понятие классификаторов одним из первых ввел в научный обиход Дж.Лакофф. В статье «Мышление в зеркале классификаторов» он писал, что различные народы мира классифицируют, казалось бы, одни и те же реалии совершенно неожиданно. В каждой культуре существуют специфические сферы опыта (рыбная ловля, охота и другие), которые определяют связи в категориальных цепочках понятий; идеальные модели мира, в т.ч. мифы и различные поверия, которые также могут задавать связи в категориальных цепочках; специфическое знание, которое получает при категоризации преимущество перед общим знанием и проч.

Дж.Лакофф отмечает, что основным принципом классификации является принцип сферы опыта. В заключение Дж.Лакофф приходит к выводу, что когнитивные модели используются при осмыслении мира. Они помогают осмыслить ту часть опыта человека, которая ограничена человеком и воспринимается им самим. Система классификаторов отражает экспериенциальный, образный и экологический аспекты мышления (Лакофф 1988, с.12-51).

Исследование Дж.Лакоффа убедительно показывает, что классификаторы – категория исключительно ментальная, порождаемая мышлением человека. Репрезентируясь в языковой семантике, классификаторы играют важную роль в организации семантического пространства каждого языка, организуя его в те или иные структуры. Стало быть, семантическое пространство каждого языка существует как стремящееся к бесконечности множество значений, связанных

классификаторами в разнообразные группы, классы, ряды и поля, составляющие в конечном итоге определяющее начало устройства системы любого языка.

Из опыта анализа действительности человек выводит классификационные категории, которые затем прикладывает к воспринимаемой и осмысляемой действительности. Эти классификационные категории являются элементами концептосферы (то есть определенными концептами), и они упорядочивают для человека и действительность, и язык: в соответствии с этими классификаторами объединяются и дифференцируются как предметы действительности, так и языковые единицы.

Эти концепты называются когнитивными классификаторами потому, что они классифицируют опыт в процессе его познания (когниции). Будучи выявлены в семантике классов единиц, эти классификаторы выступают как интегральные или дифференциальные семы.

Важно подчеркнуть, что все они при этом остаются обобщающими концептами в концептосфере, лишь будучи *представлены* в семантическом пространстве языка соответствующими семами.

Набор когнитивных классификаторов часто оказывается глубоко национальным, что особенно заметно на примере категории именного класса (рода) – количество родов колеблется в разных языках от нуля (английский язык) до 40 (вьетнамский) и более .

Классификаторы, которые рассматривал Дж. Лакофф, имели формальное выражение (в виде артиклей, окончаний, других служебных средств языка), но классификаторы могут быть обнаружены и при анализе *значений* слов. Покажем это на небольшом участке семантического пространства русского и английского языков. В качестве такого участка мы берем достаточно изученный фрагмент: посуда, из которой пьют и в которую наливают жидкость.

Посуда, в которую наливают воду для разных целей, посуда, из которой пьют разные напитки, в сущности в обиходе европейцев одна и та же. Однако русский и английский языки свидетельствуют о разных принципах классификации образов такой посуды в сознании говорящих по-русски и по-английски.

Все, что сделано из стекла (glass), объединяется в английском семантическом пространстве именно по этому признаку и так и называется – glass (стекло), независимо от формы, назначения и размера такой посуды. Поэтому английское glass переводится на русский язык как стакан, рюмка, бокал, фужер, стопка, чарка (Бархударов, с. 91). В тех случаях, когда говорящему на английском

языке понадобится конкретизировать назначение или размер, или форму «стекла», он использует определения: *white wine glass* – «стекло» для белого вина, *red wine glass* – «стекло» для красного вина, *sherry glass* – рюмка для шерри, *champagne glass* – бокалы для шампанского, *tapered glass* – конусообразный бокал, а *crystal glass* – хрустальный бокал, *brandy glass* – рюмка для бренди, *liqueur glass* – рюмка для ликера, *spirit glass* – стопка для спирта, *beer glass* – стакан для пива и т.п.

Посуда со сравнительно небольшим углублением изогнутой формы объединяется с другими предметами такой же формы лексемой *bowl*.

Лексема *bowl* переводится на русский язык и как *чаша*, и как *салатница*, *ваза*, и как *кубок*; этой же лексемой англичане называют углубление ложки, подсвечника, чашки весов.

Ёмкости, имеющие плоское дно и широкую открытую поверхность, по этим признакам объединяются лексемой *basin*. *Basin* – это и бассейн реки, и резервуар фонтана, в котором налита вода, и раковина умывальника, и плевательница для пациентов у зубного врача, но это и миска, и таз, и большая чашка. В русской концептосфере такого классификатора нет, поэтому и переводы оказываются столь многообразными.

Нет среди русских «посудных» концептов и того, что англичане называют *beaker* (от *beak* – клюв) – посуда с «клювиком» для слива воды. Это может быть и химическая мензурка, и керамический сосуд типа корчажки.

В свою очередь, в английских концептах нет единого образа спортивного кубка. В зависимости от формы вручаемого «посудного» приза англичане называют его *bowl* (широкой, изогнутой формы), *goblet* (удлиненной формы, выдуваемый из стекла типа бокала), *jug* (большой сосуд, типа кружки) и *cup* (форма чаши).

Наибольшее сходство в «посудном» отсеке семантики русских и англичан обнаруживает концепт чашки – англ. *cup*. Эти лексемы одинаково используются и применительно к чашечкам цветов, и к деталям технических устройств, имеющих форму чашечки, и к образам чаши терпения, горькой чаши бытия и др.

Материал показывает, что для английской «посудной» семантики наиболее важны классификаторы формы и «стекла». В русском «посудном» семантическом пространстве важнее назначение сосуда.

Другой имеющийся в нашем распоряжении пример – когнитивные классификаторы на участке семантического пространства языка, отведенного под концепты овощей и фруктов.

Рассмотрение лексико-семантической группы наименований плодов позволяет выявить когнитивные признаки, по которым классифицируются плоды носителями русского языка. Такими признаками оказываются размер и способ употребления плода в пищу. В соответствии с этими признаками (классификаторами) русские плоды подразделяются на фрукты, ягоды, орехи и бахчевые культуры. Назовем эти подразделения ЛСГ парцеллами.

Парцелла **фрукты** выделяется на основе таких сем, как *сладкая мякоть, штучность, возможность держать плод в руке*. Согласно этим признакам, фруктами обычно называют *яблоко, грушу, лимон, мандарин, апельсин, абрикос, персик, грейпфрут, банан*.

Парцелла **ягоды** выделяется на основе сем: *сладкая мякоть, плоды, мелкие по размеру, кучные, возможность набрать их в горсть*. Набором таких признаков обладают семемы лексем *вишня, черешня, виноград, бузина, ежевика, клубника, клюква, крыжовник, малина, смородина*.

Парцелла **орехи** выделяется на основе признака твердой скорлупы, которую надо разбить, разгрызть, разломить, чтобы достать и съесть ядрышко. К ней относятся *арахис, грецкий орех, фундук*.

Парцелла **бахчевые культуры** выделяется на основе таких сем как *сладкая мякоть, столь большие по размеру, что для еды режутся на ломти*. Набором таких признаков обладают семемы лексем *арбуз, дыня*.

Ананас еще не освоен русской классификацией. В бахчевые он не войдет, так как способ его выращивания в России не известен. Скорее всего, он попадет во фрукты.

Вернемся к английскому fruit. Напомним, что в английском языке фрукт – это часть растения, развивающаяся из завязи, содержащая семена, со сладкой мякотью, идущая в пищу. Словарные толкования позволяют выявить важнейшие для fruit классификационные признаки. Для носителя английского языка оказались важными классификаторы, связанные со способом употребления в пищу.

Первую группу составляют fruits, объединенные семой «с мягкой и легко снимающейся кожицей». В нее входят: *culant* (смородина), *grape* (виноград), *banana* (банан), *cherry* (вишня), *orange* (апельсин), *tangerine* (мандарин), *grapefruit* (грейпфрут), *apricot* (абрикос), *peach* (персик), *plum* (слива), *tomato* (помидор).

Вторую группу составляют fruits, объединенные семой «с твердой, но без большой усилий очищаемой кожурой». В нее входят *melon* (дыня), *muskmelon* (дыня), *watermelon* (арбуз), *pumpkin* (тыква), *apple* (яблоко), *pineapple* (ананас).

Третью группу составляют fruits, объединенные семой «с мягкой мясистой плотью, охватывающей завязь», то есть не требующие очистки. В нее входят различного рода ягоды (berries): blackberry (ежевика), raspberry (малина), strawberry (клубника), gooseberry (крыжовник), cranberry (клюква).

Четвертую группу составляют названия орехов (nuts), объединенные семой «с твердой (разбиваемой) скорлупой»: hazelnut (лесной орех), walnut (греческий орех).

Таким образом, именно на основе этих классификационных сем в состав fruits попадает tomato («с легко снимающейся кожицей») и pumpkin («с твердой, но без большой усилий очищаемой кожурой, с семенами, со сладкой мякотью, идущей в пищу»).

Если принять, что все семемы лексем, которые входят в объем понятия fruits, образуют некоторое семантическое пространство, то эквивалентное семантическое пространство русского языка покрывает лексема *плод*. Казалось бы, примерно одинаковое семантическое пространство в языковом сознании русских и англичан членится классификаторами по-разному, вследствие чего организовано неодинаково: русские фрукты – лишь часть того семантического пространства, которое охватывают английские fruits. Однако эта часть точно не соответствует ни одной из парцелл, на которые делится английское семантическое пространство fruits. В русском понимании важен тот признак, что фрукт (одну штучку) можно взять в руку. Какая у фрукта кожаца – значение не имеет.

Английские fruits (даже если исключить парцеллы berries и nuts) безразличны к размеру, но не безразличны к качеству кожуры, поэтому среди них и помидор, и арбуз, и тыква, и различные виды дынь, и другие не всегда известные русскому читателю плоды.

Совершенно другие наборы когнитивных классификаторов просматриваются в сфере абстрактных лексических концептов.

Когнитивные классификаторы в поле интеллектуально-модальных состояний человека (вера, надежда, уверенность и др.) рассматривала О.В.Ивашенко. Среди этих классификаторов обнаружены:

оценка истинности имеющегося знания (у *веры* она выше, у *надежды* ниже);

оценка степени отчетливости, ясности знания (у *веры* высокая, у *надежды* невысокая);

вид объекта знания (любая информация, мифологичнская информация, только желательная информация и нек.др.) (Ивашенко 2001).

Как видим, абстрактные концепты имеют и абстрактные классификаторы.

В работах А.А.Кретьова и его учеников предложена категория криптоклассов – группировок лексики, построенных на скрытых от прямого наблюдения когнитивных классификаторах – семантических признаках, проявляющихся в особенностях лексической сочетаемости изучаемых слов. В работах О.О.Борискиной (Борискина 2000) показаны группировки лексики, формирующиеся на основе сем первостихий (огонь, вода, воздух, земля). Таков, например, криптокласс *жидкий*, в котором, кроме наименований жидкостей, обнаруживается и огонь, который течет, разливается, растекается, может взметнуться, воспринимается как струя. Сюда же попадает и воздух, которым можно захлебнуться, а также время, мысли, гнев и нек. др.

Огонь входит и в криптокласс *острые* (он колет, пронизывает, распарывает) и в криптокласс *живые* (огонь дышит, вздыхает, задыхается).

Когнитивные классификаторы очень часто не имеют лексического выражения, то есть относятся к разряду скрытых концептов (например, «убить при помощи холодного оружия»). С такими трудностями сталкиваются студенты, выполняющие классификацию лексических единиц по семантическим классам: «Не знаю, как назвать эту группу». Это – убедительное свидетельство именно концептуальной, а не языковой принадлежности когнитивных классификаторов, доказательство их чисто ментального статуса.

Когнитивные классификаторы, принадлежа концептосфере, выявляются через анализ интегральных сем языковых единиц.

Классифицирующая роль когнитивных классификаторов вполне очевидна. Их состав и функции еще предстоит выявить. Изучение когнитивных классификаторов только началось и должно раскрыть много интересных особенностей в группировках концептов и языковых знаков.

12. Концептосфера и семантическое пространство

Принципиальным для современной когнитивной лингвистики представляется разграничение концептосферы и семантического пространства языка.

Выше мы уже неоднократно иллюстрировали различия между концептами в сознании и значениями в языке; сейчас представим эти различия в обобщенном виде.

Концептосфера – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных образов внешнего мира) наиболее абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира. Концептосфере принадлежат и когнитивные классификаторы, способствующие определенной, хотя и нежесткой организации концептосферы.

Семантическое пространство языка – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует *семантическое пространство* данного языка.

В семантическом пространстве мы различаем лексико-фразеологические и синтаксические концепты, то есть концепты, которые объективированы соответственно словами, фразеосочетаниями или синтаксическими структурами.

Изучая семантическое пространство языка, мы получаем достоверные знания о той части концептосферы, которая в нем представлена. В семантическом пространстве когнитивные классификаторы представлены интегральными семантическими признаками – классемами и архисемами разного объема и содержания.

Однако получить знания о всей концептосфере народа, группы людей или отдельного человека только по изучению семантического пространства нельзя, поскольку концептосфера гораздо объемней и шире семантического пространства языка.

Вместе с этим, динамика развития и изменения концептосферы прежде всего обнаруживается в речевой деятельности людей – появление новых номинаций сигнализирует о возникновении новых концептов. Однако лишь с течением времени отдельные новации, возникшие в концептосфере, могут найти свое выражение в устойчивых, стандартных языковых средствах, и то в том случае, если в этом будет коммуникативная необходимость.

Значительная часть концептосферы народа представлена в семантическом пространстве его языка, что и делает семантическое пространство языка предметом изучения когнитивной лингвистики.

Семасиология (отдел лингвистической науки, изучающий значения языковых единиц) установила, что семантика языка (семантическое пространство языка) – это не набор, не инвентарь семем, а сложная их система, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структурных объединений и групп, которые «упакованы» в цепочки, циклы, ветвятся как деревья, образуют поля с центром и периферией и т.п. Эти отношения

отражают отношения концептов в концептосфере языка. И по отношениям между значениями в семантическом пространстве языка можно судить об отношении концептов в национальной концептосфере.

Устанавливая строение семантического пространства разных языков, лингвисты получают сведения о некоторых особенностях когнитивной деятельности человека, поскольку удается конкретизировать содержание и структуры знаний, находящихся в концептосфере людей.

Между концептами как единицами мыслительной деятельности существуют связи - по концептуальным признакам. Они просматриваются через языковые значения, через единицы, объективирующие концепты в языке, поскольку эти связи в языке маркированы - общностью морфем, просодем, фонетических сегментов, фоносемантически, а значит, могут быть обнаружены и описаны лингвистом.

Человечество живет на одной планете, всем светит одно и то же Солнце, но в разных уголках Земли в сознание людей попадают разные впечатления, что-то важное для одних и осмысленное ими может пройти мимо внимания других и т.д.

Концептосферы разных народов, как показывает изучение семантического пространства разных языков, существенно различаются и по составу концептов, и по принципам их структурирования. Лингвисты установили эти различия, занимаясь теорией перевода, типологией языков мира, контрастивным изучением двух языков в процессе преподавания иностранного языка. В лингвистике стал азбучной истиной тезис, что по устройству одного языка нельзя изучать устройство другого так же, как по плану одного города нельзя осматривать другой город. Национальная специфика концептосферы находит свое отражение и в национальной специфике семантических пространств языков. Сходные концепты у разных народов могут быть сгруппированы по разным признакам.

Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, и в то же время выявляет специфическое, национальное, а затем и групповое, и индивидуальное в наборе концептов и их структуризации.

Как семантическое пространство языка, так и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности. Разница между языковым значением и концептом состоит лишь в том, что языковое значение - квант семантического пространства -

прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка; может существовать на основе альтернативных знаковых систем, таких как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др.

Итак, концептосфера – область мыслительных образов, единиц УПК, представляющих собой структурированное знание людей, а семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур.

Изучая семантическое пространство языка, исследователь получает определенные знания о концептосфере носителей этого языка, объективированной знаками языка и отраженной в его семантическом пространстве; необходимо только помнить, что эти знания о концептах, полученные из семантического пространства языка, не дают полного представления о концептосфере, поскольку концептосфера всегда шире семантического пространства языка.

13. Когнитивная лингвистика и другие науки

Когнитивные исследования в настоящее время очень широко распространены. Исследования в области менталитета, этноконцептов стали популярными и модными в современной лингвистике. Авторы подобных работ все чаще называют их когнитивными.

Выше уже указывалось, что понятия *концепт*, *когнитивный* широко используются в настоящее время исследователями самых разных направлений без какого бы то ни было определения или уточнения.

Современная лингвистика, действительно, во многом стала ориентироваться на изучение концептуальных систем национальных языков. То, что подобные исследования интересны и важны, сомнений нет. Они находятся в общем русле развития современной лингвистики - в направлении к антропоцентризму, проблеме изучения не столько языка как системы, сколько функционирующего, «зависящего от человека», «зависящего от народа» языка. Но необходимо уточнить предмет когнитивной лингвистики и отграничить ее от других, близких по проблематике и исследовательскому материалу наук.

Стала ли задача изучения концептов как «кирпичиков», элементов мышления задачей современной лингвистики, психолингвистики,

когнитивной лингвистики, когнитологии, этнопсихологии? Хотим предложить свое понимание данной проблемы.

Целесообразно разграничить предмет и цели лингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики и когнитологии.

Лингвистика изучает системное устройство языка, она изучает, что в языке *есть* - какие существуют единицы, структуры, какие действуют тенденции развития. Ее предмет - язык как система в статике и динамике. Цель лингвистики - построить системное описание языка, она моделирует системные, общепринятые значения языковых единиц.

Предмет **психолингвистики** - моделирование языка как феномена сознания, в том числе - моделирование значений слов как психологической реальности. Цель психолингвистики - моделировать функционирование языка в речевой деятельности.

Психолингвистика вскрывает реальную психологическую структуру значений языковых единиц, позволяет экспериментальными психолингвистическими методами описать реальную, а не искусственно смоделированную и «рафинированную» лексикографами структуру значения. Психолингвистика дает больше информации о компонентах концептов, представленных в языковых единицах, нежели традиционная системная лингвистика, так как позволяет своими методами выявить многие дополнительные признаки концептов, обнаруживаемые в ассоциативных связях слова, выявляемых в специальных экспериментах.

Психолингвистика своими методами позволяет выявить периферийные, глубинные семантические компоненты слов, которые реализуются не во всех употреблениях той или иной лексической единицы, но составляют периферийную зону семантики слова. Эта периферийная зона представляет собой не что иное как признаки соответствующего концепта, актуализируемые в особых условиях употребления слова в виде периферийных сем. Для психолингвистического описания значения эти компоненты будут компонентами психологически реального значения слова, при этом все они являются отражением, репрезентацией соответствующих концептуальных признаков. Однако психолингвистически реальное значение слова в совокупности ядерных и периферийных компонентов - это не описание концепта, а лишь описание его части, репрезентируемой данной лексической единицей и полученное путем «обращения» психолингвиста к данной лексеме как одному из вербальных репрезентантов того или иного концепта. Таким образом,

психолингвистика не может претендовать на полное описание соответствующего концепта и не ставит перед собой таких задач.

Предмет же *когнитологии* - моделирование концептов в сознании народа в целом, в сознании социальной, возрастной и т.д. группы. Когнитология - философско-психологическая, а не лингвистическая наука.

Этнопсихология – наука преимущественно психологическая, она изучает психологию и поведение этнических групп в различных ситуациях, действующие в межэтническом общении и взаимодействии стереотипы.

Когнитивная лингвистика имеет своим предметом исследование языковых средств (слов, словосочетаний, текстов), репрезентирующих (объективирующих) в языке и речи определенные концепты.

В когнитивной лингвистике исследуется, какие компоненты концепта как глобальной мыслительной единицы вошли в семантическое пространство языка (то есть в семантику единиц, стали семемами и семами языковых единиц). Предмет когнитивной лингвистики - семантика единиц, *репрезентирующих* в языке тот или иной концепт.

Цель когнитивно - лингвистического исследования: выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих (то есть выражающих, вербализующих, объективирующих) исследуемый концепт и, описав максимально полно семантику этих единиц (слов, словосочетаний, паремий, текстов), теоретически описать, смоделировать содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии; описать содержание соответствующего концепта как единицы национальной (групповой, индивидуальной) концептосферы.

Другими словами, цель когнитивной лингвистики – в описании концепта лингвистическими средствами.

Представляется, что языковые средства позволяют наиболее простым способом выявить признаки концептов. Сравните, например, с трудностями описания концептов, выражаемых средствами несловесных искусств (музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т.п.).

Когнитивная лингвистика использует понятие *концепт*, с одной стороны, как объект исследования (изучается и моделируется концепт как единица концептосферы), с другой – как инструмент для ограничения исследуемого языкового материала, а также для раскрытия внутреннего единства и структурированности значительных

участков лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединенных репрезентацией одного концепта в разных его ипостасях.

Исследования в рамках когнитивной лингвистики предполагают темы типа «Концепт *свобода* (*воля, любовь, терпимость, природа, друг, враг, интеллигентность* и т.д.) в русском (английском и т.д.) языках» – в подобных работах исследуются все возможные средства вербализации данного концепта во всем разнообразии его содержания:

прямыми номинациями (лексемами в прямом значении),
 косвенными, образными номинациями (лексемами в переносных значениях),
 синонимическими средствами языка, в том числе эвфемизмами, единицами разных частей речи, словообразовательно связанными с основными лексическими средствами вербализации концепта (однокоренные слова),
 устойчивыми расчлененными номинациями (устойчивыми словосочетаниями),
 фразеологическими единицами, синтаксическими структурами, паремиями (пословицами, поговорками), афористикой (бытующими афоризмами, раскрывающими разные стороны концепта), субъективными дефинициями, публицистическим и художественными текстами.

При этом концепт выступает как исходная база для выделения некоей совокупности языковых средств, находящихся с концептом в отношениях репрезентации (вербализации, объективации).

В докогнитивной лингвистике использовались понятия *ЛСТ*, *лексическое поле*, *лексико-фразеологическое поле*, но эти типы группировок были ограничены тем или иным типом включаемых в них языковых единиц, они не предполагали рассмотрение паремий, текстов, афористики, индивидуально-авторских текстов и дефиниций, использования экспериментальных методов для определения содержания единиц, образующих данную языковую группировку.

В рамках когнитивной лингвистики исследуются все зафиксированные в языке и возможные в нем средства вербальной репрезентации определенного концепта, что позволяет раскрыть разные компоненты содержания концепта и судить о содержании и структуре данного концепта как единицы мышления данного социума.

Лингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, этнопсихология, культурология могут предложить некоторое описание того или иного

концепта по итогам анализа, проведенного методами, присущими этим наукам.

Когнитивная лингвистика находится в ряду этих наук, внося свой вклад в выявление и описание концептов лингвистическими средствами, через семантику языковых единиц. Результаты, получаемые когнитивной лингвистикой, вносят большой вклад в описание концептов национальной концептосферы, но хотя они ограничены исследуемым материалом и применяемыми методами. Вместе с тем, богатство языкового материала ставит когнитивную лингвистику на лидирующие позиции в современных науках, изучающих национальные концептосферы.

Очерк третий

Методы и приемы исследования концептов

Существует два основных направления в методике лингвокогнитивного анализа. Первое предполагает, что исследование начинается с некоторого выбранного концепта (например, *истина*), подбираются все возможные языковые средства его выражения, которые затем и анализируются.

Второе направление предполагает, что исследование начинается с некоего ключевого слова (например, *школа* или *совесть*), к которому подбираются разнообразные контексты его употребления. Это позволяет изучить семантику данного слова, выявить набор семантических признаков, которые оно способно представить в процессе употребления. По этому набору семантических признаков реконструируется соответствующий лексический или фразеологический концепт.

Заметим, что второй подход (от языка к смыслу) не всегда дает те же результаты, которые получены логическим путем (от смысла к языку). Очевидно, оба подхода имеют свою ценность и дополняют друг друга. Во многих исследованиях используются оба подхода.

1. Общие принципы анализа концептов

Рассмотрев всю совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, мы можем получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка. Но это всегда будет лишь часть этого концепта, так как никакой концепт не выражается в речи полностью, поскольку:

во-первых, концепт - результат индивидуального познания, обобщения, категоризации, а индивидуальное всегда требует комплекса средств для своего полного выражения;

во-вторых, концепт представляет собой не жестко структурированную объемную единицу, целиком ее выразить просто невозможно;

в-третьих, ни один исследователь и ни один лингвистический анализ не может выявить и зафиксировать, а затем проанализировать полностью все средства языковой и речевой репрезентации концепта в языке, всегда что-то остается не зафиксированным и, следовательно, неучтенным.

Ядро концепта – это кодирующий образ УПК и базовый слой (совокупность когнитивных слоев и когнитивных сегментов в совокупности образующих их когнитивных признаков).

Интерпретационное поле концепта составляет его периферию. Исследованию подлежит как ядро, так и периферия, однако важно дифференцировать их в процессе описания, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны.

При анализе ядра концепта в рамках когнитивной лингвистики последовательность шагов может быть следующей:

Определяем интересующий нас концепт.

Выявляем ключевые слова-репрезентанты данного концепта в языке. Это основные средства, которыми чаще всего манифестируется концепт в речи.

Возможные термины:

- ключевые слова-репрезентанты,
- базовые лексемы-репрезентанты,
- единицы, осуществляющие базовую вербализацию концепта,
- базовые языковые репрезентации концепта

Необходимы критерии их выделения, в качестве которых могут использоваться частотность в речи, достаточная абстрактность значения, общеизвестность и др.

Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова (лексемы), именующего концепт (например, *свобода, тоска, общение, душа, вера* и т.п.) Пополняет содержание концепта анализ синонимов, симиляров, антонимов ключевой лексемы. Самым детальным образом анализируется семантика этих единиц и выявляются:

1/ основные семемы,

2/ ядерные и периферийные семантические компоненты каждой семемы (в том числе компоненты могут выявляться экспериментальными методами).

Выявленные семемы ищем в других номинативных реализациях – других лексемах, синонимах, симилярах, фразеологических единицах, выявляем новые концептуальные признаки.

Выявленные семы разных типов также ищем в разных номинативных средствах, находим на их базе новые концептуальные признаки.

Анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, также дает возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно определить способы категоризации концептуализируемого явления. Так, сочетаемость слова *тоска* показывает, что русское сознание концептуализирует тоску как принадлежность взгляда (*смотреть с тоской, тоскливо переглянулся, в тоске озирался* и др.), как то, что может звучать (*звон тоскливо гудел, в голосе звучала тоска*), то, что могут испытывать и животные (*тоскливый лай, тоскливо мяукала, собака тоскует по хозяину*), средоточием тоски является душа или сердце (*сердечная тоска, тоска поселилась в душе*). Сочетаемость слова *тоска* с прилагательными (*зеленая, смертельная, невыносимая, мучительная, предсмертная, дикая, чудовищная* и др.) показывает, что тоска для русского человека – нечто отрицательное, тяжело переносимое; сочетания типа *непонятная тоска, какая-то тоска, некоторая тоска* и др. характеризуют тоску как нечто не до конца понятное; однако тоска может быть и *сладкой* (Димитрова, с.9-10). Наблюдаемые способы категоризации (когнитивные метафоры) должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта.

Выявленные семы отождествляются с концептуальными признаками, семемы – с концептуальными слоями, способы категоризации (когнитивные метафоры) и когнитивные классификаторы интерпретируются как когнитивные признаки. Затем выстраивается модель концепта по данным лингвистики.

Базовый образ концепта выявляется экспериментальными психолингвистическими методами, в частности свободным и направленным ассоциативным экспериментом, рецептивными экспериментами (*Нарисуйте образ... Опишите образ...* и т.д.).

Представляется, что в исследовании целесообразно четко придерживаться синхронного среза при описании, диахронию можно использовать лишь для объяснения тех или иных изменений в концепте, тех или иных его черт.

Существует закон номинативной дробности (дифференциации, расчлененности денотативного поля, денотативной сферы): чем выше номинативная дробность, расчлененность той или иной денотативной сферы, тем большую важность имеют репрезентируемые совокупностью этих средств концепты в сознании носителей языка в данный период, на данном этапе развития общества и мышления (ср. большое число наименований снега, ветра у народов севера).

С реальной частотой словоупотребления в речи действие данного закона прямо не связано, так как частотность единиц и наличие в языке номинативных средств – разные вещи, частотность лексем зависит от типа дискурса, места общения и участников общения.

На периферии содержания концепта, как уже отмечалось в Очерке 2, находятся разнообразные концептуальные признаки, стереотипы, отраженные в паремиях, афоризмах, крылатых выражениях, притчах, а иногда и значительных по объему публицистических, художественных и научных текстах. Из этого арсенала в основном и выявляется интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить весьма разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения.

Очень информативны для выявления интерпретационного поля паремии. В них мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от места, времени и условий проявлений концептуальных сущностей в жизни народа, отдельных групп людей, отдельного человека.

Ср. например, русские пословицы, объективирующие концепт *деньги*: *деньги не приносят ума* (Ума на деньги не купишь), *деньги делают человека умным* (Богатство ум рождает), *деньги дают возможность материально благополучного существования* (Деньги наживешь – без нужды проживешь), *деньги причиняют беспокойство их обладателю* (Лишние деньги – лишние заботы). Ср. также концепт *муж*: *плохо женщине без мужа* (Жена без мужа – всего хуже), *нет ничего хуже плохого мужа* (Стужа да нужда, а лучше худого мужа); концепт *труд*: *только труд ведет к благополучию* (Без труда не вынешь рыбку из пруда), *честный труд не приводит к богатству* (От трудов праведных не наживешь палат каменных), *не следует спешить начинать работу* (работа не волк – в лес не убежит), *кто трудится, тому и плохо* (От работы кони дохнут), *кто не работает, тот не имеет материального благополучия* (Кто не работает, тот не ест) и т.д.

Однако для отдельных концептов может не существовать пословиц, поговорок и афоризмов или их количество может быть по тем или иным причинам весьма незначительным. В этом случае интерпретационное поле исследуется экспериментальными приемами – при помощи т.н. *рецептивного эксперимента* (эксперимента на понимание): методом анкетирования с вопросами типа Что вы понимаете под..., Подберите синонимы к..., Назовите противоположное понятие для ..., ... - это хорошо или плохо? Дайте

свое определение... и т.д.. Применяется также *свободный и направленный ассоциативный эксперимент*.

Например, концепт *толерантность* по данным подобного экспериментального исследования, на современном этапе развития российского сознания включает такие установки, как: *в быту надо быть терпимым; надо идти навстречу людям; компромиссы, уступки – это отсутствие характера, принципов, мягкотелость; на уступчивых людей нельзя положиться; на переговорах надо быть жестким; плюрализм вреден, затрудняет жизнь; терпимость – это беспринципность; толерантность навязана нам Западом; консенсус – смешное зарубежное слово* и т.д.

Таким образом, экспериментальными приемами может быть выявлено актуальное содержание концепта и описано его интерпретационное поле.

Подчеркнем, что признаки концепта, извлеченные из его интерпретационного поля, хорошо показывают плывучесть, диффузность когнитивных слоев, образующих периферию концепта.

Важно также определить, на каком уровне существует в концептосфере тот или иной концепт. Любой концепт может существовать на *бытийном* и *рефлексивном* уровне (Зинченко 1997). Рефлексивный уровень – это уровень теоретического знания, бытийный уровень – фактического, практического применения. Для исследования концептов данное разграничение крайне важно, так как наблюдается тенденция выдавать полученные в результате применения тех или иных методов изучения концептов теоретические модели (логическое, рефлексивное описание) за психологическую реальность. Необходимо иметь в виду, что рефлексивными (логическими) методами можно выделить множество признаков концепта, которые будут приписаны ему лишь в силу их теоретической возможности, например, в силу того, что этот признак отражен в одной-единственной поговорке и т.д.

Все это может выглядеть правдоподобно, но только выглядеть. Важно проверить все выделенные при исследовании компоненты и слои концепта, когнитивные классификаторы, интерпретационные предикации и т.д. на их «бытийность» - реальное присутствие в сознании народа – методами рецептивного эксперимента. Выделенные концептуальные признаки должны быть экспериментально проверены – действительно ли они присущи современному сознанию, используются ли концепты именно в этом объеме и содержании в информационном обмене, либо эти признаки имеют исторический, умозрительный характер и на сегодняшний

момент для концепта не актуальны или даже неизвестны носителям языка.

И еще одно важное замечание. Концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но народ может им не пользоваться в своем практическом поведении (например, концепты *демократия*, *толерантность* усвоены народом на рефлексивном уровне, но не перешли на бытийный уровень, реально не функционируют в повседневном бытии народа, не определяют его поведение).

Таким образом, концепт при описании должен быть представлен как некоторый набор признаков, а эти признаки должны быть верифицированы с точки зрения их реальной представленности в сознании носителей языка.

2. Приемы анализа и описания концептов

Выбор ключевого слова для исследования

Литература по когнитивной лингвистике содержит большие перечни ключевых слов, уже служивших предметом концептуальных наблюдений. Любое из таких слов, рассматривавшихся в рамках логического подхода (см. Очерк первый), может стать ключевым словом для изучения в рамках семантико-когнитивного подхода, так как в этом случае обязательно будут получены дополнительные данные к уже имеющимся.

Перспективными для когнитивных исследований являются такие ключевые слова, которые имеют много значений и отличаются частотностью употребления. И то, и другое можно установить по словарям – толковым и частотным. При изучении лингвистических концептов, характерных для какого-либо стиля, жанра или отдельного автора, выбор ключевого слова может быть сделан по частотности его употребления в соответствующих текстах. Так, например, З.Е. Фомина, обратившись к изучению концептов из сферы эмоционально-психологического состояния человека, выяснила частотность употребления их наименований в немецких художественных текстах. Наиболее частотными в этих текстах оказались слова, именующие *любовь*, *страх*, *сердце*, *жизнь*, *судьбу* и нек. др. (Фомина 2000). Очевидно, что любое из таких наименований может быть предложено в качестве ключевого слова для когнитивного изучения.

Построение и анализ семантемы ключевого слова

Для построения семантемы ключевой лексемы необходимо выявить все семемы, которые она способна обозначить². Несомненно, прежде всего изучаются словарные толкования этой лексемы. Так, О.О. Ипполитов находит в словарях такие значения лексемы *дорога*: полоса земли, служащая для прохода и проезда людей, путешествие, время движения, направление, область деятельности, путь развития. В составе семантических признаков выявленных им семем явно различаются физическая и духовная области.

К словарным материалам добавляются примеры из разнообразных текстов. Они позволяют несколько расширить словарные толкования, иногда скорректировать их. Бывает полезным обращение к этимологическим справкам, раскрывающим процесс развития и становления семантемы ключевой лексемы. Благодаря этимологии можно понять последовательность становления семантических признаков концепта, особенно в тех случаях, когда в ходе исторических изменений в семантике какие-то звенья развития семантемы выпали и в современном ее употреблении не фиксируются.

Так, при диахроническом анализе лексемы «быт» было установлено, что первоначально ядром концепта являлось конкретное понятие, которое может быть определено как «имущество» - конкретные предметы, принадлежащие человеку. По Ф.И.Буслаеву, в древнерусском языке концепт «быт» был представлен существительным среднего рода «быто» (ср. жито) - *скарб, пожитки: «Изборяне грабиша быто Московское и Псковское»* (Карамзин).

Постепенно ядро концепта окутывается новыми концептуальными признаками, увеличивая объем концепта. Ранее однозначное слово становится многозначным: у лексемы «быто» возникает на базе

² *Лексемой* мы называем фонетическую составляющую слова, а *семемой* – каждое отдельное значение, которое способна выражать данная лексема.

Семантемой мы называем всю совокупность семем одной лексемы.

Различаем денотативные и коннотативные семемы. Семему денотативную первую (прямое номинативное значение слова по В.В. Виноградову) обозначаем символом Д1. Семему денотативную вторую (производно-номинативное значение по В.В. Виноградову) обозначаем символом Д2.

Коннотативную семему, сохраняющую мотивированную связь с денотативными семемами той же лексемы, обозначаем символом К1. Коннотативную семему, утратившую мотивированную связь с денотативными семемами той же лексемы, обозначаем символом К2. Подробнее об этом см.: Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978.

исконного ядра новое конкретное значение: *средства к жизни, хозяйство*. Ср.: «Весь быт хозяйский снаряжен» (Державин).

Развитию отвлеченности значения лексемы «быт», по мнению В.В.Виноградова, способствовало в конце ХУП - начале ХУШ веков взаимодействие с польским языком. Постепенно конкретное значение лексемы «быт» начинает отодвигаться на периферию, а отвлеченное значение становится ядерным.

В XIX веке в словаре В.И.Даля у слова «быт» появляется значение *род жизни, обычай и обыкновение: быт крестьянский, домашний, английский, нынешний* и т.д. При этом сохраняется конкретное значение «средства к жизни, хозяйство».

С XIX века слово «быт» из просторечия переходит в литературный язык. Особенно активно слово «быт» начинает употребляться в 30-40-ые гг. XIX века с расцветом реализма: *бытовой роман, бытовое направление, бытописатель, бытописание*.

В конце XIX - начале XX века лексема «быт» имеет все те же два значения. Но изменяется их соотношение: конкретный компонент уходит на дальнюю периферию, а в ядре концепта оказывается смысл, существующий до сих пор - *образ жизни, уклад жизни, свойственный той или иной среде, той или иной социальной группе; нравы и обычаи повседневной жизни, характерные для того или иного класса, сословия, профессии*. Именно этот смысл становится основным значением лексемы *быт*, остальные значения постепенно отмирают.

Кроме того, в конце XIX - начале XX века лексема «быт» начинает постепенно обозначать также душевный строй, образ мыслей, интеллектуальную жизнь. Ср.: «Итак, я ... не могу выворотить свой внутренний быт перед тобой» (Пирогов. Дневник старого врача).

Современные употребления слова *быт* демонстрируют следующее направление эволюции исследуемого концепта - *унылая повседневность, рутина, уборка, стирка* и т.д. Именно эти компоненты концепта «быт» определяют отношение русского человека к быту (*бытовые разговоры, бытовые темы, бытовые проблемы, бытовое поведение, «бытовуха»* и др.) (Тришина 2000).

В этом же аспекте полезно рассмотрение социальных причин появления семем, несущих новые признаки развивающегося концепта. Слово *забастовка* в русском языке советского времени означало протестное прекращение работы в капиталистических странах и не имело дифференцирующих эквивалентов, в то время как в английском языке А.П.Бабушкин обнаружил серию видовых наименований забастовок. Но постсоветское время принесло и России проведение забастовок в разных формах. Появились *сидячие, лежащие забастовки*,

рельсовая война и нек. др. (Бабушкин, 2000). Концепт *забастовка* стал обростать новыми когнитивными признаками.

Анализ лексической сочетаемости ключевого слова

Значительно большее число признаков концепта по сравнению с количеством, взятым из словарей, можно получить с помощью изучения лексической сочетаемости ключевого слова.

А.В.Медведева, рассматривая употребление лексем *собака* и *пес* в устойчивых сочетаниях, пришла к выводу о том, что концепт ключевого слова *собака* отражает не только черты, присущие названному животному, но включает в себя весьма богатую и интересную символическую компоненту, сформированную людьми за длительные периоды общения со своими четвероногими друзьями. Проиллюстрируем весь процесс анализа лексической сочетаемости лексем *собака* и *пес*.

Лексемы «собака» и «пес» используются в русском языке для обозначения домашнего животного семейства псовых.

Основная денотативная семема Д1 лексемы «собака» представлена в выражениях типа: *дворовая собака, служебная собака, дикая собака динго* и др. Собака издавна выступала как верный друг и помощник человека в охране дома, охоте, что отразили следующие выражения: *Мужик да собака на дворе - баба да кошка в избе. Без собаки зайца не поймаешь. С собаками не сыщешь кого-нибудь.*

Интересно, что лексема «пес» в устойчивых сочетаниях в денотативном значении, видимо, не употребляется, а приобретает в них коннотативный смысл (семема К1, К2). В этом случае очевиден метафорический перенос качеств животного непосредственно на человека: *верный пес, сторожевой пес, ценной пес* (презр.) в значении чьего-нибудь верного прислужника, но также и надежного охранника и союзника: *При верном псе сторож спит.*

Очевидно, что широкая известность собаки, ее обитание в непосредственной близости от человеческого жилья, а также постоянное использование в хозяйственной деятельности давало людям неограниченную возможность в наблюдении за ее повадками и привычками. В результате этого в языке сложились и оформились выражения, отражающие характерные особенности поведения животного. Путем метафорического переноса по сходству эти выражения стали употребляться по отношению к человеку, но уже в ином, непрямом смысле. Таким образом, ситуации наблюдения человека за собакой могут иметь статус одновременно Д1Д1 и К1К1,

К2К2 в зависимости от употребления, а именно от того, кто подразумевается - само животное или человек.

Рассмотрим на конкретных примерах значения устойчивых сочетаний с интересующими нас лексемами.

Лексемы «собака», «пес» в ряде выражений отмечены в прямом номинативном значении - вечно голодное существо и, следовательно, крайне прожорливое: *Собака обжора, а кошка сластена. Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждет.*

В переносном значении (по семеме К1) указанные слова обозначают того, кто постоянно хочет есть, ненасытен: *Сколько собаке не хватать, а сытой не бывать. Видит (слышит) собака молоко, да рыло коротко (да в кувшин глубоко). Брось псу кусок, так и не дает. Обрадовался, что собака блину. Это значение, по всей видимости, спровоцировало происхождение выражения собачья видимость (колбаса самого низкого качества или вареная тrefбуха) как отражение мечты о сытном обеде, когда все равно, что, а лишь бы что-то съесть.*

По жизненным наблюдениям людей собака - это пустобрех, много, громко и понапрасну лающая. Поскольку способность бессмысленно сотрясать воздух свойственна и человеку, выражения со словами «собака» и «пес» стали употребляться для характеристики людей (по семеме К1): *Собака лает, от собаки слышит. Собака лает, ветер носит. Нечего баять, что собаки лают. Собака лает, а бары едут. Вольно собаке (псу) и на владыку брехать. Не бойся собаки брехливой - бойся молчаливой. Когда он заговорит, то и собаке не даст слова сказать. Добрый пес на ветер не лает.*

Традиционно в русской культуре собака была битой, что непосредственно зафиксировано в языке. Но выражения, отражающие эту особенность жизни животного, также могут быть применены (по семеме К1) по отношению к человеку - тому, которого все и всегда бьют: *Была бы собака, а камень найдется. Коли быть собаке битой, то найдется и палка. За собакой палка не пропадет (припомнит). Любить, как собака палку. Битому псу только плеть покажи. Собак гонять. На собаках шерсть бьет.* Интересно, что появилась даже своеобразная сентенция: *Не бей собаки, и она была человеком.*

Согласно практическим наблюдениям, собака может напасть, укусить и даже загрызть свою жертву. Очевидно, что выражения, характеризующие животное с подобной точки зрения, стали применимы и к людям, проявляющим внезапную агрессивность и жестокость, к тем, кто могут быть грубыми и злыми: *Молчан-собака исподтишка за икры хватает. Не дразни собаку, так и не укусит. На*

смелого собака лает, а трусливого рвет. На трусливого много собак. Свои собаки грызутся, чужая не приставай. Кто вперед суется, того собаки едят. Не муж бы был, не собакою бы и слыл. На кого люди, на того и собаки. Сердитая собака волку корысть.

В выражениях с немотивированными коннотативными значениями. лексемы «собака» и «пес» далеки от своего прямого номинативного значения, и выражения в целом приобретают характер устойчивых фразеосочетаний.

По семеме K2 лексема «собака» в составе ФС обозначает знатока своего дела, мастера, доку в выражениях типа: *Собаку съест на чем-либо. Собаку съел, только хвостом подавился. Он на брань собака. Он у нас плясать собака. Хорошо поет, собака, заслушаешься.*

Выражение *вот где (в чем) собака зарыта* в значении истинной причины, сути дела, скорее всего, непосредственно связано со значением предыдущих высказываний, поскольку знаток, мастер непременно владеет каким-то секретом своего дела, знает его суть.

Интересна также немотивированная коннотация (семема K2) лексем «собака» и «пес» в устойчивых сочетаниях типа: *вешать собак на шею кому-нибудь* в значении наговора, клеветы на кого-либо; *пес (черт) меня возьми; ко всем чертям собачьим; собаке (псу) под хвост; пес (черт) его знает; на кой пес (черт); пес (черт) с ним* для выражения возмущения, негодования, досады, недоумения или удивления. Лексема «пес» часто заменяет собой лексему «черт», создавая игру слов и фактически пересекаясь с ней по смыслу.

Понятно, что в выражениях такого рода лексемы «собака» и «пес» имеют очень слабую мотивированность основным денотативным значением. Отметим, однако, что лексема «пес» чаще употребляется для выражения пренебрежительного или ругательного смысла, являясь родовым понятием по отношению к собаке: *Черная собака, белая собака, а все один пес.*

Нами выделена следующая группа десемантизированных выражений местоименного типа:

1) в значении либо крайней степени наличия признака, либо полного его отсутствия: *как собака* (например: *Замерз, как собака* - то есть очень сильно, в высшей степени); *как (что) собак нерезаных* (то есть очень много); *нужен, как собаке пятая нога* (то есть нисколько, ничуть, совсем не нужен).

2) в значении любого, всякого, каждого или же, напротив, абсолютно никого - *каждая собака; ни одна собака*. Лексема «собака» утрачивает здесь собственное номинативное значение и заменяет собой лексему «человек».

Отдельно рассмотрим коннотативное значение (семема К1) лексем «собака» и «пес» - низменное существо, самая малость, низший по рангу (в имуществе, в коллективе): *Жил собакой, околел псом. У него в доме нечем собаки заманить. У нас такое ремесло, что к собакам занесло (кража). И в Иерусалиме собаки есть. Богат Тимошка, у него собака да кошка. В такую погоду добрый хозяин и собаки не выгонит за ворота. На чужбине и собака тоскует. И собака старое добро помнит. С собакой ляжешь, с блохами встанешь. С лихой собаки хоть шерсти клок.*

Это значение не вытекает непосредственно из основного смысла интересующих нас слов, а приобретается ими только в определенном (устойчивом) контексте. Оно представляет собой не следствие естественного развития семантемы, а возникает, на наш взгляд, благодаря частотному употреблению лексем «собака» и «пес» в обиходных ситуациях разговорной речи. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что оно родилось в определенной бытовой ситуации и, закрепившись в языке в устойчивых фразовых единствах, начало самостоятельное функционирование. По всей видимости, именно это значение можно рассматривать как символическое.

Как видно из проанализированных примеров, лексемы «собака» и «пес» получили достаточно широкое распространение в русском языке.

Став уже реалией языка, номинации этого животного последовательно преобразовывали свое значение от денотативного к коннотативному. По всей видимости, в определенный момент времени коннотации с лексемами «собака» и «пес» в силу постоянного использования в речевых ситуациях, где употребление этих слов носило скорее нетрадиционный, нежели непосредственно прямой, словарный смысл, сами приобрели новое значение, постепенно оформившееся как символическое.

На наш взгляд, символическое значение рождается как традиционно коннотативное, складывающееся не из действительных признаков называемой реалии, а из суммы отношений к ней людей. Следовательно, символический смысл лексем «собака» и «пес» вытекает не из природы самого животного, а из места, которое оно занимает в обществе. Таким образом, под символическим значением слова мы понимаем особый тип коннотативного значения, в основе которого лежит ассоциативное соотнесение конкретного денотата с неким отвлеченным, абстрактным смыслом, причем связь эта мотивирована не естественным развитием семантемы, а

нетрадиционным употреблением лексемы и внешними культурно-языковыми условиями (Медведева 2000).

Не менее богатую символику обнаружила В.М. Топорова среди семантических признаков концепта *спираль*.

Символика спирали во многом основана на переосмыслении пространственных характеристик этой фигуры.

Наблюдения над характером актуализации образа спирали в семантических процессах позволяет сделать следующие выводы.

При актуализации статичного образа спирали у лексемы «спираль» возникают семемы Д2 (конкр.): «предмет, имеющий форму спирали» (часто при обозначении проволоки, пружинки такой формы): Спираль накаливания. Электронагревательная спираль. При актуализации динамического образа возникает семема Д2 (конкр. постабстр.) «траектория движения тела»: Знакомо ли вам это чувство: когда на аэро мчишься ввысь по синей спирали, окно открыто, в лицо свистит вихрь... (Замятин. Мы).

В образе спирали получила наглядное метафорическое воплощение идея развития (прорыв из круга) при актуализации признака «возврат в исходную точку на ином (более высоком) уровне, без замыкания круга», в то время как «замыкание круга» означает остановку в развитии: Спираль роста цен. Историческая спираль развития идей. (Здесь реализуется семема К I).

Интересны окказиональные авторские ассоциации, проявляющиеся в художественном тексте. Так, например, в стихотворении И. Бродского «Речь о пролитом молоке» актуализируется как признак спирали функция соединения, объединения:

Душу затаянут большой вуалью.

Объединят нас сплошной спиралью...

В художественном тексте может актуализироваться «манипуляционный» образ спирали (свернутая спираль, раскрученная спираль, даже замкнутая спираль). Спираль – это символ развития, становления; свернутая спираль – это образное воплощение потенции развития, становления. Так, говорится – поставить точку. «В человеческой судьбе точка – это свернутая спираль, это – праотом, из которого вырастает новая Вселенная» (Гранин. Зубр).

Спираль может быть раскручена, как пружина в граммофоне. Раскрученная спираль – это «прямая», путь, устремленный в пространство:

Но чем ближе к звезде, тем все меньше перил;

у квартир –

вид неправильных туч, зараженных квадратностью,

тюлем,
и версте, чью спираль граммофон до конца раскрутил,
лучше броситься под ноги взапуски замерзшим
стульям.

(Бродский. Bagatelle)

Так же, как раскрученная спираль переходит в «прямую», так и «замыкание» спирали образует «круг», символизируя остановку в движении, т.е. прекращение поступательного движения, развития:

Историческая спираль развития идей, о которых сейчас идет речь, на новом качественном уровне временно замкнулась в работе (точнее, в учебнике) «Курс физической географии»... (Забелин. Путешествие в глубь науки).

Образ винтового движения составляет основу метафорического употребления ряда лексем, актуализирующих этот образ. Так, в выражении «самолет вошел в штопор» реализуется семема «фигура высшего пилотажа – падение по винтовой линии». Пространственные параметры винтового движения актуализируют в исходном значении глаголы «сверлить», «винтить», «взвинтить» и т.п. Глагол «сверлить», актуализирующий образ вращательного движения с перемещением по «прямой», употребляется в метафорическом значении при описании пристального «сверлящего» взгляда:

Впереди был S – мрачно, молча, быстро высверливая глазами колодцы во мне, в моем кресле, во вздрагивающих у меня под рукой листках (Замятин. Мы).

Аналогично используется и лексема «буравчик» (буравчики глаз, буравить глазами): И сверкнули глаза – два острых буравчика, быстро вращаясь, ввинчивались все глубже, и вот сейчас довинтятся до самого дна... Буравчики достали во мне до дна, потом, быстро вращаясь, взвинтились обратно в глаза... Я за секунду провинчен серыми, холодными буравчиками глаз... (Замятин. Мы).

Глагол «взвинтить» актуализирует образ винтового движения с перемещением вверх при реализации семемы «возбудить, напрячь в сильной степени: «взвинтить нервы» – говорится о высокой степени нервного напряжения (возбуждения); «взвинтить цены» - означает «повысить». Таким образом, при актуализации образа винтового движения могут актуализироваться параметры «движение вниз» и «движение вверх» (с переходом на новый уровень).

В особую группу лексем, актуализирующих образ винтового движения, можно выделить словообразующее гнездо глагола «вить»:

виться, завивать(ся), навить(ся), ввить, виток, завиток, витой, развить(ся), развитие.

Глагол «вить» в исходном значении – «изготавливать, скручивая, сплетая или плетя» – во фразеологическом употреблении связан с характеристикой области отношений между людьми и используется в выражении «вить веревки из кого-н.», реализующем семему «распоряжаться кем-н. по своему усмотрению». Глагол «виться» в исходном значении – «расти завитками» (о плюше, кудрях) означает в производном значении «кружиться, крутиться, изгибаться»:

В метафорическом употреблении глагол «виться» используется при описании явлений психологической реальности:

Я ехал к вам: живые сны
 За мной вились толпой игривой,
 И месяц с правой стороны
 Сопровождал мой бег ретивый.
 (Пушкин. Приметы)

Царица муз и красоты,
 Рукою нежной держишь ты
 Волшебный скипетр вдохновений.
 И над задумчивым челом,
 Двойным увенчанным венком,
 И вьется, и пылает гений.

(Пушкин. Княгине З.А. Волконской.
 «Среди рассеянной Москвы...»)

Различают два омонимичных глагола «развить», выражающих «непространственный» и «пространственный» смысл. При этом значение лексемы «развитие» возводят к первому глаголу. Вместе с тем достаточно явно просматривается связь понятия «развитие» и с семантикой второго глагола «разделить, распрямить часть чего-н. свитого, свившегося». Соответственно, «развиться» означает «стать прямым». В семантике данных лексем актуализируется образ «распрямления» свитого как спиралеобразного движения. Этот образ может быть соотнесен с процессом выведения чего-л. из зачаточного (свернутого) состояния, раскрытия потенциалов развития чего-н.: так раскрывается бутон цветка.

Образ винтового движения актуализируется в семантике лексем «клубок», «моток», «свиток». Клубок и моток актуализирует два образа – шарообразного тела и динамический образ наматываемого, сматываемого и разматываемого клубка, раскатывающегося мотка:

И по комнате, точно шаман, кружа,
я наматываю, как клубок,
на себя пустоту ее, чтоб душа
знала что-то, что знает Бог.

(И.Бродский. «Как давно я топчу, видно по
каблуку...»).

Образ сматывающегося и разматывающегося клубка возникает при описании мыслительного процесса:

«Как ни хаотичен был вихрь мыслей, роившихся в его голове в течение этих долгих часов, их, собственно, было два круга, два неотвязных клубка, которые то сматывались, то разматывались» (Пастернак. Доктор Живаго).

В концептуализированном представлении данные образы воплощают развертывание и сворачивание линии в пространстве посредством спирального движения. А если такое «свернутое» состояние ассоциировать с «точкой», то мы получим модель пространственного развертывания точки в линию и свертывания линии в точку.

«Свиток» актуализирует образ пространственного развертывания линии в плоскость. В контексте развертывания психологической реальности этот образ возникает у Пушкина («Воспоминание»):

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.

Кругообразное вращение с перемещением ввысь воплощает образ «вихря» («порывистое круговое движение ветра» – в Д1). Лексема «вихрь» употребляется также в переносном значении для обозначения стремительного развития событий или смены следующих друг за другом событий, а также для обозначения активной деятельности:

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат
Вельможи римские встречали свой закат

(Пушкин. К вельможе)

Вихревое движение ассоциируется с процессом мышления:

«Обрывки мыслей неслись вихрем и крутились колесом, почти стуча, как испорченная машина» (Пастернак. Доктор Живаго).

Вихревое движение воды, воздуха именуется лексемой «завихрение», которая также используется для обозначения странности, путаницы в мыслях, в рассуждениях (завихрение мозгов, шугл., разг.)

Образ вихревого движения ассоциирован с эмоциональной накаленностью восприятия мира. Не случайно в творческом почерке

Марины Цветаевой важное место занимает образ вихря. В стихотворении «Поэт» встречается образ «гривастой кривой», воплощающий конфигурации и вихря, и пены морской, и волны, символизируя путь поэта, подобный пути кометы – непредсказуемый, взрывчатый и вихревой.

Таким образом, модель винтового движения в сознании человека обладает большой ассоциативной базой и предметно-образной представленностью (Топорова 1999).

Полагаем, что приведенных иллюстраций к методикам изучения лексико-семантических признаков концептов ключевых слов через построение их семантем и изучение их лексической сочетаемости достаточно, назовем далее еще несколько публикаций, в которых представлена та же методика и обозначим их результаты.

Так, среди семантических признаков лексического концепта *надежда* О.В. Ивашенко обнаружила признаки, присущие живому существу: надежда живет, слабеет, умирает. В концепте есть признаки опоры, поддержки, прочности: надежда сравнивается со скалой, с крышей. Надежда оценивается и как жизнеобеспечивающее начало: она сравнивается со светом, воздухом, водой, огнем (Ивашенко 2000).

Изучая сочетаемость названий стихийных явлений природы, В.М. Глазунова выяснила, что концепты ключевых слов *буря*, *шквал*, *ураган*, *вихрь*, помимо признаков, отражающих природную суть названных явлений (мощный, разрушающий), включает и признаки, характеризующие их воздействие на психику человека (приводящий в смятение, подавляющий, очищающий) (Глазунова 2000).

Таким образом, исследовав лексическую сочетаемость ключевого слова концепта, лингвист получает набор семантических признаков, характеризующих в значительной мере и сам мыслительный концепт.

Фразеологические концепты, то есть концепты, выраженные не лексемами, а сочетаниями лексем (фразеосочетаниями, как мы их называем), выявляются аналогичными методиками. Наиболее распространенным приемом их рассмотрения является анализ контекстов их употребления.

Покажем образец такого анализа на примере концепта фразеосочетания *белая ворона*.

Значение фразеосочетания *белая ворона* определяется в новейшем толковом словаре русского языка следующим образом: «о человеке, резко выделяющемся среди других, непохожем на окружающих» (Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А.Кузнецова. С-Пб., 1998), точно так же определяется данное значение в Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (т.1, М, 1981 г.).

Практически такое же определение находим во Фразеологическом словаре русского языка под ред А.И.Молоткова (М., 1967): «Человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них».

Значение данного фразеосочетания следует считать в русском языке устоявшимся и достаточно четко очерченным, фразеосочетание относится к разряду употребительных и общеизвестных. Концепт, репрезентируемый в языке данным фразеосочетанием, весьма важен для русского сознания, являясь существенным звеном русского мировосприятия. Структуру этого концепта по данным, полученным в результате анализа употреблений фразеосочетания *белая ворона* в речи, можно представить следующим образом.

Первый уровень: непосредственный образ птицы.

Пример : белые вороны в природе большая редкость (неоценочн.)

Второй уровень: контрастирующий с окружением по объективным, внешним, чувственно-воспринимаемым признакам.

Примеры : она в этом платье будет как белая ворона, он со своими раскосыми глазами среди них как белая ворона, с такой прической ты будешь как белая ворона (неодобр.)

Третий уровень: отличающийся от других социальными, профессиональными признаками, объективно инородный в данном сообществе .

Пример: - Вы тоже колхозница? - спросил Сергей. - Нет, что вы?! -Лена удивленно подняла брови. -Я здесь гость, по несчастью... Оттого мать и называет меня «белой вороной» (Фразеологический словарь ..., с.79) (слабо неодобр.)

Четвертый уровень: отличающийся неумением приспособиться к окружающим людям, неумением вести себя как все.

Примеры: если будешь себя так вести, тебя будут считать белой вороной; он в любой компании - белая ворона; Он решил остаться в «Вилла-Род» до утра и, чтобы как-нибудь скоротать время и не чувствовать себя белой вороной, перестал отказываться от шампанского (Фразеологический словарь..., с.79) (неодобр.).

Пятый уровень: идущий вразрез с мнением, поведением большинства, резко отличающийся своим мнением, ценностями, принципами от окружающих.

Примеры: он всегда был белой вороной в коллективе, он всегда оказывается белой вороной со своими принципами (сочувств.).

Все пять уровней репрезентируются в языке фразеосочетанием *белая ворона*, лексем для номинации отдельных уровней концепта или

их сочетаний в русском языке нет. Стандартное, общезыковое значение фразеосочетания в зависимости от контекста будет передавать те или иные компоненты (уровни, слои) концепта.

Обращает на себя внимание, что все случаи переносного употребления фразеосочетания *белая ворона* оказываются неодобрительно-оценочными (кроме тех, которые представляют пятый уровень концепта, где, однако, выражено сочувственное эмоциональное отношение). Это свидетельствует, что на всех уровнях концепта в сознании народа присутствует разной степени неодобрительное или сочувственное отношение к объекту отражения - человеку, непохожему на окружение, что является следствием общего настороженного отношения русского менталитета к выделяющимся людям: они рассматриваются как «бросающие вызов другим» и, возможно, самому принципу соборности - базисной категории менталитета народа.

Косвенным подтверждением предлагаемой интерпретации данного концепта является явная положительная оценка и эмоциональное «приятие» национальным менталитетом таких человеческих качеств, которые означают смирение, отсутствие стремления выделиться - тише воды, ниже травы, мухи не обидит, воды не замутит и др., а также многочисленные русские поговорки, проповедующие смирение и осуждающие «выделение»: Смиренье - богу угождение. Не ищи мудрости, ищи кротости! Тише едешь - дальше будешь. Смиранных духом господь спасает. Журавлина походка не нашей стати. Лучше низом, нежели горою. Не смотри высоко: глаза запорошишь. Не подымай носу (не закидывай головы): спотыкнешься и мн. др. (В.И.Даль. Пословицы русского народа. С.-Пб, 1996, т.3, с.107-113) (Стернин 1999).

Анализ фразеосочетаний приводит к интересным результатам в изучении семантического пространства языка. Например, в исследовании фразеосочетаний, содержащих имена числительные, А.П.Бабушкин обнаружил так называемые «говорящие числа». Числа начинают «говорить», то есть сообщать определенные нечисловые семантические признаки, если они попадают в шкалу, по которой говорящие измеряют некоторый концепт. Например, для *возраста* человека имеет существенное значение 80 лет. Для *измерения температуры* значимо 100 градусов по шкале Цельсия. Из *уголовного кодекса* советского периода всем была известна 58 статья (Бабушкин 2001)

Экспериментальные методики

Свободный ассоциативный эксперимент

Метод свободного ассоциативного эксперимента заключается в предъявлении испытуемым слов-стимулов, на которые они должны реагировать любой словесной реакцией, приходящей им в голову. Обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение тех или иных концептуальных признаков исследуемого концепта.

Так, И.А.Морозовой был проведен свободный ассоциативный эксперимент с целью выявления содержания концепта «рябина» в русском языковом сознании. Испытуемым предлагалось записать 5 первых пришедших им в голову реакций (слов, словосочетаний, предложений) на слово-стимул. При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные. В эксперименте участвовали 222 испытуемых: 127 студентов I , III курсов филологического факультета и 95 студентов I , III курсов факультета дошкольного воспитания Борисоглебского государственного педагогического института. Возраст испытуемых - 18-20 лет, родной язык – русский. Получено 1110 ассоциативных реакций, из них 222 первых реакции.

При обработке результатов сходные по смысловому содержанию ассоциаты обобщались.

Полученные данные были распределены по семантическим группам:

«чувственные» ассоциаты (всего 363):

ассоциаты по цвету (*красная* 168, *черная* 11, *зеленая* 10, *огненная* 5, *горит* 4, *кровавая* 4, *ярая* 4, *рубин* 1 - 207),

ассоциаты по вкусу ягод (*горькая* 76, *кислая* 25, *зрелая/ незрелая* 14, *вкусная/ невкусная* 6, *сладкая* 5, *сочная* 6, *вязкая* 3, *наливная* 2 – 137),

ассоциаты по запаху (*душистая* 9, *пахучая* 3 – 12),

ассоциаты осязательные (*замороженная* 4, *мерзлая* 3 – 7)

когнитивные ассоциаты /всего 183/ :

песенные (*кудрявая* 73 («ой, рябина кудрявая...»), *тонкая* 34 («Рябина» И.Сурикова, «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?»), *песня* 25, *дуб* 4 , *стоит* 4, *качается* 4, *Н.Кадышева* 2 – 146);

фольклорные (*девушка/ девица* 5, *судьбина* 3 – 8);

литературные (*стихи* 9, *Цветаева* 5 – 14);

символические (*одиночество* 10, *Россия* 4 – 14);

кинематографические (*Шушин* (ошибочно: фильм «Калина красная») 1)

ассоциаты, связанные с природными явлениями (*зима* 45, *мороз* 39, *осень* 35, *снег* 12, *заморозки* 7, *лето* 4, *солнце* 4, *холод* 2, *дождь* 2, *иней* 1, *весна* 1, *май* 1 – 153)

ассоциаты, характеризующие родовое и видовое понятие (*дерево* 71, *высокое/невысокое* 12, *листья* 10, *ветви* 10, *куст* 8, *черноплодная* 7, *стройная* 6, *цветет* 3, *кора* 1, *в сережках* 1, *пушистая* 1, *изогнутая* 1, *раскинувшаяся* 1, *склонившаяся* 1 - 134);

ассоциаты, относящиеся к животному миру (*снегири* 68, *птицы* 18, *воробьи* 5, *синички* 3, *корм* 2 – 96);

ассоциаты, связанные с использованием рябины, продуктами из нее:

бусы 17, *плеваться из трубочки* 5, *букет* 2, *дрова* 1, *поделки* 1, *орнамент* 1, *рогатка* 1, *килограмм* 1, *прибыль* 1, *подарок* 1, *сбор* 1 – 32
вино 11, *на коньяке* 8, *настойка* 3, *варенье* 3, *чай* 2 – 27
лекарство 2, *здоровье* 2, *целебная* 1, *больница* 1 – 6

ассоциаты, имеющие отношение к местам произрастания рябины /среди них много индивидуальных / (*дом* 9, *лес* 7, *у окна* 4, *деревня* 4, *огород* 2, *забор* 2, *скамейка* 2, *палисадник* 1, *балкон* 1, *городской парк* 1, *кладбище* 1, *морз* 1, *река* 1, *аллея* 1, *школа* 1, *стадион* 1, *посадки* 1 – 40)

ассоциаты, связанные с эмоциями и оценкой (*красивая* 29, *грустная* 5, *молодая* 3, *полезная* 3, *печаль* 3, *прекрасная* 2, *хорошая* 2, *веселая* 1, *смех* 1, *любовь* 1, *пустота* 1 – 51);

регионально-групповые ассоциаты (*улица* 12 (в центральной части Борисоглебска есть ул.Рябиновая), *«Театралка»* 7 (студенческое жаргонное название Театральной площади, где растут рябины) - 19) ;

индивидуальные ассоциаты (*физкультура* 1, *песок* 1, *смерть* 1, *веснушки* 1, *железная дорога* 1, *овал* 1 – 6).

Аналогичные семантические группы были выделены и в ходе экспериментального исследования концептов «береза», «клен».

Характерно, что «чувственные» ассоциаты – самая многочисленная семантическая группа, кроме того, к ней могут примыкать ассоциаты, связанные с природными явлениями, животным миром, местом произрастания, родовой и видовой характеристикой дерева. В количественном отношении это 786 ассоциаций, т.е. 71 % от всех полученных реакций. Эти ассоциаты составляют базовый слой концепта – чувственный образ дерева.

На базовый слой «нарастает» когнитивный слой, компоненты

которого появляются в процессе познания, культурного развития: в нашем случае это «культурные» ассоциаты, связанные с применением рябины, а также с эмоциями и оценкой. В количественном отношении - 299 ассоциаций, т.е. 27 %.

Следующие слои, более «тонкие», представлены регионально-групповыми и индивидуальными концептуальными признаками. Соответствующие семантические группы составляют 2 % и 0,5 % от общего числа реакций (И.А.Морозова, в печати).

Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент служит практическим подтверждением «послойного» строения концепта и может являться достаточно эффективным методом исследования структуры различных концептов в когнитивной лингвистике.

Рецептивный эксперимент

Под рецептивным экспериментом понимается экспериментальное исследование знания (понимания) значения языковой единицы носителями языка.

Существует ряд методик рецептивного эксперимента, которые могут быть применены к исследованию содержания концептов. Так, Е.И.Гришук провела серию экспериментов по определению знания старшеклассниками значений ряда русских слов, обозначающих абстрактные концепты.

На предварительном этапе исследования был определен круг лексики, представляющей интерес для изучения в названном выше аспекте. Для отбора слов был использован Частотный словарь русского языка под редакцией Л.Н.Засориной (М., 1977). Было отобрано 130 высокочастотных слов (с частотой 10 и выше), демонстрирующих высокую коммуникативную релевантность, которые были распределены по нескольким смысловым группам:

- морально-этическая лексика (совесть, достоинство, ответственность, правда и т.д.);
- общественно-политическая лексика (свобода, демократия, прогресс);
- субъективно-психологическая лексика (любовь, грусть, жалость, обида);
- коммуникативно-психологическая лексика (воспитание, молва, общение, такт);
- имущественно-прагматическая лексика (богатство, роскошь, бедность, быт);
- философская лексика (душа, прошлое, личность, право);

- интеллектуально-рациональная лексика (ум, талант, хаос, невежество).

Знание о том, как понимают учащиеся именно эти единицы, позволяет получить представление о концептах, формирование которых требует вмешательства педагогов.

В ходе предварительного эксперимента отработывалась методика исследования. На основании результатов предварительных экспериментов был составлен список основных компонентов значений исследуемых слов. За системное значение слова, с которым сравнивались реально представленные в сознании старшеклассников компоненты значений абстрактных слов, были приняты сводные словарные дефиниции. «Сводились» они из дефиниций, представленных в Словаре русского языка С.И. Ожегова, (1990), Словаре русского языка (в 4 томах) под ред. А.П.Евгеньевой (1981-1984), Большого толкового словаря русского языка С.А.Кузнецова (1998).

Затем проводилась экспериментальная проверка на известность испытуемым всех отмеченных словарями значений методом опознания значений по составленному списку. Испытуемым предлагалось указать, какие из предложенных значений они:

- знают и употребляют;
- знают, но не употребляют;
- не знают.

Известные подросткам значения проверялись на знание тех или иных отдельных компонентов значения.

Кроме того, методом субъективных дефиниций выявлялось реальное содержание исследуемых значений в сознании старшеклассников. Им предлагалось:

- продолжить фразу: душа – это;
- объяснить значение предъявленного в эксперименте слова человеку, который его в первый раз слышит (иностранцу);
- описать зрительный образ, который вызывает слово,
- назвать слово, близкое по значению;
- назвать слово, противоположное по значению.

Затем методом ранжирования компонентов по яркости определялись компоненты, наиболее важные для сознания испытуемых.

Рассмотрим использованную методику на примере слова *бдительность*.

Бдительность в словарях определяется так:

Очень внимательный, неослабно настороженный (бдительность) (С.И. Ожегов)	Настороженность, неослабное внимание (А.П.Евгеньева)	Проявляющий постоянное, неослабное внимание к кому-, чему-либо. Проникнутый неослабным вниманием; выражающий его (С.А.Кузнецов)
--	--	---

Обобщающее определение, рассматриваемое в дальнейшем как системное значение слова, имеет следующий вид: *настороженность, постоянное неослабное внимание к кому-, чему-либо.*

В результате анализа субъективных дефиниций получены следующие компоненты значения слова *бдительность* (опрошено 50 испытуемых): внимательность 11, осторожность 7, внимание к происходящим событиям 7, настороженность 6, наблюдательность 5, подозрительность 2, чрезмерная мнительность 2, зоркость 2, сосредоточенность, собранность 2, умение быть начеку, всегда наготове 2, думать, что говорить и кому 1, трезвый ум 1, ответственное отношение 1, поступать правильно 1.

Из этих компонентов исследователем конструируется содержание концепта «бдительность» в языковом сознании учащихся.

Аналогичный эксперимент Е.И.Гришук провела с лексемой *толерантность*. Представим соответствующее описание.

Специфика слова *толерантность* в том, что оно отражает и экономно вмещает в себя большое количество содержаний лексических единиц, в своей совокупности репрезентирующих этот концепт в русском языке. Слово «толерантность» недавно вошло в современные словари русского языка. Оно представлено следующими дефинициями:

1. Толерантность - терпимость, снисходительность к кому- или чему-либо. (Словарь иностранных слов. – М.:Русский язык, 1982)

2. Толерантность – терпимость к чужому мнению или верованию. (Большой толковый словарь иностранных слов. Ростов-на-Дону, 1995)

Эксперимент по установлению отношения старшеклассников к слову «толерантность» проводился в несколько этапов.

Первый этап

Испытуемым предъявлялись обе дефиниции и предлагалось подобрать наиболее подходящее к этим определениям русское слово:

Терпимость, снисходительность к кому- или чему-либо – это

Терпимость к чужому мнению или верованию – это.....

К первому определению (40 ии) были предложены варианты:

толерантность 28, уважение 2, доброта1, снисхождение 1, милосердие 1, сочувствие 1, умение прощать 1, снисходительность 1, сердечность 1, сдержанность 1, отказы 2.

Ко второму толкованию (37 ии) были предложены варианты:

толерантность 26, уважение 4, понимание 2, бесконфликтность 1, невозмутимость 1, миролюбие 1, отказы 2.

Второй этап

Испытуемым предлагалось из приведенного списка слов выбрать три симиляра, то есть слова, наиболее близких по значению к предложенным толкованиям.

Список предложенных слов включал следующие единицы (слова предьявлялись по алфавиту):

альтруизм, бесконфликтность, веротерпимость, компромисс, консенсус, миролюбие, плюрализм, покорность, понимание, сговорчивость, сдержанность, снисходительность, согласие, спокойствие, толерантность, уступчивость.

Было опрошено 55 человек по первому определению и 70 человек – по второму.

Результаты второго этапа могут быть представлены в следующей таблице:

«Терпимость, снисходительность к кому-либо, чему-либо» (50 человек)	«Терпимость к чужому мнению или верованию» (70 человек)
сдержанность (56 %)	понимание (46 %)
бесконфликтность (44 %)	бесконфликтность (40 %)
понимание (40 %)	веротерпимость (31 %)
снисходительность (36 %)	уступчивость (24 %)
толерантность (36 %)	согласие (23 %)
спокойствие (24 %)	миролюбие (16 %)
компромисс (22 %)	компромисс (14 %)
уступчивость (22 %)	спокойствие (14 %)
миролюбие (13 %)	толерантность (14 %)
сговорчивость (11 %)	снисходительность (11 %)
покорность (4 %)	сговорчивость (9 %)
веротерпимость (2 %)	покорность (1 %)

Слова *альтруизм, консенсус, плюрализм* не были выбраны ни одним испытуемым.

Третий этап

Контрольной группе испытуемых (30 человек) предлагалось дать субъективные дефиниции наиболее частотным реакциям, выявленным в предыдущем эксперименте: сдержанность, понимание, бесконфликтность, веротерпимость.

Приведем наиболее частотные дефиниции, полученные на этом этапе эксперимента.

Сдержанность – умение сдерживать эмоции 5, умение вести себя спокойно в любой ситуации 4, терпимость по отношению к чему-либо или кому-либо 2, снисходительность к чему-либо 1.

Понимание – способность понимать другого человека 6, взаимоотношения людей со сходными взглядами 4, попытка оценить ситуацию глазами других людей 2, осознание правильности чего-то 1.

Бесконфликтность – склонность к компромиссу 8, воздержание от ссоры с кем-то 4, сдержанность 3.

Веротерпимость – спокойное, терпимое отношение к вере другого человека 8, терпение верующего человека 4, вера человека в осуществление поставленной цели 2.

Четвертый этап

Испытуемым (30 человек) предлагалось подобрать оппозит (слово, противоположное по значению), к единицам из эксперимента 2.

Приведем результаты на примере оппозитов, предложенных тремя и более испытуемыми.

сдержанность	– несдержанность 6, развязность 3
бесконфликтность	– конфликтность 9, конфликт 7, противоречивость 3
веротерпимость	– нетерпение 7.
снисходительность	– нетерпимость 3, придирчивость 3, жадность 3
уступчивость	– неуступчивость 10, упрямство 6
спокойствие	– беспокойство 3, раздражительность 3, возбуждение 3
согласие	– несогласие 13, конфликт 5
компромисс	– несогласие 6, бескомпромиссность 3
миролюбие	– враждебность 4, злоба 4, агрессивность 3
сговорчивость	– несговорчивость 12, упрямство 3
покорность	– непокорность 11, свобода 3, непослушание 3

К слову «толерантность» были предложены следующие оппозиции: нетерпение к чужому мнению 8, жесткость 3, невежество 1, толь 1, неумение 1, отказ 14.

На основании анализа полученных результатов можно сделать следующие выводы.

Концепт «толерантность» имеет в сознании современных школьников два полюса: один полюс тяготеет к выражению словами *сдержанность, бесконфликтность, понимание, снисходительность*, другой – к выражению словом *веротерпимость*. Видимо, структура концепта в сознании школьников находится в стадии формирования, но не имеет однословной номинации.

Слово «толерантность» мало известно учащимся всех возрастных групп, его значение понимают адекватно лишь 10-20% учащихся. В речевой практике современных старшеклассников это слово практически не используется.

Эмпирическая база концепта – чувственно воспринимаемые образы, связанные с этим концептом: внешняя невозмутимость человека, замкнутость человека в общении, пассивность в поведении, демонстрация равнодушия, доброжелательность и дружелюбие в общении (Е.И.Гришук, в печати).

К исследованиям Е.И.Гришук примыкает эксперимент Т.А.Вороновой с ключевыми словами *бесконфликтность* и *терпимость* (Воронова, Стернин 2000).

Цель исследования - экспериментальным путем определить содержание концептов «терпимость», «бесконфликтность», «толерантность» в современном русском сознании, а также выявить их возрастную и гендерную специфику. Эксперимент проводился в форме анонимного анкетирования. Участникам эксперимента предлагалось ответить на вопросы следующего содержания:

1. Знаете ли вы слова *терпимость, бесконфликтность, толерантность*?

Варианты ответа: знаю и употребляю в речи; знаю, но не употребляю; слышал, но не знаю точного значения; не знаю.

2. Терпимый человек: какой он? что он делает? чего не делает?

3. Бесконфликтный человек: какой он? что он делает? чего не делает?

4. Толерантный человек: какой он? что он делает? чего не делает?

5. Как вы оцениваете следующие качества и понятия:

- * сдержанность;
- * бесконфликтность;
- * мягкость;

- * терпимость;
- * доброта;
- * толерантность;
- * согласие;
- * компромисс;
- * консенсус

Варианты ответа: преимущественно положительно; скорее положительно, чем отрицательно; нейтрально; скорее отрицательно; резко отрицательно.

Если слово Вам незнакомо, поставьте прочерк.

6. Выразите свое отношение к выражению «Кто не с нами, тот против нас». Согласны ли вы с ним?

7. Выразите свое отношение к выражению: «Он - и нашим, и вашим». Какая это личность, по-вашему?

8. Обладаете ли вы лично терпимостью?

9. Часто ли Вы встречаете это качество в других людях ?

Было опрошено 60 человек в возрасте от 13 до 75 лет. Основной состав опрашиваемых – школьники старших классов и студенты (от 15 до 23 лет) и люди среднего возраста (от 32 до 50 лет). Из опрошенных 28 лиц мужского пола, 32 – женского.

Результаты эксперимента таковы.

Терпимость: знаю и употребляю – 45 человек, знаю, но не употребляю – 15 чел.

Бесконфликтность: знаю и употребляю – 30 чел., знаю, но не употребляю – 29, слышал, но не знаю точного значения – 1 чел.

Толерантность: знаю и употребляю – 5 чел., знаю, но не употребляю – 10 чел, слышал, но не знаю точного значения – 25 чел., не знаю – 20 чел.

Таким образом, слово «терпимость» вполне известно и широко употребимо в речи; слово «бесконфликтность» в значительной степени присутствует в пассивном словарном запасе. Что касается слова «толерантность», то опрос показал, что широкому кругу населения оно еще недостаточно знакомо или вообще неизвестно.

Анализ структуры концептов показал следующее.

Терпимость для сегодняшнего русского человека – это качество характера, создающее определенную модель поведения. Эта модель проявляется в актах общения, взаимодействия нескольких людей (сохранение спокойствия при конфликте, умение промолчать и выслушать).

Бесконфликтность выступает как некоторый результат поведения, она является следствием миролюбивого характера, а для других –

следствием равнодушия, пассивности и т.д.

Слово *«толерантность»* в широкое употребление в русском языке еще не вошло, хотя оно есть «на слуху» у людей и поэтому выявляется масса ложных значений данного слова. Однако доминирующим компонентом этого понятия в сознании людей является уважение к чужому мнению, что совпадает со словарным значением слова («Толерантность. Терпимость к чужому мнению или верованию.» Большой толковый словарь иностранных слов. Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Ростов-на-Дону, 1995).

Исследуемые понятия получили в основном положительную оценку, несмотря на неприятие или полное отторжение их со стороны некоторых опрошенных.

Радикальное «кто не с нами, тот против нас» большинство (51 человек) отвергло, добавив, что каждый имеет право на собственную точку зрения; 6 человек оценили смысл фразы либо нейтрально, либо отметили, что это не всегда верно. Однако одобрительных отзывов (полных и частичных) прозвучало также 6.

Человека, который «и нашим, и вашим», 29 человек охарактеризовали как двуличного, лживого, лицемера, не порядочного, «скользкого», подхалима. Девять респондентов назвали такого человека «слабым, безвольным»; к ним близко объяснение еще 9 человек, которые сочли такую личность «бесцветной», «не имеющей собственного мнения» и – как вывод – «не личностью вообще».

Семь человек сформулировали для выражения «и нашим, и вашим» значение «бесконфликтный, равнодушный», другие семь – «ловкий», «хитрый», «приспособленец» (слово «ловкий» возглавляет список) и, как следствие, «положительный или отрицательный в зависимости от ситуации». Три человека ответили, что это «широкая натура», «дружелюбный человек»; два – «дипломатичный», «компромиссный».

Таким образом, концепт «толерантность» формируется в русском языковом сознании, однако он находится еще в процессе становления и поэтому не имеет очерченности содержания. Данный концепт в русском сознании испытывает давление сходных концептов, имеющих явный или слабо выраженный неодобрительный оценочный знак.

Анализ синонимов ключевого слова

Анализ синонимов ключевого слова, вербализующего исследуемый концепт, дает возможность выявить дифференциальные признаки

данного концепта, выявляющиеся в сопоставлении лексем, принадлежащих к синонимическому ряду.

О.Ю.Лукашковой исследовался концепт *друг*. Лексема *друг* была сопоставлена с синонимами – *приятель*, *товарищ*. Анализ словарных дефиниций трех исследуемых слов по Словарю синонимов под ред. А.П.Евгеньевой позволяет выявить для слова *друг* такие семантические компоненты как «избранный» («Приятелей у Гаврика было много, а настоящих друзей всего один – Петя») и «интимность» (ср. *друг* и *товарищ*) (Лукашкова 2001).

Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова

Значительно обогащает состав признаков концепта построение лексико-фразеологического поля его ключевого слова. Этот метод предполагает подбор синонимов, антонимов ключевого слова, определение его гиперонима и согипонимов. В поле выделяется ядро, и обширная периферия, в которой могут быть разграничены ближайшая, дальняя и крайняя периферия.

Данная методика может быть проиллюстрирована исследованием концепта *общение* в русском языке (Шаманова 1999).

Существенной чертой русской концептосферы является важное место, занимаемое в ней концептом «общение». Общеизвестна высокая психологическая значимость общения для русского человека, его традиционное внимание к общению - своему и чужому. Эти особенности русского сознания и национальной психологии находят отражение в многочисленных формах репрезентации концепта «общение» в лексико-фразеологической системе русского языка.

Лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее концепт «общение» – одно из самых больших полей русского языка. Оно насчитывает 1828 лексем и 314 фразеологических единиц. Коммуникативную лексику составляют в основном языковые единицы таких частей речи как глагол и существительное, а также (в меньшей степени) прилагательное и наречие.

Рассматриваемое поле в русском языке хорошо структурировано. В нем четко выделяется ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия.

Ядро поля составляют лексеммы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, в прямом значении, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений и в минимальной степени зависящие от контекста: *разговаривать*, *рассказывать/рассказать*, *приказать/приказывать*, *обещать*,

просить/попросить, молчать, звать, спрашивать/спросить, отвечать/ответить, отказаться, заявить, благодарить, требовать, вызвать, предлагать/предложить, требование, беседа, разговор, ответ.

В ядре отчетливо выделяется центр: говорить(сказать), вопрос. Частотность лексем, входящих в центр ядра намного превышает частотность других единиц. Так, языковые единицы ядра имеют частотность от 100 до 553 на один миллион словоупотреблений, а языковые единицы центра ядра – от 900 до 2909 употреблений.

Основными признаками лексем, относящихся к ближней периферии, являются: меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в употреблении, минимальная зависимость от контекста: сообщить/сообщать, шутить, жаловаться, объявлять, заговорить, согласиться, разрешить, доказать, признаться, повторять/повторить, сообщение, весть, просьба, критика, объяснение, предложение, фраза, заявление, признание, молча и др.

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. Среди многозначных слов встречаются такие, в которых коммуникативное значение не является основным: *объясняться* в значении «вести беседу, разговаривать», *выступить* в значении «произнести речь, высказать свое мнение, высказаться (на собрании, перед публикой)» и т.д. В эту группу слов в отличие от предыдущих вошли преимущественно лексемы со стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями: трепаться, болтать и др.

Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство многозначных лексем входит в лексико-семантическое поле «Общение» не в основном значении: *отступить* в значении «перестать общаться с кем-нибудь», *переговорить* в значении «громко, много говоря, заставить замолчать других». Большинство слов имеют яркие стилистические и эмоционально-экспрессивные семы. К крайней периферии относятся устаревшие слова, поскольку они малоупотребительны или же употребляются не в основном значении (лексема «врать» в значении «лгать, говорить неправду», ограниченная употреблением в разговорной речи, относится к дальней периферии, а в значении «болтать, говорить вздор» является крайне малоупотребительной и относится к крайней периферии). К данной группе слов относятся также лексемы, которые в основном значении входят в другую лексико-семантическую группировку, а «коммуникативное» значение

является периферийным в их смысловой структуре: отлипнуть, отмахнуться, оттолкнуть, отцепиться, обрезать, лаять и др.

Анализ структуры лексико-фразеологического поля «Общение» выявил некоторые национально-специфические особенности анализируемой лексики.

В лексико-фразеологическом поле «общение» обнаруживаются тематические подгруппы, которые включают в себя только фразеологизмы, при этом отсутствуют самостоятельные лексемы для обозначения этих денотатов:

обращаться друг к другу на «вы»: быть на «вы», переходить на «вы», называть (обращаться) на «вы» (ср.: тыкать, тыканье);

обращаться к темам, которые задевают кого-либо: наступать на (любимую) мозоль;

испытывать желание говорить: проситься на язык, приходиться на язык;

рассуждать на излюбленную тему: садиться на своего (любимого) конька; оседлать своего (любимого) конька, усесться на любимого конька;

вступать в беседу в соответствии с желаниями, настроениями, взглядами кого-либо: попадать в тон, попадать в (самую) точку; попасть в струю.

Русское сознание предпочло номинировать данные признаки концепта «общение» образным, фразеологическим путем.

Основная часть лексических единиц, репрезентирующих концепт «общение» в русском языке, стилистически нейтральна (52%). При этом стилистически окрашенная лексика в большей степени представлена разговорными языковыми единицами (26%): перемолвиться, потолковать, толки, помалкивать, наболтать и др. Неожиданно большой пласт составляют просторечные слова: якшаться, судачить, изовраться, ляпать, перекояться и др. (11%). Слова, относящиеся к книжному стилю, составляют всего 3%: коммуникация, празднословие, безмолвствовать и др. Таким образом, устная лексика (просторечная, разговорная, отчасти жаргонная) составляет около 45% единиц поля, что свидетельствует о ее высокой коммуникативной релевантности.

Характерной чертой исследуемого лексико-фразеологического поля в целом являются высокая многозначность единиц поля, что свидетельствует об активности коммуникативной лексики в процессах переносной номинации, а также неожиданно высокая доля *внутриполевой многозначности* - семантически производные значения преимущественно отражают признаки концепта «общение», и, таким

образом, производные значения остаются в основном в рамках того же самого семантического поля.

Яркой чертой лексико-фразеологического поля «общение» в русском языке является общая высокая частотность единиц поля в речи. Лексика данного поля обладает высокой коммуникативной релевантностью - она занимает почти три процента от 1000 самых частотных слов русского языка (по данным Частотного словаря русского языка).

В русском языке отсутствуют номинации некоторых признаков концепта «общение» при лексической выраженности противоположных признаков, например: «говорить правду» (ср.: врать, лгать и т.д.); «человек, который говорит правду» (ср.: лгун, брехун, обманщик); «тактичное замечание» (ср.: одернуть, одергивание) и ряд др. Здесь проявляется концептуальная специфика русского сознания - видимо, данные признаки не относятся к числу выделенных сознанием в качестве потенциального предмета общественного обсуждения.

Аналогичной методикой пользуется при исследовании концепта *душа* В.И.Убийко, что позволяет автору показать широчайший диапазон воплощения концепта *душа* в семантическом пространстве русского языка.

Значение слова *душа* в современном русском языке вобрало в себя единый смысловой стержень концептуального поля, некогда представленного в русской культуре словами «личность, душа, ипостась, гений, ангел» (Степанов 1997), и стало когнитивной доминантой функционально-семантической сферы «Внутренний мир человека». Исследование показало, что макроконцепт *душа* образован 35-тью концептами, тесно связанными друг с другом в русской концептосфере смысловыми «нитьями» (Убийко 1999).

Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова концепта позволяет существенно расширить представления о содержании и структуре концепта.

Построение деривационного поля ключевого слова

Построение и изучение словообразовательного поля ключевого слова позволяет также выявить целый ряд когнитивных признаков, не выявляемых другими методами анализа.

К примеру, для лексемы *быт* «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова отмечает следующие однокоренные единицы: бытовой, бытовать, бытописатель, бытовизм, бытовик, бытовка, бытописание, жилищно-бытовой, электробытовой,

старобытный и др. Данные лексемы позволяют выявить когнитивный слой концепта – «повседневная жизнь». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля были и другие однокоренные единицы, в настоящий момент вышедшие из употребления: *бытейский, бытейный, бытный, бытопись, бытословие, бытописец* и др., которые также вербализуют названный когнитивный слой.

В разговорной речи встречаются единицы: *бытовуха, бытовня, бытово* (наречие). Семантический анализ выявленных дериватов позволяет обнаружить целый ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта.

Построение лексико-грамматического поля ключевого слова

Метод построения лексико-грамматического поля ключевого слова достаточно сложен и представлен на сегодняшний день, насколько нам известно, только в работах О.М.Воеводской. Рассматривая семантемы лексем *свет/тьма* в русском и их эквивалентов в английском языке О.М.Воеводская обнаружила, что по разным семемам одной лексемы образуются разные деривационные ряды и различающиеся наборы падежных и предложно-падежных словоформ в парадигме склонения.

Лексема *свет* в прямом значении (семема Д1) имеет все падежные словоформы ед. числа. По семеме Д2 «место, откуда исходит освещение», «пространство, где светло» эта лексема имеет только три падежных словоформы: к свету, на свет и на свету.

По семеме Д2 – рассвет отмечены три словоформы: встать до свету, ждть света и перед светом. Семема Д2 – источник света, обычно электрического, проявляется в двух словоформах: включи свет, плата за свет, остаться без света и т.п. (Воеводская, Попова, 1999).

Такие же ограничения обнаруживаются и при словообразовании от одной и той же лексемы по разным ее семемам (светлый – от свет Д1, но светский – от свет Д2 – высшее общество) и т.п.

Учет деривационных и морфологических производных, которые дает одна и та же лексема по разным семемам, позволяет глубже осмыслить набор признаков означаемого ею концепта.

Анализ паремий и афоризмов, объективирующих концепт

Анализ паремий и афоризмов дает исследователю информацию прежде всего о содержании интерпретационного поля концепта.

Интерпретационное поле концепта составляют многочисленные его оценки и трактовки, стереотипные мнения и суждения, выстраиваемые

на базе концепта, которые высказывались и высказываются разными людьми и имеют хождение в обществе.

В наиболее обозримом виде данная информация содержится в сборниках пословиц и поговорок, крылатых слов и афоризмов, в собраниях речений типа «В мире мудрых мыслей», притчах и анекдотах, а также во фрагментах текстов, посвященных размышлениям о том или ином концепте, а иногда и в целых текстах типа «Рассуждения о добре и зле», «О непротивлении злу насилеи» и под.

В интерпретационном поле можно найти самые разнообразные суждения и оценки, часто противоречивые, но зато представляющие признаки концепта в полном объеме. Анализ интерпретационного поля показывает, как шло развитие признаков концепта по мере его осмысления в разное время, в разных обстоятельствах, как относились или относятся к тому или иному концепту разные группы людей и отдельные люди. Один и тот же концепт как бы поворачивается разными сторонами к разным людям, и благодаря этому становится очевидной многослойность и многомерность каждого концепта.

Разумеется, признаки, извлеченные из интерпретационного поля, образуют периферию концепта, его поверхностные слои, быстро изменяющиеся с течением времени и изменением обстоятельств, но без них содержание изучаемого концепта остается недостаточно полным. Кроме того, многие признаки интерпретационного поля оказываются в определенные периоды весьма яркими в сознании народа и во многом определяют его мышление и поведение.

Так, Л.И.Зубкова рассматривала на материале пословиц и поговорок содержание концептов *бог* и *царь*. Было выявлено, что христианское мировоззрение основывается на противопоставлении тела и духа, земного и небесного. Такое противопоставление закрепилось в пословицах: *Душой божьси, телом государевы; Божье богу, а цареву царю.*

Проведенный анализ позволил выделить признаки концепта, отраженные в исследованных паремиях: 1) всеисильность и всемогущество Бога и царя (*Все во власти божьей и государевой; Никто против Бога да против царя; Никто, как Бог и государь; Один Бог, один государь; Бог знает да царь; Ведает Бог да государь* и др.), 2) Бог и царь владеют многим (*У Бога да у царя всего много; Все божье, да государево*), 3) Бог как отец родной, т.е. любит народ (*Бог - батька, государь - дядька*), 4) царь - посланник Бога на земле (*Царь от Бога пристав; Божье стало государевым; Коли царь Бога знает, Бог и царя и народ знает; Что Бог, то Бог, а свята и воля царская* и

др.), 5) царь подвластен Богу и ответственен перед ним (*Сердце царево в руке божьей; Одному Богу царь ответ держит; Царский гнев и милость в руке божьей; За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует* и др.), 6) Бог и царь выполняют функцию судьи (*Суди меня Бог да государь!; На сильного Бог да государь; Сильная рука Богу судить* и др.).

Выявлены некоторые отличия в понимании русским сознанием функций Бога и царя: 1) власть небесная закреплена за Богом, а земная за царем (*Бог на небе, царь на земле; Без Бога свет не стоит, без царя земля не вертится; За Богом молитва, за царем служба не пропадает* и др.), 2) Бог прощает, а царь награждает (*Бог помилует, так и царь пожалует; Виноватого Бог простит, а правого царь пожалует; Милует Бог, а жалует царь; Богат Бог милостью, а государь жалостью; Кого милует Бог, того жалует царь; Бог милостлив, а царь жалостлив* и др.), 3) относительная самостоятельность царя на земле при противопоставлении силе божьей (*Правда божья, а суд царев; Правда божья, а воля царская; Воля божья, а суд царев* и др.).

Отмечается и ироническое отношение к Богу и царю (*До царя далеко, до Бога высоко*).

Таким образом, исследованный материал подтверждает, что православие на Руси формировало почитание Бога, терпение и покорное отношение народа к царю и к царской власти (Зубкова 2000).

Анализ русских пословиц и поговорок, объективирующих концепт *судьба*, показал, что в русском пословичном фонде представление о судьбе, отраженное в более чем четырехстах пятидесяти изречениях, в целом может быть сведено к следующим суждениям: судьба действительно существует (*Прежде веку не помрешь*); судьба предопределена свыше (*Кривую стрелу Бог прямит*); у каждого своя судьба (*Кому клин, кому блин, кому просто шиш*); никому неизвестна его судьба (*Думы за горами, а смерть за плечами*); судьбу нельзя изменить (*Сужено рязено не объедешь в кузове*), поэтому нет смысла пытаться ее менять, можно лишь приспособиться к судьбе или смириться с ней (*Надобно жить, как набежит*); судьба человека чаще всего нелегка (*Сколько дней у Бога впереди, столько напастей*); судьба изменчива (*Родишься в палатах, а умираешь в яме*); тяжелая судьба может постигнуть любого (*Грех да беда на кого не живет?*); живущий хорошо должен быть готовым к беде или другим изменениям к худшему (*От сумы да от тюрьмы никто не отрекайся*); живущий плохо должен не терять надежды на изменение жизни к лучшему (*Будет и на нашей улице праздник*); в любой

изначально нежеланной ситуации можно найти положительные моменты (*Где холодно, там не оводно*).

Незначительная часть пословиц предлагает попытаться изменить судьбу (*На ветер надеяться - без помолу быть*) и указывает, что человек может сам распоряжаться своей жизнью (*Поживешь счастливо, паши не лениво!*).

Мотив угадывания судьбы в пословицах почти не звучит. Признаки проявления судьбы (или ее предугадывания) выражаются не в пословицах, а в поверьях, ср.: *Встретил попа - нехорош выход; Волк дорогу перебежит - к счастью; Сыч на кровле кричит - не к добру* и мн. др. (Савенкова 1998).

В русских пословицах, собранных В.И.Далем, концепты *мать* и *отец* - это прежде всего женщина и мужчина по отношению к своим детям, которых они «родили, вскормили и добру научили», а те, в свою очередь, должны почитать отца и мать (*Кто родителей почитает, тот веки не погибает*) и не оставлять их в старости (*Не оставляй отца и матери на старости, и Бог тебя не оставит*).

В то же время концепты «мать» и «отец» имеют каждый и свой набор дефиниционных признаков, которые в пословицах выявляются путем сопоставления главным образом терминов родства. Мать в пословицах любит детей самой сильной, ни с чем не сравнимой любовью (*Материнское сердце в детках, а детское в камне*), и дети тянутся к ней за лаской, поддержкой как к самому родному человеку (Птица радуется весне, а младенец матери. Жена для совета, теща для привета, а нет родней родной матери), мать незаменима (*Отцов много, а мать одна*), материнские наставления надолго запоминаются (Что мать в голову вобьет, того отец не выбьет).

Отец в пословицах – глава семьи, главный работник, добытчик, опора жене, детям, особенно сыну (*Держись, как за отца родного. Отцам копить, а деткам сорить. Хорошо тебе, матушка, за батюшкой жить, пожила бы за чужим мужиком*), он готовит себе в доме смену (*У кого девка хороша? – У матушки. – У кого сын умен? – У батьки*).

Национально-культурное своеобразие концептам «мать» и «отец» придает и метафорическое их использование (Ср. русск. *Достаток – мать, убожество – мачеха. Государь – батька, земля – матка. Мы у матушки России дети, она наша матка – ее и сосем. Москва – всем городам мать. Родная сторона – мать, чужая – мачеха. Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной. Матушка-рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка – по выбору* (Листрова-Правда 1999).

О.Н. Ракитина обнаружила интересные семантические признаки концепта *лес* в русском национальном сознании (Ракитина, 1999, 2000, 2001 –1, 2).

1. Лес как укрытие, место нахождения животных: *"Счастье, что волк - обманет, да в лес уйдет", "Не ищи зайца в бору: на опушке сидит", "В лесу медведь, а в доме мачеха"*.

2. Лес как место, где всего бесконечно много: *"Леса да земли - как корову дой", "В степи простор, в лесу угодье"* и как источник благ для человека: *дров ("Лес по дереву не тужит", "В лес дров не возят, в колодезь воды не льют", "Лес сечь - не жалеть плеч", "Дальше в лес - больше дров"), грибов ("С долею в лес по грибы", "С твоим счастьем только в бор по грибы", "Без счастья и в лес по грибы не ходи"), ягод ("Это нашего бору ягода", "По беду - не в лес по малину", "Опусти лето, в лес по малину")*.

3. Лес как отдаленное место, большое пространство: *"За лесом видит, а под носом не видит", "Воров в лесу сторожили, а они из дому выносили", "Брось калач за лес - назад пойдешь, возьмешь"; "высокое" место: "В траве идет - с травой вровень, в лесу - с лесом", "Выше лесу стоячего, ниже облака ходячего."*

4. Лес как глухое, дикое место: *"В лесу живем, в кулак жнем, пенью кланяемся, лопате богу молимся", "В лесу и сковорода звонка", "Был бы хлеб да муж, и к лесу привыкнешь"*.

5. Лес как неизвестное, таинственное и потому, возможно, опасное место: *"Из-за лесу и туча идет", "Поехал было в лес, да попался навстречу бес", "В чужом месте что в лесу", "Ходить в лес - видеть смерть на носу (либо деревом убьет, либо медведь задерет)"*.

7. Лес как параллель к миру, людям (близко друг от друга, вместе стоящие стволы деревьев сравниваются с обществом людей, миром): *"Аль тебе в лесу лесу мало? Аль в людях людей нет?", "В лесу Бог лесу не уравнил, в народстве - людей", "Молва не по лесу ходит, по людям", "Всякая сосна своему бору шумит (своему лесу весть подает)", "Чужие люди - дремучий лес", "В лесу люди лесуют, в людях людиют"*.

8. Лес как живое существо: *"Лес видит, а поле слышит"*.

Можно предположить, что среди наименований особенностей рельефа наиболее значимым для концептосферы носителя русской культуры является концепт «лес», в рамках которого наиболее релевантными являются вышеприведенные значения.

Работы подобного рода достаточно многочисленны и интересны, хотя их распространенным недостатком является то, что их авторы не всегда представляют полученные наблюдения в виде признаков изучаемых ими концептов.

Интерпретационным полем концептов служат и произведения тех писателей, поэтов, публицистов, которые в силу своего таланта сумели с наибольшей полнотой и выразительностью охарактеризовать те или иные национальные концепты, отразив и их общенародные семантические признаки, привнесенные в общенародный концепт автором текста.

Анализ художественных текстов

Анализ художественных текстов позволяет, в частности, выявить такие признаки, которые приобрели в составе концепта символический смысл. А.Г.Лапотко исследовала употребление лексемы *береза* в художественном творчестве и показала богатый набор коннотативных семантических признаков, явно присутствующих в национальном концепте *береза*

Содержание этого концепта в русской концептосфере изначально было достаточно богатым, что связано с той ролью, которую это дерево (его ветви, кора, древесина) играло в жизни русского человека. Береза была привычной для русского человека реалией окружающего мира, она росла у крыльца, под окном дома, встречала его «во поле», в лесу. Изделия из березы были привычными и необходимыми предметами быта русского человека. Более того, береза являлась символом согласия при ответе свахе (В.Даль), наказания (накормить березовой кашей; сотворил Бог дурака, сотворил и березу; береза ума даст), ссылки в Сибирь (услан березки считать). К березе обращались в песнях, связанных с народным календарем (существовал обычай в Семик завивать березку венком, ходить хороводом вокруг наряженной березки, приносить ее ветки в дом): «Иё, иё, березонька, завивайся...», о березе пели в любовных песнях (Во поле березонька стояла...). В песнях другой тематики (например, о чужой стороне) береза появляется как нечто свое, родное в противоположность чужому, враждебному. Так, в песне о гибели «с Дону казака» у Шат-горы говорится, что могила его вырыта под березой.

Сродненность русского человека с березой особенно отчетливо проявилась в произведениях Сергея Есенина, воспевшего «березовую Русь», страну «березового ситца» и соединившего в неразрывное целое березу и Россию. С.Есенин выразил своим поэтическим словом то, что всегда присутствовало в сознании носителей русского языка. В произведениях поэтов-песенников 50-80-х г.г. двадцатого века Россия, Родина, береза в их единстве встречаются многократно: «У нас в каждой песне береза, береза под каждым окном» (М.Агишина).

Творчество Сергея Есенина и поэтов-песенников середины двадцатого века оказало влияние на содержание концепта *береза*, представленного в сознании современных носителей русского языка: береза осмысливается в настоящее время как символ России. Это подтверждают результаты проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента. В эксперименте приняло участие 70 человек молодого и среднего возраста. Полученные реакции распределились следующим образом: *береза* - дерево 13, белая 9, Россия 7, лес, роща, парк 6, стройная 5, красота 4, Есенин 3.

Среди единичных ассоциатов зафиксирован ассоциат *символ*, а также несколько ассоциатов, которые могут быть присоединены к ассоциату *Россия - русская красавица, родное, природа России*. Интересно, что ассоциаты - наименования изделий из березы представлены только одним словом *туесок*, а ассоциаты со смыслами *обычай, согласие, наказание* отсутствуют совершенно, что отражает изменения, произошедшие в быте и обычаях народа.

Таким образом, некоторые концепты, существующие в сознании носителей языка, могут испытывать глубокое воздействие творческих личностей, что в свою очередь дает импульс для эволюции этого содержания в сознании народа. Если эти изменения принимаются, перерабатываются, усваиваются коллективным сознанием, возникает почва для формирования нового (в данном случае символического) значения слова, а изменения в значении ведут к модификации соответствующего концепта как единицы национальной концептосферы (Лапотко 1999).

В художественных и публицистических текстах была проанализирована лексема *окно*, что позволило сформировать развернутые представления о структуре соответствующего концепта.

Проанализированные тексты относятся к разным стилям речи (художественный и публицистический) и к разным жанрам (рассказы А.Чехова, В.Белова, комедия Н.Гоголя «Ревизор», очерки В.Пескова), но их объединяет общее устремление – показать духовный мир народа, его нравственный облик. В проанализированных текстах концепт *окно* обнаруживает различные смысловые наращения.

Вспомним рассказ А.Чехова «Ванька»: только взглянув в окно из замкнутого пространства комнаты сапожника Алехина, Ванька Жуков вспоминает милую его сердцу деревню. Главный герой рассказа В.Белова «Мальчики» во время урока смотрит в окно, где свобода и где грохочут поезда, а у окна спиной к классу стоит его учительница, погруженная в воспоминания о погибшем муже. Заметно раздвигает пространственные пределы окно в пьесе Н.Гоголя «Ревизор».

Художественно-публицистические очерки В.Пескова, призывающие жить «по красоте, чистоте, правде, совести», имеют общее название – «Окно в природу».

Пространственные характеристики предметов (а в антропоцентрических текстах - характеристика человека по отношению к предметам) в принципе бесконечны, тем более показательно использование в художественных текстах данного концепта, преобразующегося в символическое значение «просвет, ведущий к свободе, духовному очищению»(Мякшева 1999).

Анализ устного, разговорного словоупотребления

Анализ разговорных, просторечных, жаргонных употреблений лексических единиц в современной устной речи и публицистике (последняя стремится в настоящее время широко использовать в качестве выразительных средств именно такую лексику) позволяет обнаружить некоторые новые когнитивные компоненты, «присоединившиеся» к концепту в последнее время.

Интересным примером может послужить современное употребление слова *крыша*. До недавнего времени существительное «крыша» по данным толковых словарей имело одно значение: «Верхняя часть строения, его покрытие, служащее для защиты от атмосферных явлений» (СРЯ 1980-1984)³. Иногда словари фиксировали наличие переносного значения «дом, жилище, приют» (СРЯ 1980-1984) и выделяли некоторые другие значения: «То же, что крышка» (СРЛЯ 1950-1965) с пометой устаревшее; 2. специальное: «Покрышка, покрытие, верхняя часть чего-нибудь» (ТСРЯ 1947-1949).

«Словарные материалы-81» зафиксировали новое для литературного языка значение, активно функционирующее в

³ Принятые сокращения :

СМ-81 - Новое в русской лексике. Словарные материалы – 81 /Под ред. Н.З.Котеловой. М., 1986.

СМА - В.С.Елистратов. Словарь московского арга. М., 1994.

СРС - И.Юганов, Ф.Юганова. Словарь русского сленга. М., 1997.

СРЯ - Словарь русского языка: В 4-х т., 2-е изд. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М.-1981-1984.

СРЛЯ - Словарь русского литературного языка. В 17 т. М., 1950-1965.

ТСРЯ - Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1947-1949.

ТСРЯ XX - Толковый словарь русского языка конца XX века / Под ред. Г.Н.Скляревской. Санкт-Петербург, 1998.

настоящее время: «Официальное занятие агента, маскирующее его разведывательную деятельность (в разг., проф. речи, перен.)» (СМ-81, 1986).

За пределами литературного языка семантическая структура слова «крыша» является более сложной. Так, в тюремно-лагерном жаргоне отмечено пять значений этой лексемы:

1. Связи во властных и правоохранительных органах.
2. Покровительство.
3. Место жительства.
4. Зонт.
5. Шляпа. (СМА 1994).

Активно функционирует слово «крыша» в сленге. Так, «Словарь русского сленга» фиксирует три значения:

1. Сознание.
2. Дом, квартира, где можно укрыться от посторонних.
3. Защита от чего-нибудь, в том числе от рэкета (СРС 1997).

Наконец, «Толковый словарь русского языка конца XX века» дает следующее толкование: Крыша, ж. Перен. Разг.

1. Прикрытие; то, что охраняет, защищает от опасности.
2. О голове, головном мозге, умственных способностях (ТСРЯ-XX 1998).

Исходя из наблюдений над современным словоупотреблением, констатируем, что все названные выше словари, исчерпывая в основном лексический объем слова «крыша» в современном языке, не дают информации об экспрессивно-оценочных свойствах лексемы, не уточняют прагматических характеристик этого слова.

Рассмотрим примеры включения лексемы «крыша» в современный газетный дискурс: 1. Если вы хотите узнать о семейных секретах губернатора, или кто у Промстройбанка «крыша», вам вряд ли помогут (АиФ, 1996, № 41); 2. Существование , кроме бандитской, еще и милицейской крыши давно не секрет. И теперь у меня есть веские основания думать, что руоповцы были крышей у чеченской группировки (КП, 18.10.97); 3. Однажды я ехал в такси и попал под трейлер, который буквально снес крышу нашей машины и основательно потрепал мою крышу (АиФ, 1998, № 8); 4. Прежде чем лезть в игорный бизнес, нужно найти серьезную крышу (ЧЖ, 1998, № 3); 5. Крыша для слуг народа (Заглавие, Огонек, 1999, № 2).

Для каждого из приведенных выше примеров характерно переносное употребление слова «крыша». Эти же примеры показывают, что для современного речевого употребления наиболее

типично использование лексемы «крыша» не в номинативной функции, а в экспрессивно-оценочной.

Рассмотрим фразеологические образования с ядерным компонентом «крыша».

1. Крыша поехала - один из наиболее активных фразеологизмов настоящего времени, актуализирующий жаргонное значение «голова, мозги, ум, сознание» (СМА 1994). Значение самого устойчивого оборота еще не установилось окончательно, но его уже зафиксировали многие словари жаргонной речи (СМА 1994; СРС 1997, ТСРЯ-XX 1997). Популярность данного фразеологизма подтверждают множественные примеры его реализации в современном газетном тексте.

2. Крыша течет - «не все дома», с вариантом «течь в крыше» (в словарях не зафиксировано).

Он-то вместе с авторами фильма и манипулирует бредовыми идеями своих товарищей по несчастью, отчего у него самого постепенно начинает течь крыша. Еще бы. От такого лечения у кого хочешь потечет (Огонек, 1998, № 3).

3. Поставить крышу кому-то - привести кого-либо в нормальное состояние (в словарях не зафиксировано).

Прости, я был груб, но это лишь потому, что ты свела меня с ума. Помоги поставить мне крышу на место. И все. Я раскаиваюсь очень (АиФ, 1999, № 16).

4. Крышу оторвало (сорвало) - усиленный вариант выражения «крыша поехала»(в словарях не зафиксировано).

Продолжение рассказа о нашей подруге Дженис ищи дальше в журнале. Эффектную концовку гарантируем: Крышу сорвет! (Я молодой, 1998, № 10).

5. Выше крыши - классно, чудесно, прекрасно, замечательно, на высшем уровне (в словарях не зафиксировано).

Один крупный бизнесмен говорил так: «Обеспечить жену во время семейной жизни я смогу выше крыши, но при разводе отдавать ей половину не собираюсь» (Огонек, 1999, № 1).

Как видим, базовая метафора, лежащая в основе лексемы «крыша», продолжает разрабатываться и углубляться в составе различных фразеологических сочетаний (Соболева 1999).

Контрастивный анализ средств разных языков

Полученные наборы семантических признаков концепта одного языка можно сравнить с набором семантических признаков

эквивалентного концепта другого языка. Такое сравнение прежде всего выявляет национальную специфику в составе и в удельном весе семантических признаков эквивалентных концептов разных языков. Но бывает и так, что в зеркале другого языка исследователь замечает и такие признаки родного концепта, которые ранее ускользали от его внимания.

Дело в том, что многие семантические признаки концепта носителю языка кажутся самоочевидными, органичными, такими, без которых концепта просто не существует. Но при сопоставлении с семантическими признаками аналогичного концепта другого языка нередко выясняется, что данный признак является ярким, оригинальным, к тому же сугубо национальным.

Исследования, выявляющие национальную специфику концептов, пользуются у лингвистов большой популярностью. Контрастивный анализ выявляет и большое сходство семантического содержания концептов разных народов. Именно это сходство и делает возможным переводы с языка на язык.

Контрастивные методы дают исследователю возможность выявить общие когнитивные компоненты в концептах сравниваемых национальных концептосфер, обнаружить различия в них, а также, что очень важно – обнаружить отсутствие некоторых когнитивных компонентов в концепте одной из сравниваемых культур (последнее поддается выявлению только контрастивными методами).

При контрастивном анализе выявленные при сопоставлении языковых единиц различия интерпретируются как когнитивные различия и формулируются на языке когнитивных признаков.

Сопоставляя набор признаков концепта, обозначенного в русском языке лексемой *свет*, а в английском языке лексемой *light*, мы выявляем следующие сходства и различия в наборах семантических признаков соответствующих семем.

В русском языке лексема *свет* употребляется в следующих значениях, не отмеченных у лексемы *light*: 1) мир, Вселенная, земной шар со всем существующим на нем; 2) ограниченный круг лиц, принадлежащих к привилегированным классам; 3) дорогой, любимый человек, жизненно значимый для говорящего (в ласковых обращениях).

В свою очередь лексема *light* имеет целый набор значений, используемых только носителями английского языка: 1) окно, люк или какое-то приспособление в крыше, через которое проникает свет; 2) огонек, пламя, с помощью которых можно что-либо зажечь; 3) (или *eyelight*) зрение; 4) в кроссворде - слово, выводимое после того, как

отгаданы все остальные слова; 5) свет как гарантированное английским законодательством право каждого гражданина на естественный, ничем не заслоняемый свет; 6) (pl.) ярко освещенная театральная афиша с именем главного исполнителя; 7) (pl.) философия жизни, стандарт; 8) (pl.) природные или приобретенные способности, талант (Воевудская 1999).

А.Б.Болхоева проанализировала в контрастивном плане лексемы, обозначающие концепт *гостеприимство* в русском и английском языках.

Синонимический словарь английского языка дает следующий ряд синонимов: *hospitality* – *welcome* (радушный прием), *hospitableness* (гостеприимность), *kindness* (доброта), *geniality* (радушие), *cordiality* (сердечность), *conviviality* (веселость), *sociability* (общительность), *warmth* (теплота), *benevolence* (доброжелательность), *generosity* (щедрость), *liberality* (терпимость).

Синонимический словарь русского языка дает следующий ряд синонимов: гостеприимство – радушие, гостеприимность, хлебосольство, радушный прием.

Таким образом, общим в представлении носителей английского и русского языков о гостеприимстве является, во-первых, положительная эмоциональная оценка понятия гостеприимства; во-вторых, щедрость и любезность по отношению к гостям.

Различия заключаются в следующем. В английском синонимическом ряду большее количество синонимов, описывающих различные проявления гостеприимства, следовательно, английское концепт *hospitality*, вероятно, сложнее и включает большее количество признаков, что и отразилось в языке. Обращает на себя внимание выделение признаков *общительность* и *терпимость*, а также *щедрость*, что характеризует те черты английского гостеприимства, которые русский концепт, видимо, предполагает само собой. Русский концепт *гостеприимство* предстает по данным синонимических словарей более абстрактным, в нем выделяется чисто русский признак *хлебосольство*.

Концепты отражают реальную практику приема гостей в России и Великобритании. Прием гостей в Великобритании (как, впрочем и вся жизнь) более церемониален и традиционен, подчинен установленным и регламентированным правилам. В России же англичане всегда отмечают стремление хозяев в первую очередь вкусно накормить гостей, а общение составляет фоновый уровень русского концепта, специально не выделяемый (Болхоева 1999).

Т.В.Коновалова сопоставляла признаки русского и французского концепта *гость/hote*. Выяснилось, что в русском концепте содержится признак *хорошо накормить*, а сам концепт занимает важное место в национальном сознании. Во французском концепте содержится признак *приходящий по делу*, а сам концепт является второстепенным (Коновалова 1999).

Анализируя содержание концепта *дом/home* в русском и английском языках, А.В.Медведева выяснила, что в русском сознании *дом* расширяется до понятия *родина, родная страна*, а английское *home*, напротив, сужается до признака «внутренний мир человека» (душа) (Медведева 1998).

Сопоставление признаков концепта *смерть* в русском и англо-американском языковом сознании показывает, что американцы избегают задумываться о смерти, даже не пытаются хотя бы примириться с ней: они считают предмет слишком неприятным и отталкивают его от себя, окружая туманом эвфемизмов и всевозможных табу – языковых и поведенческих.

Вот несколько примеров, взятых из художественной литературы, наглядно иллюстрирующих желание англоговорящих не упоминать слова «death», «to die».

My dear Rhipip,

I regret to inform you that *your dear Aunt departed this life* early this morning. (S.Maugham. Of Human Bondage, ch.51);

Perhaps it occurred to her... that Lady Montodore's beam would likely fade the sight of Poly in Lady Patricia's room, unchanged in almost every respect, in the very bed where *Lady Patricia had breathed her last*. (N.Mitford. Love in a Cold Climate, pt.II, ch.8);

Don't you find it very lonely in that house my dear, now *that your poor Aunt is no more?* (D.L.Sayers. Unnatural Death, pt.I, ch.V);

«Malaga» – «A beautiful city. After my marriage I went there with *my wife, who now, alas, has gone to God*» (A.Cronin. Crusader's Tomb, pt.III, ch.VI).

Подобную традицию сравним с почти фаталистическим принятием смерти русскими, превращающими ее в факт жизни. Здесь кроется главное отличие в восприятии смерти русским и англо-американским сознанием: русское сознание не отстраняется от смерти, не отодвигает ее в будущее, а примиряется с ней, и более того, живет с нею. Русский человек не хочет умирать всецело, он ищет абсолютного бессмертия, жизни вечной и поэтому приближает смерть к себе, вступая с ней в прямой диалог. В православии – неотъемлемой части русской

национальной культуры – нет понятия «смерть», а есть понятие «успенье».

Английский язык спешит защитить, успокоить своего носителя, используя все свои экспрессивные средства: эвфемизмы, слэнг, иронию, с помощью которых говорящий совершает фактически некий вербальный аутотренинг, дабы не обременять себя страхом и отчаянием.

В русском языке смерть часто называют не иначе как «смертушка». По мнению А.Вежбицкой, суффиксу *-ушка* в русском языке отведена роль сочетаться (в фольклорном стиле) со словами, обозначающими абстрактные понятия, например, горе – горюшко, воля – волюшка, дума – думушка, смерть – смертушка (смерть – неизбежна, и поэтому ее надо принимать с любовью). Все они имеют ясное экзистенциальное содержание и связаны с традиционно русским отношением к жизни. Народная философия в этом случае такова, что в жизни надо относиться ко всему, даже к смерти, по-доброму, принимая ее. Исследователями русского фольклора было обнаружено несколько колыбельных песен с пожеланием смерти, которые мать (преимущественно крестьянка) или даже няня богатого дитяти пели, склонившись над младенцем:

Баю бай, баю бай,
Поскорее помирай.
Баю бай, баю бай,
Вот отправишься ты в рай.

Ср. также такие русские поговорки как Жизнь – сказка, смерть – развязка, На миру и смерть красна.

Проведенный анализ высвечивает не только концептуальную разницу, но некоторые ментальные черты русских и американцев.

Англоязычные народы в целом прагматичны, утилитарны, рациональны, посюсторонни. Кажется, что им вполне хватает того наружного, внешнего мира, в котором они живут, и никакого другого – горного, запредельного, «царствия божьего», они не взыскуют. Для русских более характерна пассивная жизненная позиция, фатализм (в отличие от англо-американского волюнтаризма), лень, созерцательность, мечтательность. В этом отношении русские более близки к восточным, особенно мусульманским, нациям, чем к западным и, вероятно, прав был Р.Киплинг, назвав русских «самым западным из восточных народов» – в отличие от российских интеллигентов, считавших русских «самым восточным» из народов западных (Хатунцева 1999).

Исследование национальной специфики концепта *бог* в русской и

английской концептосферах на материале пословиц и поговорок показал следующее.

В обоих языках пословицы и поговорки отражают христианское представление человека о «создателе и управителе» вселенной. Однако проявляется и небиблейское восприятие Бога, подчеркивающее активную позицию человека (например, *God helps them that help themselves* - На Бога надейся, а сам не плошай), и ироническое отношение к Богу (*The nearer the church, the farther from God* – Чем к церкви ближе, тем от Бога дальше; До Бога высоко, до царя далеко).

2. В структуру концепта *бог* в русской паремиологии входят следующие признаки, отсутствующие в английской: 1) «не перестающий любить даже тех, кто нагрешил» (не по грехам нашим Бог милостив); 2) «много терпевший и в этом являющийся примером для людей» (Бог терпел и нам велел); 3) «любящий тех, кто его любит» (Кто к Богу, тому и Бог); 4) «единственный, кого надо бояться» (Не бойся никого, кроме Бога одного); 5) «стоящий выше царя» (Бог – батюшка, государь – дядька); 6) «избирательный в своей любви» (Кто рано встает, тому Бог дает); 7) «не терпящий обмана» (Бог всякую неправду сыщет).

Лакунарными для русского языка являются следующие признаки концепта *бог*, отмеченные в английской паремиологии: 1) «любящий сильных» (*God is always on the side of the big battalions* = Бог всегда на стороне сильных); 2) «воля народа – воля Бога (*The voice of the people is the voice of God* – Глас народа – глас божий); 3) «присутствие Бога – залог успеха» (*God's in his heaven, all's right with the world* – Бог на небе – все в мире нормально) (Зубкова, Листрова-Правда 1998).

Подчеркнем, что контрастивный анализ кратчайшим путем приводит исследователя к обнаружению лакун в семантическом пространстве одного из сравниваемых языков. А.В.Тришина показала, что в английском языке нет эквивалента русскому концепту, имя которого *быт* (Тришина 1999). Это обстоятельство автор объясняет различиями в подходе к проблемам быта, повседневной жизни людей разных стран, разным уровнем развития сферы бытовых услуг.

Контрастивный анализ позволяет увидеть и своеобразие метафорических образов, используемых в художественных произведениях. Сравнивая оригиналы сонетов Шекспира с их переводами на русский язык, сделанные С.Маршаком, А.В.Медведева нашла неожиданные соотношения метафор в оригинале и переводе.

Например, в сонете № 130 У. Шекспира мы находим возможное для английской образной системы сравнение глаз с солнцем: *My mistress eyes are nothing like a sun* (букв.: Глаза моей госпожи не

похожи на солнце). А в переводе этого образа С.Маршаком мы находим типично русское сравнение глаз со звездами: *Ее глаза на звезды не похожи*. Переводчик, находясь в русле русской ментальности, осуществляет переход в национально-образную систему родного языка, тем самым придерживаясь культурно-исторических концептов родного языка.

Другим примером, отражающим явления национальной культуры, может служить перевод английских устойчивых сравнений, обильно насыщенных обозначениями золота и драгоценностей. Они передаются на русский язык с использованием соотносимых и дифференциальных переводных эквивалентов, ведущих к другой культурной традиции. В сонетах У.Шекспира № 18 и № 21 находим: *gold complexion* (букв.: *золотой лик*) и *silver fountains* (букв.: *серебряные ключи*), а в переводах С.Маршака наблюдается снятие смыс оригинала - *светлый лик и чистейший ключ* соответственно.

Таким образом, можно констатировать приоритет драгоценностей в английской культуре, в то время как в русской традиции в основе сравнений лежат образы природы (Медведева, 1997).

Сопоставительный анализ лексических полей разных языков

Сопоставительный анализ лексико-семантических групп, лексико-семантических, лексико-фраеологических полей разных языков дает большой материал для лингвокогнитивного анализа.

В частности, сопоставительными методами выявляется, что в рамках одноименных полей разных языков действуют разные когнитивные классификаторы. По этой причине эквивалентные друг другу по семеме Д1 лексемы оказываются в разных языках в составе разных лексико-семантических групп. Например, отнесение английского помидора – *tomato* к фруктам, а не к овощам как в русском семантическом пространстве, основано на признаке «с легко прокусываемой кожей». Такой признак не является классифицирующим в русских ЛСГ, где помидор относится к овощам по характеру его вкуса (Попова, Хаустова, 1998).

Интересные результаты дает сопоставление лексико-семантического поля «Деньги» в русском и английском языках

В самом составе лексико-семантического поля, в количестве и характере номинаций, в оценочности лексики, относящейся к денежной теме, в развитости синонимии и родовидовых отношений внутри отдельных семантических разрядов и во многом другом проявляется опосредованное национальной культурой и менталитетом

отношение народа к деньгам, способам их приобретения, сохранения и использования и др. Сопоставительные исследования в этой сфере дают исключительно интересный материал.

В английском языке поле «Деньги» включает более 700 единиц шести частей речи - существительные, глаголы, прилагательные, причастия, числительные, наречия). Ядром поля является имя и глагол. Поле подразделяется на 33 основные тематические группы. Наиболее многочисленными группами являются следующие: «Наименование лиц по их отношению к способу зарабатывания денег» (tradesman, money-changer, contractor, profiteer, cheat, shareholder, bribe-taker, pensioner и др., всего 68 единиц); «Наименование лиц по располагаемым ими денежным суммам» (poor, beggar, bankrupt, debtor, rich man, creditor, millionaire, moneyed и др., всего 60 единиц); «Наименование видов денежных доходов» (fee, income, to earn, wages, earnings, grant, reward, loan, subsidy, profit и др., всего 102 единицы); «Наименование способов использования денег» (to spend, to finance, to pay, to subsidize, to pay out, to grant, to settle accounts, to compensate и др., всего 206 единиц); «Наименование способов приобретения денег» (всего 190 единиц). Эта группа распадается на две подгруппы: «Наименование законных способов приобретения денег» (to earn, to work up, renting, to make, to gain, to borrow и др.) и «Наименование сомнительных в моральном отношении способов» (to steal, to grab, to scrounge, to profiteer, bribe-taking, to extort, to cheat и др.). При этом, как и в русском языке, английские лексемы данной группы, обозначающие сомнительные или морально осуждаемые способы получения доходов, значительно превосходят по численности лексемы, обозначающие законные способы получения денежных средств.

Проведенный анализ показал, что наиболее близкими к ядру подгруппами являются следующие:

«Наименования лиц по их отношению к способу зарабатывания денег». Всего в группе 30 единиц, 7 единиц входят в ядро поля: buyer-up (скупщик); contractor (подрядчик); seller (продавец); tradesman (торговец); pensioner (пенсионер); speculator (спекулянт); trader (торговец);

«Наименования лиц по навыкам обращения с деньгами». Всего в группе 15 единиц, 5 единиц входят в ядро поля: practical (практический); economical (расчетливый); grasping (алчный); stingy (скупой); wasteful (расточительный);

«Наименование видов деятельности по определению цены». Всего в группе 17 единиц, 7 из них входит в ядро поля: *to estimate* (оценивать); *to estimation* (оценка); *to raise* (повысить); *to bargain* (торговаться); *bargaining* (торг); *cheap* (дешево).

В русском языке поле «деньги» включает более 500 единиц пяти частей речи. Ядром поля тоже является имя и глагол. В поле выделяется 33 основные тематические группы. Наиболее многочисленными группами являются следующие: «Наименования лиц по их отношению к способу зарабатывания денег» (торгаш, меняла, подрядчик, спекулянт, шулер, акционер, тунеядец, взяточник, пенсионер и др., всего 31 единица); «Наименования видов денежных доходов» (гонорар, заработок, зарплата, приданое, кормовые, пенсия, ссуда, командировочные и др., всего 47 единиц); «Наименование финансовых понятий» (учет, ставка, сумма, оборот, рассрочка, номинал, баланс и др., всего 37 единиц); «Наименование способов использования денег» (израсходовать, потратить, оплачивать, инвестировать и др., всего более 100 единиц); «Наименование способов приобретения денег» (заработать, наторговать, занимать, одалживать, финансироваться, наварить, урвать, насшибать, вымогать, хапать и др., всего более 70 единиц).

Проведенный анализ показывает, что ядро поля составляют следующие подгруппы:

«Наименование лиц по их отношению к способу зарабатывания денег». Всего в группе 31 единица, из них 6 входят в состав ядра поля: подрядчик, продавец, торговец, пенсионер, спекулянт, торгующий;

«Наименования лиц по навыкам обращения с деньгами». Всего в группе 18 единиц, 5 единиц входят в ядро поля: практичный, расчетливый, алчный, скупой, расточительный;

«Наименование видов деятельности по определению цены». Всего 19 единиц, 7 единиц входят в ядро поля: оценивать, оценка, повысить, торговаться, торг, дешево, дорого.

Анализ ассоциативной словарной статьи «Деньги» в Русском ассоциативном словаре (М., 1994) показывает национальную специфику восприятия русскими концепта «деньги»: наиболее сильные ассоциаты отражают такие признаки концепта «деньги», которые связаны прежде всего с большим количеством денег (*большие, много, бешеные, крупные, огромные, золото*), наличием или отсутствием денег (*нужны, есть, мало, нет, кончились, истрачены, кошелек, в кармане, мои*), важностью денег для человека (*счастье, жизнь, необходимость*) при одновременном ярко выраженном пренебрежительном отношении к деньгам (*зло, грязные, грязь, бабки,*

дрянь, мусор, вода, шальные, левые, не нужны). Обращает на себя внимание сравнительно незначительный удельный вес актуализируемых признаков, связанных с операциями с деньгами (*получить, тратить, делать*).

Таким образом, структура поля в обоих языках сходна, включает одни и те же тематические подгруппы, к ядру поля относятся одноименные подгруппы в обоих языках; как в русском, так и в английском языках количество названий незаконных способов получения доходов преобладает над обозначениями законных способов. При этом наполнение тематических подгрупп в исследуемых языках существенно различается. В английском языке концепт *деньги* в целом представлен лексически гораздо более разнообразно и дифференцированно - 700 единиц против 500 в русском. Особенно многочисленны и лексически дифференцированы в английском языке наименования способов использования денег (206 единиц), наименования способов приобретения денег (190), наименования видов денежных доходов (102) - против 100, 70 и 47 единиц в русском языке, соответственно. Данное явление, как и ассоциативная специфика русского слова «деньги» объясняются различными традициями в развитии денежных отношений в России и англоязычных странах Запада, что отразилось в концептосферах народов и как следствие - в их языковой, коммуникативной практике (Мальцев 1999).

Методы выявления синтаксических концептов

Методы выявления синтаксических концептов еще не получили серьезной разработки и не отличаются большим разнообразием. Насколько нам известно, наиболее полно и на большом фактическом материале такая методика представлена в монографии Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой «Синтаксические концепты русского простого предложения» (Воронеж, 1999). Авторы опираются на тождество структурных схем в высказываниях, несущих типовые пропозиции.

Первым шагом на пути выявления синтаксического концепта является набор высказываний, содержащих одну и ту же структурную схему, то есть один и тот же набор словоформ, несущих функции субъектива и предикатива, независимо от лексического наполнения схемы. Например, структурная схема *КТО (ЧТО) действует чем* выявляется в высказываниях *Сергей махнул рукой / Платье пахло нафталином / Закат пылал пожаром / Дети играли кубиками / Магазин торговал посудой / Посетители стучали кружками* и нек. др.

Единство грамматической схемы заставляет исследователя задуматься над тем, какую единую типовую пропозицию эта схема несет или несла, для какой типовой пропозиции она создавалась. Стоящий за указанной выше схемой синтаксический концепт, зафиксированный типовой пропозицией *КТО (ЧТО) действует чем*, может быть осмыслен как понимание ситуации, в которой некоторый ФЕНОМЕН ПРОЯВЛЯЕТ СЕБЯ своими СОБСТВЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: движет своими частями, издает звуки, запахи, излучает свечение и т. д.. В высказываниях о движениях человека часто позицию орудия действия занимают названия предметов, которые делают возможным само действие (например, торговать).

В семантическом пространстве русского языка нами выявлены следующие синтаксические концепты:

- БЫТИЕ ОБЪЕКТА (КТО (ЧТО) ЕСТЬ (ГДЕ)),
- НЕБЫТИЕ ОБЪЕКТА (КОГО НЕТ (ГДЕ) И КТО НЕ ДЕЛАЕТ (ЧЕГО)),
- ИНОБЫТИЕ ОБЪЕКТА (КТО ДЕЙСТВУЕТ ЧЕМ),
- БЫТИЕ ПРИЗНАКА ОБЪЕКТА (КТО (ЧТО) ЕСТЬ КАКОЙ (КАКИЕ)),
- ПЕРЕМЕЩЕНИЕ АГЕНСА (КТО ИДЕТ КУДА ОТКУДА),
- АГЕНС ВОЗДЕЙСТВУЕТ НА ОБЪЕКТ (КТО ДЕЛАЕТ ЧТО),
- ПРЕТЕРПЕВАНИЕ СОСТОЯНИЯ ПАЦИЕНСОМ (КОМУ ЕСТЬ КАК).

Установив структурную схему конструкции, ее типовую пропозицию и соответственно синтаксический концепт, исследователь получает возможность глубже осмыслить речевые реализации данной структурной схемы.

Речевые реализации могут быть неполными, если лексическое наполнение высказывания делает его понятным и при отсутствии какой-либо словоформы. Так что схема *КТО (ЧТО) действует чем* часто реализуется без словоформы существительного:

Солнце светит (светом) / Пахнет грибами (воздух в конкретном месте) / Магазин торгует (если неважно, чем именно, а важно, что он открыт и работает) / Дети играют (если неважно чем, а важно, что они действуют, заняты своим делом).

Можно начать работу на основе подбора высказываний по общности их лексического наполнения, но тогда мы непременно столкнемся с серией структурных схем. Известно, что один и тот же смысл, одна и та же пропозиция могут выражаться разными структурными схемами простого предложения. Это зависит от того,

какую типовую пропозицию увидит говорящий в своем высказывании о данной ситуации.

Когда среди структурных схем современного русского языка мы не обнаружили специальной схемы для пропозиции «эмоциональная деятельность человека», мы решили подобрать разнообразные высказывания, описывающие такую деятельность. Весьма разнообразные структурные схемы, с помощью которых говорящие сообщают о своих эмоциональных состояниях и отношениях, оказались одинаково доступными для позиции каузатора - сообщаемой о причине переживаемых эмоций. Нас заинтересовал вопрос: не формируется ли в современный период новая структурная схема для типовой пропозиции «эмоциональная деятельность». Оказалось, что для выражения эмоциональной деятельности человека используются несколько схем.

Схема Кто делает что (агнс воздействует на объект) используется и для описания эмоциональных воздействий на человека (кто восхищает кого, кто (что) радуется кого, кто (что) удивляет, раздражает, тревожит кого и т. п.).

Специального синтаксического концепта нет, говорящие выражают нужный смысл исключительно с помощью лексики.

В высказываниях о состояниях и отношениях становится обязательной позиция объекта-каузатора, вызывающего это состояние или отношение. Этот объект может осмысляться как причина, стимул, источник, повод. Такая смысловая неопределенность этой позиции приводит к большой вариативности ее лексемного и синтаксического заполнения, и соответственно к большому дроблению структурных схем:

КТО радуется, удивляется, изумляется, ужасается ЧЕМУ;

КТО боится, пугается, страшится ЧЕГО;

КТО издевается, насмехается, глумится, потешается НАД КЕМ.

Единого синтаксического концепта эмоциональной деятельности человека в современном русском синтаксическом пространстве нет. Есть тенденция к формированию нескольких малых по объему синтаксических концептов СТРАХА (кто боится ЧЕГО/КОГО), враждебного отношения (кто злится НА КОГО/ЧТО), высокомерного отношения (КТО издевается НАД КЕМ) и нек. др. (Попова, Кривошеева 1999).

Признание синтаксических концептов как непрменных составляющих семантического пространства языка позволяет глубже понять многие процессы становления и функционирования синтаксической системы языка .

В. Б. Базилевская проанализировала с этой точки зрения становление синтаксических конструкций в речи Жени Гвоздева (по записям его отца - замечательного отечественного лингвиста А.Н. Гвоздева). Анализ показал, что среди конструкций, фиксирующих восприятие окружающего мира, в числе первых появляются высказывания со значением бытия объекта, самопроявления агенса, претерпевания состояния, самостоятельного перемещения агенса.

Однако значения высказываний можно вывести лишь из комментария (перевода) взрослого. Дело не только в своеобразных, «детских», словах, но, прежде всего, в отсутствии особых синтаксических структур для выражения разных смыслов. Обычно для выражения любого содержания соединяются два наименования: Аськи тютю. - Очки спрятались (спрятали). Дядя тю-тю. - Дядя стучит. Мама пруа. - Мама пошла гулять. Кисень печька. - Кисель на печке. Майцьк блина. - Мальчику дали блин. Дядя бадя. - А.Н. Гвоздев так комментирует эту фразу: «Клеватский оставил лужу от своих сапог, и Женя указывал на нее и кричал: дядя бадя! (дядя вода!)».

Ситуативная связанность речи малыша определяется именно отсутствием у него в сознании синтаксических моделей (конструкций) для выражения различного содержания. Поэтому, например, первые знаковые предложения ничем, кроме жеста, не отличаются от бытийных: Тётя - и указательный жест на корзину. - Корзина тётина.

По записям А.Н. Гвоздева отчетливо видно, какую огромную роль в развитии речи ребенка играет взрослая речь, а также фольклорные произведения, насыщенные однотипными конструкциями.

Появление падежных форм, предлогов и других грамматических явлений в речи ребенка, безусловно, связано с дифференциацией синтаксических конструкций - т. е. с неосознаваемым формированием синтаксических концептов, свойственных родному языку.

Последовательность появления грамматических форм у детей индивидуальна, поскольку зависит от речевого потенциала окружающей среды.

По-видимому, формированием синтаксического строя речи ребенка можно заниматься более эффективно, если учитывать существование синтаксических концептов (Базилевская 1999).

Когда становится ясно, какой концепт хотел выразить говорящий, исследователь получает в свое распоряжение действенное средство для понимания многих фактов языкового употребления, которые без этого казались случайными, хаотичными, не находящими объяснения. Так, написаны десятки трудов по поводу колебания падежных форм в высказываниях с отрицанием (типа *Мороз не чувствовался / Мороза*

не чувствовалось; Оля не нарезала хлеб / Оля не нарезала хлеба). Если же принять во внимание наличие в русской концептосфере синтаксического концепта НЕБЫТИЕ ОБЪЕКТА, который с древнейших пор выражается с помощью словоформ родительного падежа существительного, то колебание словоформ при отрицании становится объяснимым: *На улице потепело, мороза не чувствовалось* (то есть его не было). *Дети были тепло одеты, мороз не чувствовался* (но он был). *Оля не принесла хлеба* (хлеб отсутствует). *Оля не нарезала хлеб* (а он есть, лежит на столе). *Оля не нарезала хлеба* (хлеба нет на столе, он вообще отсутствует). С помощью родительного падежа говорящие по-русски обозначают то, чего, по их мнению, в данном месте нет. Этот синтаксический концепт детально разрабатывает С.И.Тарнакина (Тарнакина 2001).

Один из важнейших тезисов, осмысленных в рамках когнитивной лингвистики, состоит в том, что именно концепт определяет семантику языковых средств, использованных для его выражения. Эта семантика может быть систематизированной и общепринятой, но нередко концепт навязывает свои смыслы таким языковым формам, которые для его выражения не использовались. Когда, например, в русской концептосфере начал формироваться концепт «речемыслительная деятельность», в его составе появился смысл «тема речи». Начались поиски словоформы для его выражения (*сказал что /про что/ о чем* и нек. др.). в настоящее время в русском литературном языке утвердилась словоформа *о чем*. Общеприняты высказывания *кто говорит о чем, кто писал о чем, кто рассказывал о чем* и т. п.

Получив семантику «тема речи», словоформа *о чем* начала интенсивно занимать позицию при глаголах, которые ранее с ней не сочетались. Сейчас мы слышим по радио, в выступлениях ораторов, просто в устной речи такие словосочетания, как *описал о поездке; объяснил об этом; подчеркнул о важности; отметил о том, что; заметил о необходимости; коснулся о новом законе* и мн. др. Литературная норма оценивает такую сочетаемость как ошибочную, но говорящие руководствуются не нормой, а концептом, который им нужно выразить, а этот концепт «тема речи» - вполне очевиден. Поскольку большинство говорящих стремятся обозначить концепт, а не соблюсти литературную норму, процесс формирования языковых средств для выражения все новых концептов идет непрерывно, а литературная норма постепенно изменяется вслед за ним.

Признавая существование синтаксических концептов, Г.П. Стуколова считает возможным объяснить с этой точки зрения ряд

синтаксических фразеологизмов, например, таких, как *Ох, уж мне эти помощники* (Стуколова 1998).

Разграничив употребление глагола *быть* в структурных схемах, выражающих бытие объекта, и схемах, обозначающих бытие признака объекта, В.А. Копров и Л.П. Земскова убедительно доказали, что в первом случае глагол сохраняет свое лексическое значение бытия и только во втором случае он десемантизируется и становится связочным (Копров, Земскова 2000).

Анализ словоформ, образующих структурные схемы (синтаксем) обещает еще немало интересных выходов в концептосферу, представленную в семантическом пространстве языка. А.П. Бабушкин, изучая семантику высказываний с формой сослагательного наклонения русского глагола, приходит к выводу, что в таких высказываниях люди говорят о возможных мирах, в той или иной степени удаленных от реального мира. Только по анализу условных предложений с глаголами сослагательного наклонения А.П. Бабушкин выделяет среди возможных миров Ближайший мир (*Если бы вы щелкнули выключателем, свет загорелся бы*), Возможный мир (*Если ты придешь, мы посмотрим новую книгу*), Мир упущенных возможностей (в прошлом, ирреальный мир) (Бабушкин, 2000, 2001).

Разработка этой темы должна привести, на наш взгляд, к интересным осмыслениям явлений синтаксической концептосферы.

Дальнейшее изучение синтаксических концептов должно привести к разработке новых методик их нахождения, а также к более глубокому пониманию их определяющей роли в становлении языковой картины мира, в ее развитии и функционировании.

Комплексные лингвокогнитивные описания концептов

Чем больше методов и приемов использует исследователь, тем больше признаков концепта он выявит, тем ближе к истине будет построенная модель концепта. В этом разделе наших «Очерков» мы представим несколько описаний отдельных концептов с применением комплекса методик.

Предлагаемые ниже описания не являются исследованиями, имеющими окончательный характер. Они выбраны нами потому, что на их примере можно достаточно наглядно и сжато проиллюстрировать технику применения различных методик к описанию того или иного концепта.

Концепт *грамотность* (И.А.Стернин)

Для исследования концепта *грамотность* был использован анализ словарных дефиниций ключевой лексемы и анализ лексической сочетаемости ключевой лексемы в текстах.

Концепт *грамотность* обычно связывается в общественном сознании со знанием правил орфографии и пунктуации, умением читать и писать. Это понимание отражено в значениях соответствующих лексем в словарях русского языка. Проанализируем значения лексем, репрезентирующих концепт *грамотность* в русском языке.

В Словаре русского языка под ред. А.П.Евгеньевой (т.1, с.343) слово *грамотность* определяется таким образом: 1. Умение читать и писать. Повышение грамотности населения. //Перен.Наличие соответствующих знаний в какой-либо области. Техническая грамотность. Политическая грамотность.

Прилагательное *грамотный* в этом же словаре определяется так:

1. Умеющий читать и писать. Дьяки были грамотны, писали бойко и легко. //Умеющий грамматически правильно писать и говорить. Грамотный ученик.//перен. Обладающий необходимыми сведениями, знаниями в какой-либо области; сведущий. Грамотный инженер.

2. Не содержащий грамматических и стилистических ошибок. Грамотное сочинение. // перен. Выполненный со знанием дела; не нарушающий основных требований, предъявляемых наукой. Грамотный чертеж.

В новейшем Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А.Кузнецова (СПб., 1998) слово *грамотный* толкуется следующим образом(с.225):

1. Умеющий читать и писать; умеющий читать и писать грамотно, без ошибок. Г. человек. Г. ученик. // Не содержащий грамматических и стилистических ошибок, соответствующий нормам литературного языка. Г. сочинение. Письмо было не очень грамотным. Книга переведена хорошим, грамотным языком.

2. Обладающий необходимыми знаниями, сведениями в какой-либо области; знающий. Г. инженер. Политически грамотен. // Выполненный со знанием дела, в соответствии с основными требованиями данной области знаний; правильный. Г. чертеж. Сделать грамотную разработку чего-либо.

Анализ приведенных выше словарных дефиниций приводит к следующим выводам. Фактически в словарях русского языка представлены следующие значения слова *грамотный*:

1. «читательское» - умение читать, то есть умение расшифровывать буквы и складывать их в слова, понимая полученный смысл.

2. «орфографическое» - умение писать, то есть перекодировать звуки устной речи в буквы и соединять их друг с другом на письме.

Эти два значения отражают разные навыки носителя языка - можно уметь читать, но не уметь писать, можно хорошо читать, но плохо писать. Эти навыки взаимосвязаны, но не совпадают.

3. «нормативно-языковое» - умение *правильно, хорошо* читать и писать, говорить и писать, не допуская речевых ошибок (грамотный ученик, грамотное сочинение). Нормативная неграмотность - это большое количество нарушений языковых норм в устной или письменной речи..

4. «профессиональное» - хорошо разбираться в той или иной области знаний (грамотный специалист, инженер, руководитель).

5. «качественно-результативное» - качественно выполненное, соответствующее нормам и правилам выполнения данного рода деятельности, в т.ч. и орфографическим и пунктуационным (чертеж, работа, план, сочинение и т.д.)

Это именно отдельные значения, а не оттенки значений, так как они обозначают разные денотаты реальной действительности.

Соответственно, такие же значения будет иметь и существительное *грамотность*, наречие *грамотно*.

Работать над грамотностью - читательское, орфографическое, нормативно-языковое значения;

Видна его грамотность в этом деле - профессиональное.

Качественно-результативное значение для субстантивной вербализации несвойственно, существительным оно не выражается.

Он написал все грамотно - орфографическое и нормативно-языковое значения.

Он все сделал грамотно - качественно-результативное значение.

Для наречной формы вербализации концепта нехарактерны читательское и профессиональное значения.

Таким образом, в русском языке концепт «грамотность» репрезентирован лексемами *грамотный, грамотность, грамотно*. Разные лексемы и разные лексико-семантические варианты лексем вербализуют разные *признаки (слои)* общего глубинного концепта. Специфически системно-языковые факторы (частеречная принадлежность) регулируют возможность выражения тех или иных признаков глобального концепта в той или иной частеречной форме.

Анализ словарных дефиниций и зафиксированных в них примеров не исчерпывает содержание лингвистического анализа данного

концепта. Необходимо проанализировать текстовые употребления лексем, репрезентирующих данный концепт.

Некоторые зафиксированные в речи словоупотребления свидетельствуют о том, что концепт *грамотность* в современном общественном сознании шире, нежели можно было бы судить только по проанализированным выше его языковым репрезентациям. Существует еще *коммуникативная грамотность* - совокупность коммуникативных знаний, умений и навыков человека, позволяющих ему эффективно общаться в стандартных коммуникативных ситуациях в письменной и устной форме. На существование данного признака в концепте грамотность указывают такие случаи словоупотребления как *грамотно построить разговор, грамотно аргументировал, грамотный оратор, грамотное выступление, грамотно провел беседу, грамотно построил убеждение и др.* и др. Итак, выделяется еще одно значение слов *грамотный, грамотно* – «соблюдающий нормы, правила эффективного общения».

Итак, концепт *грамотность* репрезентирован в русском языке шестью значениями (семемами). Каждая семема своими семемами отражает концептуальные признаки, образующие содержание исследуемого концепта. На базе этих семем можно моделировать содержание концепта *грамотность*.

Концепт *друг* (О.Ю.Лукашкова)

Использованы анализ словарных дефиниций ключевых лексем, анализ синонимов, деривационного поля, лексической сочетаемости, анализ паремий интерпретационного поля.

Концепт, репрезентируемый в русском языке словом «друг», весьма важен для сознания русского человека, тяготеющего к соборности, к объединению с другими людьми.

Ключевые лексемы, представляющие рассматриваемый концепт в русском языке – *друг* (частотность по данным словаря Л.Н.Засориной - 817); *дружба* (частотность 115).

Концепт представлен также производными словообразовательными единицами, обозначающими лиц (*дружок, подруга*), качества (*дружественный, дружеский, дружный*), действия (*дружить(-ся), подружить(-ся), сдружить(-ся)*), состояния (*дружно*), а также рядом синонимов: *товарищ, приятель, наперсник, побратим, кореш*. В последнее время появилась в этом значении лексема *брат*.

Первым шагом при исследовании концепта было установление значения основной лексемы, репрезентирующей его в языке.

В Словаре русского языка под ред. А.П.Евгеньевой «друг» определяется как «человек, связанный с кем-либо дружбой». «Дружба» толкуется как «отношения между кем-либо, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов».

Получить о концепте более полное представление, выявить дополнительные присущие ему признаки можно путем анализа парадигматических связей ключевых лексем–репрезентантов, особенностей их употребления, а также путем изучения устойчивых единиц языка, включающих ключевые слова – фразеологизмов, пословиц, поговорок.

Сравним значение синонимов *друг*, *приятель*, *товарищ*. Словарь синонимов под ред. А.П.Евгеньевой содержит следующие определения:

- *Друг* - человек, близкий по духу, по убеждениям, на которого можно во всем положиться.
- *Товарищ* - человек, близкий по роду деятельности, занятий, по условиям жизни, связанный дружескими отношениями.
- *Приятель* - человек, с которым сложились хорошие, простые, но не очень близкие отношения.

Сопоставление синонимов выявляет специфические для слова *друг* семы: «избранный» (ср. «Приятелей у Гаврика было много, а настоящих друзей всего один – Петя») и «интимность» (ср. «друг» и «товарищ»).

Своеобразные «эталоны» концепта *друг* выявляются при наблюдении за лексической сочетаемостью. Так, например, можно сказать «друг детства», «друг юности», но невозможно «друг зрелости», «друг старости». Отсюда, видимо, следует вывод, что одним из «эталонов» настоящего друга является в сознании говорящих длительность дружбы. Весьма частотное сочетание «настоящий друг», но невозможно «настоящий приятель» (по-видимому, для «приятеля» нет строгих критериев). Друг и приятель может быть «закадычным», но товарищ не может. Отсюда следует, что степень эмоциональной близости – тоже один из важных эталонов концепта. Распространенное выражение «будь другом» (сделай для меня то-то или то-то) указывает еще на один признак – друг, это тот, кого можно попросить об услуге.

Интересно пронаблюдать и за синтаксическими формами выражения концепта. Замечено, что в последнее время характерная для слова *товарищ* конструкция с предлогом «по» (по оружию, по институту и т.д.) распространилась и на слово *друг*. Стало возможным употребление сочетаний типа «друг по даче, по гаражу» и т.п. Это может служить свидетельством стирания четких границ между

понятиями *друг*, *товарищ* и *приятель* в сознании людей.

Экстралингвистическую информацию о содержании концепта содержит его интерпретационное поле, которое может быть выявлено путем анализа пословиц, поговорок и афоризмов. В результате анализа массива русских пословиц, посвященных дружбе, был выделен ряд установочных суждений, содержащих понимание русским народом понятия *друг*.

1. Другом можно считать только того, кто выдержал испытание критической ситуацией (*Друг не испытанный – что орех не расколотый, Друзья познаются в беде*).

2. Старый друг предпочтительнее нового (*Старый друг лучше новых двух*).

3. Тот, кто говорит правду, может потерять друзей (*Правду говорить – так друга не нажить*).

Но: Друг должен быть правдивым, критичным по отношению к другу (*Не люби друга потатчика, а люби друга спорщика*).

4. Бедный человек больше способен на дружбу, чем богатый (*Богатому ни правды, ни дружбы не видать, Чем беднее, тем роднее*).

5. Каждый человек выбирает друга, похожего на себя (*Сапог с сапогом, лапоть с лаптем*).

Но: Двум похожим людям трудно ужиться вместе (*Два медведя в одной берлоге не живут*).

6. Мужчины больше способны на дружбу, чем женщины (*Семь топоров вместе лежат, а две прялки – врозь*).

7. Лучше умный враг, чем глупый друг (*Дай Бог врага, да умного, а друг да дурак – наплачешься с ним*).

По данным опроса, проведенного среди носителей современного русского языка (им было предложено определить степень своего согласия с перечисленными выше утверждениями), наиболее актуальными в наше время оказались установки 1, 2, 3б, 7.

Богатство средств языковой репрезентации концепта *друг* в русском языке, позволяющее выявить различные признаки концепта, подтверждает значимость этого концепта для русского менталитета.

Концепт *быт* (А.В.Рудакова)

Богатый выбор методик исследования использовала при анализе концепта *быт* А.В.Рудакова. Ею использованы анализ значения ключевого слова по словарям, синхронный и диахронический анализ синонимических единиц, анализ фразеологических и образных номинаций, включая индивидуально-авторские номинации, анализ

деривационного поля лексемы *быт*, анализ интерпретационного поля. Многочисленные примеры из исследования А.В.Рудаковой были использованы нами при иллюстрации почти всех из описанных выше приемов лингвокогнитивного анализа. Полностью анализ концепта *быт* с использованием всех перечисленных приемов читатель найдет в работах (Рудакова 2000, Рудакова 2001).

Очерк, посвященный описанию различных приемов анализа и описания концептов, завершим перечислением рассмотренных нами методик.

1. Выбор ключевого слова.
2. Анализ семемы ключевого слова. выявление ее семного состава.
3. Психолингвистический эксперимент (свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, рецептивный эксперимент)
4. Семемный анализ и построение семантемы ключевого слова.
5. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова.
6. Анализ синонимического ряда ключевого слова.
7. Построение лексико-семантического или лексико-фразеологического поля ключевого слова.
8. Построение деривационного поля ключевого слова.
9. Построение лексико-грамматического поля ключевого слова.
10. Анализ паремий, объективирующих концепт.
11. Анализ художественных и публицистических текстов.
12. Анализ устного, разговорного словоупотребления.
13. Контрастивный анализ одноименных лексем, объективирующих концепт.
14. Сопоставительный анализ лексических полей разных языков.

Для выявления синтаксических концептов используются следующие приемы:

- Выделение устойчивых последовательностей словоформ субъектива и предикатива с их обязательными сопровождающими;
- установление типовой пропозиции данной структурной схемы;
- изучение лексического варьирования высказываний с общей структурной схемой, ведущего к расщеплению схемы и формированию из ее вариантов новых синтаксических концептов;
- Изучение семантики морфологических словоформ в высказываниях.

Подчеркнем, что сочетание нескольких методов и приемов исследования всегда повышает точность результатов, увеличивая количество выделяемых признаков исследуемого концепта.

Заключение

В наших «Очерках» мы предложили, насколько это было возможно, краткое изложение истории становления когнитивной лингвистики и указали читателю необходимую литературу, в которой эта история раскрывается детально и подробно.

Мы предложили также толкования и интерпретации основных категорий когнитивной лингвистики - как по литературе вопроса, так и на основе своих исследований и по результатам исследований наших учеников и коллег.

Мы попытались также систематизировать те методы и приемы выявления содержания концептосферы, которые могут быть использованы в когнитивной лингвистике.

Все это должно послужить, как мы думаем, достижению нескольких целей:

- показать важность когнитивной лингвистики для решения многих лингвистических, психолингвистических, социолингвистических, этнолингвистических задач;
- наметить первоочередные задачи, стоящие в настоящее время перед когнитивной лингвистикой.
- ввести начинающего исследователя в круг основных проблем когнитивной лингвистики;
- вооружить исследователя основной терминологией и методами исследования;

Подчеркнем еще раз, что теоретическое значение когнитивной лингвистики трудно переоценить. Несомненно, что когнитивная лингвистика – новый этап в исследовании такой важнейшей проблемы языкознания как *язык и мышление*, и именно когнитивная лингвистика вдохнула новую жизнь в эту проблему.

Когнитивная лингвистика находится также в русле антропоцентрической лингвистики, которая, по-видимому, будет определять магистральное направление в развитии языкознания в XXI веке.

Важнейшим положением когнитивной лингвистики является принципиальная необходимость разграничивать собственно мыслительную *концептосферу* человека и семантическое пространство языка как ту часть концептосферы, которая получила наименования и выражение с помощью языковых знаков. Понимание этого различия позволяет лучше осмыслить сложные процессы движения от так называемого *смысла* (из области мыслительной

деятельности, локализованной в концептосфере) к *значению* (в область семантического пространства языка) и к средствам его выражения языковыми знаками.

В рамках когнитивной лингвистики становятся понятными многие изменения в семантическом пространстве языка – они производны от новаций в концептосфере, от изменений человеческих *представлений о мире*.

Законы логики, изучаемые и разрабатываемые классической и математической логикой, оказываются лишь частным случаем человеческого мышления. Человек чаще мыслит ассоциациями, ориентируясь на жизненный опыт, важные для жизнеобеспечения обстоятельства, ориентируясь на чувственный опыт, на мифологические представления и многое другое, не укладывающееся в логические силлогизмы.

Синхронический анализ репрезентации того или иного концепта в языке показывает современную структуру концепта, а также выявляет, какая часть этого концепта и в каком объеме актуализирована сегодня в сознании народа, является предметом осмысления и обсуждения.

Важной теоретической проблемой является проблема национальной специфики концептов. В концептуальной сфере разных народов наблюдается значительно больше сходств, чем в языковой. Именно общность значительной части концептосфер обеспечивает переводимость с одного языка на другой – переводчик постигает концепт оригинала, а затем старается подобрать языковые средства, наиболее адекватно передающие этот концепт в переводе. Принципиальная переводимость текстов с одного языка на другой – свидетельство существенной общности концептосфер народов, особенно тех, которые стоят на близком уровне социально-экономического развития.

С практической точки зрения когнитивная лингвистика позволяет оптимизировать преподавание и изучение как родного языка, так и – особенно – неродного, поскольку она вооружает нас пониманием особенностей структуризации семантического пространства языка, соотношения национальной концептосферы и национального языка.

Кроме того, когнитивная лингвистика дополняет анализ системы языка анализом речи, различных контекстов употребления соответствующих лексем, зафиксированных в текстах суждений о концепте, определений концепта в разных словарях и справочниках, анализом фразеологии, пословиц, поговорок и афоризмов, в которых концепт репрезентирован.

Возможно описание содержания концепта в сознании отдельных возрастных, половых, социальных групп и слоев населения, а также содержания концепта в сознании отдельного носителя языка (обычно – писателя, поэта, ученого) – через специфику соответствующих речевых репрезентаций этого концепта.

Может быть проанализирована историческая динамика развития и формирования концепта в национальном сознании – через изучение языковой и речевой репрезентации концепта в диахронии. Изменения значений соответствующих лексем, возникновение новых и исчезновение старых значений, различие в дефинициях одного и того же слова в разные периоды развития языка позволяют представить себе динамику развития соответствующего концепта в обществе.

Таким образом, категории когнитивной лингвистики оказываются применимыми и полезными в самых разных областях лингвистической науки и практики.

Использованная литература

1. Абакарова Н.М. «Круг» как концепт в контексте творчества Д.Донна и Т.Элиота // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 1. – Тамбов, 2001. - С.45-47.
2. Абрамова И.Т. Являются ли несловесные акты мышлением? // ВФ - 2001, № 6. - С.68-82.
3. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Прага, 1978.
4. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение и концепт // Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. – Ч.2. – Тамбов, 2000. – С. 33-36.
5. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. - Тамбов. 2001 г. - С.82-84.
6. Аликаева Г.В. Единицы деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов // ФН - 1999, №1. - С.35-40.
7. Алтабаева Е.В. Концепт «желание» в русской языковой картине мира // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. – Тамбов, 2001 г. - С.135-137.
8. Алтабаева Е.В. Семантические параметры концепта «желание» в современном русском языке // Русский язык вчера, сегодня, завтра. - Воронеж, 2000. - С. 32-33.
9. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ - 1995, № 1. – С.29-34.
10. Аристов С.А. Когнитивные аспекты языковой коммуникации, включающей невербальные конститuentы // Когнитивная лингвистика. - Ч.1. - Тамбов, 1998. - С.108-110.
11. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // ВЯ - 1987. - № 3. – С.46-51.
12. Арутюнова Н.Д. О стыде и стуже // ВЯ – 1997, № 2. - С.59-70.
13. Арутюнова Н.Д. Предложение и смысл. М., 1976.
14. Архипов И.К. Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 1. – Тамбов, 2001. - С.13-15.
15. Ахутина Т. В. Нейро-лингвистический анализ динамической афазии. М., 1977.

16. Ахутина Т. В. Порождение речи. М., 1989.
17. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. - Воронеж, 1996. - 104 с.
18. Бабушкин А.П. Квантитативные выражения с позиции когнитивной лингвистики // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С.38-39.
19. Бабушкин А.П. Картина мира в концептосфере языка // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999, с.12-14.
20. Бабушкин А.П. Обновление концептосферы языка как социолингвистическая проблема // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Межвузовский сборник научных трудов. - Вып. 2. - Тамбов, 1999, с.75-80.
21. Бабушкин А.П. Поиск «тела знака» для наименования концепта // Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая 1999 г. - Тамбов, 1999. – С. 100-104.
22. Бабушкин А.П. Сослагательное наклонение и «возможные миры» // Когнитивная семантика. - Часть 2. - Тамбов, 2000. - С.183-184.
23. Бабушкин А.П. Сослагательное наклонение как «окно» в возможные миры // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2001, № 1. – С.16-22.
24. Бабушкин А.П. Когнитивный анализ квантитативных словосочетаний / Textus. Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века. СПб –Ставрополь, 2001. – С.332-334.
25. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж, 2001.
26. Базилевская В.Б. Формирование синтаксических отношений в концептосфере ребенка // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С.86-87.
27. Базылев В.Н. Обособленные концепты русской культуры: свобода-воля. //Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 3. – Тамбов, 2001 г. - С.125-126.
28. Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI-XX веков. Саратов, 1998.
29. Балонов А., Деглин В., Трауготт Н. Проникая в тайны мозга // «Правда», 27.6.76.
30. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной лингвистики // Изв. РАН – СЛЯ - 1997, № 1. – С.11-21.
31. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
32. Бебчук Е.И. Образный компонент в лексической структуре русского существительного. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991.

33. Бехтерева Н.П. и др. О нейрофизиологическом кодировании психических явлений человека // Память в механизмах нормальных и патологических реакций. Л., 1976.
34. Бехтерева Н.П. Новое в изучении мозга человека. // «Коммунист» - 1975, №13. – С.49-54.
35. Бехтерева Н.П. Резервы мозга // «Правда», 5.11.82.
36. Бибок К. Проблема концептуальной семантики русского и венгерского языков // ВЯ - 1996, № 2.- С.156-165.
37. Богданов В.В. Структурная схема в семантике предложения // Исследования по семантике - Уфа, 1985. – С. 14-21.
38. Богуславский И.М. Лингвистический процессор и локативные обстоятельства // ВЯ - 1991, № 1. - С.69-78.
39. Бодуэн де Куртенэ И.А. Количественность в языковом мышлении // И.А. Бодуэн де Куртенэ Избранные труды по общему языкознанию. - Т.1. - М., 1963. - С.311-324.
40. Болдырев Н.Н. Категоризация событий и специфика национального сознания // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С. 29-30.
41. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
42. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая 1999 г. - Тамбов, 1999. - С.62-69.
43. Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Известия РАН – СЛЯ - 2001, № 2. - С.40-55.
44. Болдырев Н.Н. Системные и функциональные связи языковых единиц как результаты категоризирующей деятельности языкового сознания // Связи языковых единиц в системе и реализации. - Тамбов, 1998. - С.5 -16.
45. Болхоева А.Б. Репрезентация концепта «гостеприимство» в русском и английском языках // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999 – С.55.
46. Болхоева А.Б. Национальная специфика концепта «гостеприимство» в русской и англоязычной культурах // Культура общения и ее формирование. - Вып. 8. - Воронеж, 2001. - С. 69-71.
47. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л., 1978.
48. Бондарко А.В. К интерпретации понятия «смысл» // Словарь. Грамматика. Текст. - М., 1996. –С.316-321.

49. Бондарко А.В. Понятия «инвариант» и «прототип» в системе анализа грамматической семантики // Когнитивная семантика - Ч. 2. – Тамбов, 2000.- С. 166-168.
50. Бондарчук Г.Г. Концептуальный анализ развития категории одежды // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2.- Тамбов, 2001 г. - С.43-44.
51. Бондарчук Г.Г. Пути субкатегоризации предметной лексики // Когнитивная семантика. - Ч. 2.- Тамбов, 2000. - С. 195-197.
52. Борзенкова М. О. Концепт «благо» в диалоге культур // Когнитивная семантика. - Ч. 2. – Тамбов, 2000. – С. 43-45.
53. Борискина О.О. Криптоклассы и описание языковой категоризации (на материале лексем ОГОНЬ, ПЛАМЯ в русском языке) // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. - С.39-40.
54. Борискина О.О. Криптоклассы как способ представления языкового знания о первостихиях // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. - Часть 2. - Тамбов, 2000. - С.197-199.
55. Борискина О.О. Криптоклассы как средство языковой категоризации мира // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999, с.21.
56. Борискина О.О. Криптоклассы первостихий как элемент прогностического описания языка // Проблемы лингвистической прогностики. - Воронеж, 2000. - С.121-126.
57. Борискина О.О. Языковая категоризация стихий // Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая 1999 г. - Тамбов, 1999, с. 149-156.
58. Бочина Т.Г. Традиционная рифма как концептосфера // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 1. - Тамбов, 2001 г. - С.51-53
59. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
60. Бут А.М. Семантика слова ЗАКОН в русских пословицах // Фразеология 2000. - Тула, 2000. – С.53-55.
61. Быкова Г. В. Внутриязыковые лакуны в системе языка. Благовещенск, 1998.
62. Быкова Г. В. Лакунарность в лексической системе русского языка. Благовещенск, 1998.
63. Быкова Г. В. Лакунарность как лингвистическое явление. Благовещенск, 1998.

64. Быкова Г.В. Лакуны и концепты // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998, с.33-34.
65. Быкова Г. В. Феноменология лексической лакунарности русского языка. Благовещенск, 1999.
66. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. Автореф. дисс.... доктора филол. наук. Воронеж, 1999.
67. Быкова Г.В. Лакуны как явление языка и речи // Филологические записки - Вып. 14. - Воронеж, 2000. - С. 183-196.
68. Васильев Л.М. Теория и методология современного языкознания. Принципы знаковости и формальности языка. Уфа, 1990.
69. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
70. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) // ВЯ - 1954, № 1 – С.8-16.
71. Воеводская О.М. Концепты света-тьмы в русском и английском языках // Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая 1999 года. - Тамбов, 1999. - С.157-168.
72. Воеводская О.М., Попова З.Д. Словоизменительные концентры в лексической системе языка (на материале русских лексем свет/тьма, темнота и английских лексем light/dark, darkness) // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Межвузовский сборник научных трудов. - Вып. 2. - Тамбов, 1999. - С.81.
73. Волохина Г.Я., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.
74. Воркачев С.Г. «Первая из всех страстей»: адмиративная оценка и средства её выражения в испанском языке // Изв. РАН - СЛЯ - 1992, № 2. - С.81-89.
75. Воркачев С.Г. Безразличие VS презрение (на материале испанского языка) // ВЯ -1992, №1 - С.79-86.
76. Воркачев С.Г. Речевые постулаты и оценка моральных качеств личности: показатели безразличия в психологических отношениях // ФН - 1993, №3 - С.85-91.
77. Воркачев С.Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // ФН - 1995, № 3. - С.56-66.
78. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности. Опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ - 1997, №4. - С.115-124.

79. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропо-центрической парадигмы в языкознании // ФН - 2001, № 1. - С.64-72.
80. Воркачев С.Г., Кусов Г.В. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память // Теоретическая и прикладная лингвистика. - Вып.2. Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. - С.90-101.
81. Воркачев С.Г., Сытникова Ф.Х. Безразличие как лингвокультурный концепт // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 3. – Тамбов, 2001 г. - С.127-128.
82. Воронова Т.А. Концепты *терпимость*, *бесконфликтность*, *толерантность* в русском сознании // Культура общения и её формирование. – Вып.7. - Воронеж, 2000. – С.60-61.
83. Воронова Т.А., Стернин И.А. Концепт «толерантность» в русском сознании // Языковая структура и социальная среда. - Воронеж, 2000. – С. 79-83.
84. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр.соч. в 6 томах. - М.. 1982. - Т.2.
85. Гажева И.Д. Опыт концептуального анализа имени *игра* // ФН - 2000, № 4. - С.73-81.
86. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики.1972. М., 1973.
87. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка. Уфа, 1998.
88. Гипотеза Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. - Вып. 1. - М., 1960.- С.111-212.
89. Глазунова В.М. Семантические признаки развития значений у названий стихийных явлений природы // Когнитивная семантика. Материалы 2 межвузовской школы-семинара. - Тамбов, 2000. – С.28-29.
90. Гольдберг В.Б. Вербализованные и невербализованные концепты в лексической модели // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С.30-32.
91. Гольдберг В.Б. Системно-функциональный подход к построению модели корреляции концептуальной и языковой систем // Связи языковых единиц в системе и реализации. - Тамбов, 1998. – С. 35-41.
92. Гольдберг В.Б. Модель материальных реализаций структурной связи как представление процессов когниции // Связи языковых

- единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. - Тамбов, 1999. – С. 89-93.
93. Гольдберг В.Б. Типология структурных семантических связей как возможный доступ к мыслительной деятельности человека // Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая 1999 г. - Тамбов, 1999. – С. 123-131.
94. Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка. Тамбов, 2000.
95. Гольдберг В.Б. Структурные связи, отражающие механизмы познания человеком вне языковой реальности // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. - М., 2000. – С.41-42.
96. Гончарова Н.Ю. К проблеме языкового представления знания фактов // Когнитивная лингвистика. - Ч. 1. - Тамбов, 1998. - С. 190-192.
97. Гончарова Н.Ю. Концепт «факт» в представлении человека // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. - Вып. 2. - Тамбов, 1999. – С. 48-52.
98. Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
99. Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. - Таллин, 1987.
100. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
101. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998
102. Гришаева Л.И. Перевод как источник знаний о концептуализации внеязыковой действительности // Перевод: язык и культура. - Воронеж, 2000. – С. 29-31.
103. Грищук Е.И. «Воспитанность», «культурность», «интеллигентность» в сознании старшеклассников // Культура общения и ее формирование. - Вып. 8. - Воронеж. 2001. - С.54-55.
104. Грищук Е.И. Абстрактные концепты в восприятии школьника // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С.80-82.
105. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
106. Данилюк Н.В. О границах концепта толерантности в немецком языке // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. -Часть 2. –Тамбов, 2001 г.- С.102-103.
107. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ - 1994, № 4. - С.17-33.
108. Депутатов В.А. Текстовая номинация концепта «Человек-природа» (на материале научных англоязычных текстов по

- экологии) // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 1.- Тамбов, 2001 г. - С. 55-56.
109. Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
110. Дмитрюк С.В. Этнокультурная специфика образа времени в языковом сознании русских, казахов и англичан. Автореф. дисс....канд. филол. наук. Москва, 2001.
111. Добровольский Д.О. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ - 1996, №1. - С.71-93.
112. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М., 1980.
113. Егорова Е.В. Концепт «белая ворона» в русском сознании // Языковая структура и социальная среда. - Воронеж, 2000. - С.75-78.
114. Егорова Е.В. Экспериментальные исследования концепта «белая ворона» в русском сознании // Культура общения и ее формирование. - Вып. 7. - Воронеж, 2000. - С.59.
115. Ефимова Н.Н. Онтологизация концепта «рис» в английской фразеологии. Автореферат дисс.... канд. филол. наук. Иркутск, 2000.
116. Жинкин Н.И. Механизмы речи. - М., 1958.
117. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982.
118. Жинкин Н.И. Избранные труды. Язык. Речь. Творчество. М., 1998.
119. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Н.И.Жинкин. Язык, речь. Творчество. - М.. 1998.- С.146-162.
120. Заикина С.В. Понятие страха в сопоставительной перспективе // Лингвистические парадигмы: традиции и новации - Волгоград, 2000. - С.85-89.
121. Залевская А. А. Проблемы психолингвистики. Калинин, 1983.
122. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Воронеж, 1990.
123. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. - Тверь, 1992.
124. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
125. Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика . Современное состояние и перспективы развития. - Ч.1. - Тамбов, 1998. - С.6-9.
126. Залевская А.А. Когнитивный подход к слову и тексту // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII международный

- симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - Москва, 2000. - С.91.
- 127.Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики (Воронеж, в печати)
- 128.Затеева Г.А. Концепт «лабиринт» в прозе Дюренматта. // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 1. – Тамбов, 2001 г. - С. 79-82.
- 129.Звездова Г.В. О языковых концептах МИР и ЗАКОН в творчестве А.С.Пушкина и Л.Н.Толстого // Русская словесность: теория и практика. - Липецк, 1999. – С.29-34.
- 130.Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. М., 1997.
- 131.Зубкова Л.И. Концепты «бог» и «царь» в религиозном сознании русских // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С. 22.
- 132.Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира // Когнитивная семантика. – Ч. 2. – Тамбов, 2000.- С. 176-180.
- 133.Зубкова Л.И., Листрова-Правда Ю.Т. Национально-культурная специфика концепта БОГ в русской и английской паремииологии // Язык и национальное сознание. - 1998. – С.49-50.
- 134.Ивашенко О.В. Когнитивные классификаторы абстрактных концептов «вера» и «надежда» в русском языке Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. – Тамбов, 2001 г. - С.76-77.
- 135.Ивашенко О.В. Концепт «вера» как отражение национальной культуры русского народа // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI веков. - Воронеж, 2001. - С.133-135.
- 136.Ивашенко О.В. Концепт ВЕРА в современном русском языке // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. - Воронеж, 2000. – С./ 186-87.
- 137.Ивашенко О.В. Концептуальная метафора в формировании абстрактных концептов // Когнитивная семантика. - Часть 2. - Тамбов, 2000, с.74-78.
- 138.Иевлева М.Х. Тавтология типа N сор N : когнитивно-функциональный анализ. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000.
- 139.Ипполитов О.О. Концепт ДОРОГА в русской концептосфере // Русский язык вчера, сегодня, завтра. - - Воронеж, 2000, с.81-82.

140. Ипполитов О.О. Некоторые особенности формирования индивидуальной концептосферы (на примере концепта «дорога») // Речевое воздействие. - Вып.6. - Воронеж, 2000. - С.10-11.
141. Ипполитов О.О. Лексические средства объективации концепта «дорога» в русском языке. // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI веков. Воронеж, 2001. - С.142-144.
142. Исенина Е. И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
143. Исенина Е. И. Психолингвистические закономерности речевого онтогенеза (дословесный период). Иваново, 1983.
144. Камалова А.А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. - Архангельск, 1998.
145. Камкина Е.О. Концепт личного пространства говорящего в английском языке (на примере прилагательного private). / Филология и культура. – Часть 1. – Тамбов, 2001. - С.163-165.
146. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. - М., 2000. - С. 107-109.
147. Карнауков О.Н. Концепт «Marketing» и его эквиваленты в немецком языке (на материале англо-американских заимствований в немецком бизнес-языке) // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. - Вып. 2. - Тамбов, 1999. - С.115-120.
148. Карпенко С.М., Болотнова Н.С. К вопросу об организации ассоциативно-смысловых полей ключевых слов в поэтических текстах Н.Гумилева // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. - Волгоград, 2000. - С.121-126.
149. Кибрик А.А. О некоторых видах знаний в моделях естественного диалога. // ВЯ - 1991, №1. – С. 61-68.
150. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ - 1994, № 5. – С.126-139.
151. Кикина Е.О. Концепт личного пространства говорящего в английском языке (на примере прилагательного private) // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 1. - Тамбов. 2001 г. – С.163-165.
152. Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера ЖИТЬ). Уфа, 1997.
153. Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера ДВИГАТЬСЯ). Уфа, 1998.

154. Кирнозе З.И. О национальной концептосфере // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. - Тамбов. 2001 г. - С.80-82.
155. Кобрин Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. - Ч. 2.- Тамбов, 2000.- С. 170-175.
156. Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Ч.1 и ч.2. Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 1998.
157. Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. – Ч.1-2.- Тамбов, 2000.
158. Колосова Л.И. Концепт «совесть» в концептосфере русского и французского языков // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С. 88-89.
159. Коновалова Т.В. Концепт «гость» в русском и французском языках // Язык и национальное сознание. Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С. 32-33.
160. Копров В.Ю., Земскова Л.И. О концепте «существование» в типологии предложения // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. - Часть 2. - Тамбов, 2000. – С. 217-220.
161. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. - Воронеж, 1989.
162. Кравченко А.В. Знак. Значение. Знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
163. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Изв. РАН – СЛЯ - 1996, № 3. – С. 3-24.
164. Кравченко А.В. Лингводидактический аспект когнитивного подхода к грамматике (на материале английского языка) // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. - Часть 1.- Тамбов, 1998. – С.122-125.
165. Кравченко А.В. Почему лингвистика не может быть когнитивной: на пути к пониманию языка // Когнитивная семантика. - Ч. 1. – Тамбов, 2000. - С.49-52.
166. Кравченко А.В. Проблема языкового значения как проблема представления знаний. // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 1997.
167. Кравченко А.В. Проблема языкового значения как проблема представления знаний // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.

168. Красавский Н.А. Концепт *Zorn* в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. - Вып.2. - Язык и социальная среда. - Воронеж, 2000. - С.78-79.
169. Красавский Н.А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосфер // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. - Волгоград, 2000. - С.18-20.
170. Красных В.В. Стрoение языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика. - Часть 1. - Тамбов, 2000. - С. 53-55.
171. Красных В.В. Фрейм структуры как единицы языкового сознания // Языковое сознание содержание и функционирование. - М., 2000.- С.128-129.
172. Кретов А.А. Съедобное и несъедобное или криптоклассы русских существительных // *Linguistica Silesiane* - 1992, № 14. – С. 104-114.
173. Кривченко Е.Л. Предложение как средство событийной номинации // Способы наименования ситуаций и их элементов. Саратов, 1990.
174. Кубрякова Е. С. Вступительное слово к круглому столу, посвященному рассмотрению традиционных проблем языкознания в новом свете // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. - М., 2000.- С. 3-10.
175. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // ВЯ - 1994, № 4.- С. 26-34.
176. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
177. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. - М., 1986.
178. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
179. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) //Изв. РАН - СЛЯ - 1997, №3. - С.22-31.
180. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конференции. –Часть 1. - Тамбов, 1999. - С.6-13.
181. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. - С. 84-92.
182. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2001, № 1. – С.3-9.
183. Кузнецов А.М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики

- // Этнокультурная специфика речевой деятельности. - М., 2000.- С.8-22.
184. Кузьмина Е.А. Концепт «Reichtum» в немецких пословицах (опыт семантической интерпретации) // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. - Воронеж, 2000. - С.120-121.
185. Кулагина О.С. Об аспекте меры в лингвистическом знании // ВЯ - 1991, №1 - С.49-60.
186. Лавренченко О.Г. Концептуальная структура понятия «судьба» // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. - Тамбов, 2001 г. - С.77-78
187. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Пер. с англ. Р.И.Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. - М., 1988 - С. 12-21.
188. Лапотко А.Г. Концепт «береза» в сознании носителей современного русского языка // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С.62-64.
189. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск, 1999.
190. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
191. Левицкий Ю.А. От высказывания к предложению. Пермь, 1995.
192. Леман В.П. Рец: Longacker R.W. Foundations of cognitive grammar. - V.1. - Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987, 516 p. // ВЯ - 1992, № 6 - С.127-132.
193. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
194. Листрова - Правда Ю.Т. Концепты МАТЬ и ОТЕЦ в русских пословицах и поговорках // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999, с.23-24.
195. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН - СЛЯ - 1993, № 1. - С.3-9.
196. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
197. Лук А.Н. Мышление и творчество. М., 1976.
198. Лукашкова О.Ю. Концепт «дружба» в русском языке // Культура общения и ее формирование. - Вып.8. - Воронеж, 2001. - С.84-85.
199. Лукин В.А. Концепт ИСТИНЫ и слово ИСТИНА в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // ВЯ - 1993, № 4 - С.63-86.
200. Лукин В.А. Слово ИСТИНА и идея тождества // Изв. РАН - СЛЯ - 1993, № 1. - С.35-48.
201. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.

202. Лурия А.Р. Проблемы и факты нейролингвистики // Теория речевой деятельности. - М., 1968. - С.198-219.
203. Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
204. Лухъенбуркс Д. Дискурсивный анализ и семантическая структура // ВЯ - 1996, № 2. - С.141-155.
205. Маковский М.М. Язык - миф - культура. Символы жизни и жизнь символов // ВЯ - 1997, № 1. - С.73-95.
206. Макович Т.В. Концепт «память» в русском сознании // Фразеология 2000. - Тула, 2000. – С. 106-111.
207. Мальцев А.Д. Национальная специфика концепта «деньги» в русском и английском языках // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С. 56-58.
208. Манаенкова И.Л. «Наивные номинации» и современная концептосфера народа // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С.36-37.
209. Маркина Е.А. О концептуальных признаках эмоциональных структур (на примере концепта любви) // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. - Тамбов, 2001 г. - С.72-73.
210. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
211. Медведева А.В. «Собака» и «пес» в русской фразеологии (к вопросу о символическом значении слова) // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С. 44-48.
212. Медведева А.В. Культурно-исторические концепты в семантике языка // Изучение и преподавание русского языка как национально-культурной ценности. - Воронеж, 1997. - С. 29.
213. Медведева А.В. Национально-культурный компонент языкового символа // Когнитивная семантика. –Часть 1. – Тамбов, 2000. – С.62-64.
214. Медведева А.В. Образы дома в английской и русской концептосферах // Когнитивная лингвистика.- Часть 2. - Тамбов, 1998, с.78-80.
215. Мелерович А.М. Концептообразующее функционирование фразеологических единиц в художественной речи // Фразеология 2000. Тула, 2000. – С.172-175.
216. Метафора в языке. М., 1988.
217. Михайлова Т.А. О понятии «правый» и лингвоментальной эволюции // ВЯ - 1993, № 1 - С.52-63.
218. Михальчук И.П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // Изв. РАН – СЛЯ - 1997, № 4 - С.29-39.

- 219.Мякшева О.В. Концепт «окно» в художественном и публицистическом тексте // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. - С.53-54.
- 220.Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.
- 221.Новодранова В.Ф. Когнитивные аспекты терминологии // Когнитивная лингвистика. - Часть 1.- Тамбов, 1998. - С.13-16.
- 222.Новодранова В.Ф. Формирование теории научной метафоры и метафорических номинаций в медицинской терминологии // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. - М., 2000 . - С.82-88.
- 223.Новодранова В.Ф., Алексеева Л.М. Формирование теории метафоры и метафорическая номинация в медицинской терминологии // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. М., 2000. – С. 82-88.
- 224.Новое в зарубежной лингвистике. Вып 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
- 225.Нухов С.М. О когнитивных исследованиях метафоры // Теория поля в современном языкознании. Материалы научно-теоретического семинара. Уфа, 1999. –С. 34-35.
- 226.Общее языкознание / Под редакцией Б.А. Серебренникова. М., 1970.
- 227.Окуждава В. Ассиметрия симметричного мозга // «Наука и религия» - 1983, № 9.- С. 36-39.
- 228.Ольшанский И.Г. Когнитивные аспекты лексической многозначности (на материале современного немецкого языка // ФН - 1996, № 5.- С. 85-93.
- 229.Орлова Н.М. Морфологическая категоризация в языке международных отношений // Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. - Часть 2.- Тамбов, 2000. - С. 122-124.
- 230.Орлова О.В., Болотнова Н.С. К вопросу о лексическом воплощении концепта «язык» в поэтических текстах И.Бродского //Лингвистические парадигмы: традиции и новации. - Волгоград, 2000. - С.126-134.
- 231.Падучева Е.В. Принцип композиционности в неформальной семантике // ВЯ - 1999, № 5. – С. 3-23.
- 232.Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения // Изв. АН СССР . –ОЛЯ – 1984, № 2.
- 233.Пенфильд В., Робертс Л. Речь и мозговые механизмы. Л., 1964.

- 234.Пермякова Т.М. Некоторые особенности концептуализации в газетно-публицистическом тексте // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2000. - С.336-347.
- 235.Петров В.В. Идеи современной философии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний // ВЯ - 1996, № 6. - С.102-109.
- 236.Печенкина О.Ю. О периферии концепта «бог» в текстах пословиц и поговорок русского народа, собранных В.И. Далем // Фразеология 2000. - Тула, 2000 – С.113-115.
- 237.Пиирайнен Е. «Область метафизического отображения» – метафора – метафорическая модель (на материале фразеологии западно-нидерландского диалекта // ВЯ - 1997, № 4.- С. 92-100.
- 238.Пинкер С. Языковой инстинкт // «Логос» - 1999, №9. – С.28-49.
- 239.Плунгян В.А., Рахилина Е.В. О некоторых направлениях современной французской лингвистики // ВЯ - 1994, № 5. - С.107-125.
- 240.Плунгян В.А., Рахилина Е.В. О сборниках статей проблемной группы «Логический анализ языка» // ВЯ - 1991, № 2. - С.126-139.
- 241.Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ - Серия 1. Гуманитарные науки. - 1996, № 2. – С. 64-68.
- 242.Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. - М., 1996.-С.255-268.
- 243.Попова З.Д. Синтаксический концепт как предмет когнитивной лингвистики //Когнитивная лингвистика . - Часть 1. - Тамбов, 1998. – С. 119-121.
- 244.Попова З.Д. Когнитивная пропозиция и семантика языка // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С.11-12.
- 245.Попова З.Д. Куда же нам плыть? (К методике определения типа лексического концепта) //Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая. - Тамбов, 1999. – С. 104-107.
- 246.Попова З.Д., Кривошеева И.В. Есть ли синтаксический концепт «мир эмоций» в концептосфере русского языка? // Филология и культура. - Часть 1. Первая международная конференция 12-14 мая 1999 года. – Тамбов, 1999.- С. 91-93.

247. Попова З.Д. Метонимия и метафора в семантеме глагола // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. - Часть 2. - Тамбов, 2000. – С. 127-129.
248. Попова З.Д., Стернин И.А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. - Вып. 8.- Воронеж, 2001. - С.27-30.
249. Попова З.Д., Стернин И.А. К методологии лингво-когнитивного анализа // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2.- Тамбов, 2001 г. - С.19-24
250. Попова З.Д., Стернин И.А., Чарыкова О.Н. О разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения) // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С. 21-23.
251. Попова З.Д., Хаустова Э.Д. Английские fruits и русские фрукты (контрастивные заметки) // Связи языковых единиц в системе и реализации. - Тамбов, 1998. – С. 32-35.
252. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.
253. Попова Н.С. Метафорические коннотации в русском семантическом поле времен года // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. - Часть 2. - Тамбов, 2000. – С.129-131.
254. Попова Н.С. Когнитивная метафора в концептосфере языка // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. - Вып. 2. - Тамбов, 1999. – С.128-134.
255. Попова Н.С. Мифопоэтический концепт в русских названиях времен года // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С.48.
256. Попова Н.С. Мифопоэтический концепт как вид когнитивной метафоры // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 3. – Тамбов, 2001. – С. 36-37.
257. Попова Н.С. Мифопоэтический концепт как вид когнитивной метафоры (на материале русских и немецких наименований времен года). Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
258. Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии 19-20 в. Иваново, 1994.
259. Потапова Е.И. К вопросу описания концептуальных метафор лжи и обмана // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. – Тамбов, 2001 г.- С. 41-43.
260. Потенба А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.
261. Прист С. Теории сознания. Идея /Пресс, 2000.

262. Прохвачева О.Г. Фреймовое представление концепта приватности в лингвокультуре США // Языковая личность: проблемы креативной семантики. - Волгоград, 2000. - С.91-98.
263. Пугач В.Н. Концепт «судьба» в повести А.Пушкина «Метель» // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. - Тамбов, 2001. - С. 93-94.
264. Пузырев А.В. Соотношение «правды» и «истины» в аспекте тетрахономии «всеобщее – общее - особенное – единичное» // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2.- Тамбов, 2001. - С.119-121.
265. Раевская О.В. К вопросу об ономаσιологических категориях // ФН, - 1991, №1. - С. 22-28.
266. Раевская О.В. Данные ассоциативных экспериментов как материал для когнитивных исследований // Когнитивная лингвистика. - Часть 2. - Тамбов, 2000. - С.27-29.
267. Ракитина О.Н. Концепт «леса» в русских пословицах и поговорках // Культура общения и ее формирование. - Вып. 6. - Воронеж, 1999.- С.141-142.
268. Ракитина О.Н. Этнокультурный компонент в семантике названий элементов рельефа. // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. - Волгоград, 2000. - С.237-241.
269. Ракитина О.Н. Концепт «лес» в русских народных сказках (на материале «народных русских сказок» А.Н.Афанасьева) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI веков. - Воронеж, 2001. - С.94-96.
270. Ракитина О.Н. Образ леса в русской народной картине мира // Культура общения и ее формирование. - Вып.8.- Воронеж, 2001. - С.85-88.
271. Рамза Т.В. Ассоциативные потенции слова в поэтическом тексте // Языковое сознание. Содержание и функционирование. - М., 2000. - С.202-203.
272. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. - Вып.36. - М., 1998. - С. 274-323.
273. Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ и ВИСЕТЬ // ВЯ - 1998, № 6. - С.69-80.
274. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. РАН – СЛЯ - 2000, № 3. - С. 3-15.

- 275.Реброва И.В. Концепт «пророк» в литературно-критическом дискурсе газеты «Руль» (начала 20-ых г.г. XX столетия). Автореф. дисс. ... канд.филол. наук. СПб, 2000.
- 276.Репринцева Н.М. Лакунарность в сфере наименований дорог в русском и французском языках // Язык и национальное сознание.- Вып.1. –Воронеж, 1998. – С. 36-38.
- 277.Розенкова Е. «Добро» и «зло» в русских пословицах // Культура общения и ее формирование.- Вып.8. – Воронеж, 2001. - С.177-178.
- 278.Розина Р.И. Когнитивные тенденции в таксономии. Категоризация мира в языке и тексте // ВЯ - 1994, № 6. - С.60-78.
- 279.Романова И.А. Концепт «вежливость» и его объективация в русском языке // Культура общения и ее формирование. - Вып.8.- Воронеж, 2001. - С.95-97.
- 280.Романова Т.В. Заглавие как субъективно-модальный концепт текста // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции.- Часть 1. –Тамбов, 2001. - С.62-65.
- 281.Рудакова А.В. Лексема «быт» и ее концептуальное содержание // Русский язык вчера, сегодня, завтра. - Воронеж, 2000. – С.129-131.
- 282.Рудакова А.В. Экспериментальное изучение концепта “быт” в русском языковом сознании // Культура общения и ее формирование - Вып. 8. - Воронеж, 2000. – С.88-94.
- 283.Рудакова А.В. Средства объективизации концепта «быт» в русском языке // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 1. – Тамбов, 2001. - С.191-192.
- 284.Руденко Д.И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // ВЯ - 1992, № 6. – С. 19-35.
- 285.Руденко Д.И. Понятие «класс» и модальность оценки в семантике языка. - Изв. АН СССР – ОЛЯ -1983, № 2. - С.151-162.
- 286.Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // ВЯ - 1996, № 5. - С.39-50.
- 287.Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // ВЯ - 1994, № 6. - С.79-100.
- 288.Рузин И.Г. Природные звуки в семантике языка. (Когнитивные стратегии наименования) // ВЯ - 1993, №6. – С.17-27.
- 289.Рябцева Н.К. Новые идеи в когнитивной лингвистике. //Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. -Часть 2. –Тамбов, 2001.- С. 14-17.

290. Савенкова А.Б. Концепт «счастье» в русских поговорках // Фразеология 2000. - Тула, 2000. – С. 103-106.
291. Савенкова Л.Б. Концепт «судьба» и его реализация в русских поговорках // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С.45-46.
292. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
293. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к анализу явлений языка. М., 1983.
294. Сигал К.Я. Проблема иконичности в языке. Обзор литературы // ВЯ - 1997, № 6. – С. 100-120.
295. Симонов В.П. Высшая нервная деятельность человека. М., 1975.
296. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М., 1976.
297. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. - Волгоград, 2000. - С.38-45.
298. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвистические концепты прецедентных текстов в слушании или дискурсе. М., 2000.
299. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М., 1954.
300. Соболева И.А. Когнитивно-языковая характеристика лексемы КРЫША в современном газетном дискурсе // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С. 28-31.
301. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1967.
302. Соколова Т.С. Об изоморфизме моделирования концепта «пространство» в фольклорном и индивидуально-авторском текстах // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. -Часть 2. – Тамбов, 2001.- С.31-32.
303. Солнцев В.М. О лингвистических мифах // Знание языка и языкознание. - М., 1991. - С.56-71.
304. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия РАН – СЛЯ - 2001, № 1. - С.3-11.
305. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
306. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
307. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.
308. Стернин И.А. Национальная специфика мышления и проблема лакуарности // Связи языковых единиц в системе и реализации. - Тамбов, 1998. – С. 22-31.
309. Стернин И.А. О понятии «менталитет» // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С. 24-26.

- 310.Стернин И.А. Концепт «белая ворона» в русской концептосфере // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С.31-32.
- 311.Стернин И.А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. - Вып.2. - Тамбов, 1999. – С. 69-75.
- 312.Стернин И.А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая 1999 г. - Тамбов, 1999, с.69-79.
- 313.Стернин И.А. Концепты - предмет исследования какой науки? // Языковое сознание. Содержание и функционирование. - М., 2000. - С.239-240.
- 314.Стернин И.А. Лексическая лакунарность и понятийная безэквивалентность // Linguistische Beschreibung Slavischer Sprachen als Fremdsprachen. - Halle, 2000. – S. 141-153.
- 315.Структуры представления знаний в языке. Сб-к научно-аналитических обзоров. М. 1994.
- 316.Стуколова Г.П. Семантическая структура синтаксических фразеологизмов в концептосфере русского языка // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. –С.32-33.
- 317.Субботина А.В. Английские и русские нравственные концепты в афоризмах и пословицах // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С.24-27.
- 318.Сусов И.П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. - Часть1. - Тамбов, 1998 – С. 16-21.
- 319.Тарасов Е.Ф. Языковое сознание - перспективы исследования // Языковое сознание содержание и функционирование. XIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - Москва, 2000 – С. 2-3.
- 320.Тарнакина С.И. Синтаксический концепт «небытие объекта» (к вопросу о национальной специфике) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI веков. - Воронеж, 2001. - С.59-61.
- 321.Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- 322.Теория метафоры. М., 1990.
- 323.Теория речевой деятельности. / Под ред. А.А.Леонтьева. М., 1968.

324. Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И.Тютчева // Фразеология в контексте культуры. - М., 1999. - С.203-212.
325. Токарев Г.В. Афоризмы, репрезентирующие концепт «труд», в культурно-когнитивном освещении // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI веков. - Воронеж, 2001. - С.135-137.
326. Токарев Г.В. Особенности лексической репрезентации концепта «труд» // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. - Волгоград, 2000. - С.199-201.
327. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). Тула, 2000.
328. Толочко О.В., Слышкин Г.Г. Концепт «отличник» в русской картине мира // Языковая личность: проблемы креативной семантики. - Волгоград, 2000. – С. 79-84.
329. Томахина И.Г. Лексикографические выражения концепта вежливости в русском, английском и итальянском языках // Языковая личность: проблемы креативной семантики. - Волгоград, 2000. – С. 99-108.
330. Топорова В.М. Концепт ФОРМА в обиходно-речевом представлении // Культура общения и ее формирование. - Вып. 6. - Воронеж, 1999. – С. 152-159.
331. Топорова В.М. Концепт ФОРМА в семантическом пространстве языка (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дисс. ... доктора филолог. наук. - Воронеж, 2000.
332. Топорова В.М. Концепт ФОРМЫ в семантическом пространстве языка // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С. 145-151.
333. Топорова В.М. Концепт ФОРМА в семантическом пространстве языка. Воронеж, 1999.
334. Топорова В.М. Символика СПИРАЛИ в семантическом пространстве языка // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С. 37-41.
335. Топорова Т.В. Древнегерманские представления об идеальном пространстве и времени // Изв. РАН – СЛЯ - 1993, № 5 - С.43-49.
336. Топорова Т.В. О типах познания в древнегерманской мифопоэтической модели мира // ВЯ - 2000, №2 - С.35-46.
337. Топорова Т.В. Об архетипе «воды» в древнегерманской космогонии // ВЯ - 1996, № 6. - С.91-99.

338. Топорова Т.В. Об оппозиции «темный мир» - «светлый мир» в древнегерманской космогонии // ВЯ - 1998, № 6. - С.39-47.
339. Тришина А.В. Национальная специфика концепта «быт» в русском языке // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С.27-28.
340. Тришина А.В. Формирование концепта «быт» в русской концептосфере // Культура общения и её формирование. - Вып.7. - Воронеж, 2000. - С.57-58.
341. Убийко В.И. Концепт «душа» в концептосфере «внутренний мир человека» // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. - С. 46-47.
342. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в динамической модели языка // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С. 14-19.
343. Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке. Уфа, 1998.
344. Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. - Вып.1. - М., 1960.
345. Урубкова Л.М. Роль метафоры в концептуализации // Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. - Часть 2.- Тамбов, 2000. - С. 137-139.
346. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // ВЯ - 1995, № 3. - С. 3-16.
347. Урысон Е.В. Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ - 1998, № 2. - С.3-21.
348. Фесенко Т.А. Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека //Когнитивная семантика. - Часть 2. - Тамбов, 2000. - С.149-151.
349. Фесенко Т.А. Концептуальные системы в контексте проблем менталитета // Филология и культура. Материалы международной конференции. - Тамбов, 1999. - С. 112-116.
350. Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. Части 1-3. Тамбов, 2001 г.
351. Фомина З.Е. Системообразующие элементы концептуальной модели эмоционально-психологического состояния человека (на материале немецких художественных текстов) // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. - Часть 2. - Тамбов, 2000. - С. 154-155.
352. Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // ВЯ - 1996, № 2. - С. 55-67.

353. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // НТИ - Сер. 2., Информационные процессы и системы. - 1992, № 6. - С.1-8.
354. Харитончик З.А. О принципах единства и целостности категорий // Филология и культура. - Часть 1. Международная конференция. 12-14 мая 1999 г. - Тамбов, 1999. - С.21-22.
355. Хатунцева Т.Ю. «Смерть» в русском и англо-американском языковом сознании // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С.41-43.
356. Худяков А.А. Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград - Архангельск, 1996. - С.97-103.
357. Худяков А.А. Понятие и концепт: опыт терминологического анализа // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. - Тамбов, 2001. - С.32-33.
358. Чарыкова О.Н. Менталитет и «образ мира» // Язык и национальное сознание. - Вып. 1. - Воронеж, 1998. - С. 26-27.
359. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: свойства и различия в теориях и целях // ВЯ - 1996, № 2. - С.68-78.
360. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени // ФН - 1995, № 4. - С. 78-83.
361. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.
362. Чурилина Л.Н. Концепт «любовь» в русской наивно-языковой картине мира (на материале ассоциативного тезауруса) // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2. - Тамбов, 2001. - С.145-148.
363. Шаманова М.В. Лакуны в лексико-семантическом поле «общение» в русском языке // Язык и национальное сознание. - Вып.1. - Воронеж, 1998. - С.35-36.
364. Шаманова М.В. Национальная специфика отражения концепта «общение» в лексико-фразеологической системе русского языка // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С. 52-54.
365. Шамина О.В. Концепт ума в русском, английском и немецком языках // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 2 - Тамбов, 2001. - С. 74-75.
366. Шарандин А.Л. К вопросу о соотношении понятий классической и когнитивной категорий // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. - М., 2000. - С. 118-119.

367. Шарандин А.Л. Прототипические характеристики лексико-грамматических разрядов русского глагола // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. - Часть 1. - Тамбов, 1998 – С.129-131.
368. Шахнаров А.Л. Психолингвистика: когнитивные аспекты // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. - М., 2000. - С. 120-122.
369. Шаховский В.И. Текст как способ экспликации эмоциональности языкового сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. - М., 2000. – С. 274-275.
370. Шаховский В.И., Панченко Н.Н. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте // Фразеология в контексте культуры. - М., 1999. – С. 285-288.
371. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // ВЯ - 1997, № 4. – С. 125-142.
372. Юрченко В.С. Реальное время и структура языка (к философии языкознания) // ВЯ -1993, № 3. - С.36-47.
373. Язык и структура представления знаний. М., 1992.
374. Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.
375. Языковое сознание. Содержание и функционирование. XIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
376. Якобсон Р. Язык и мозг // Избранные работы. М., 1985.
377. Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // ВЯ - 1993, № 4. - С.48-62.
378. Яковлева Е.С. Фрагмент русской языковой картины времени // ВЯ - 1994, № 5. – С. 73-89.
379. Яковлева Е.С. ЧАС в русской языковой картине времени // ВЯ - 1995, № 6. – С. 54-76.
380. Янко Т.Е. Когнитивные стратегии в речи: коммуникативная структура русских интродуктивных предложений // ВЯ - 1994, № 6. - С.37-59.
381. Яскевич Т.В. Репрезентация фрейма «выбор» в современном английском языке // Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая 1999 г. - Тамбов, 1999 - С.196-203.

Словари

1. Dictionary of American Slang. М., 1991.
2. Longman Dictionary of Contemporary English. В 2 т. М., 1992.
3. Oxford-Duden pictorial English. Оксфорд-Маннгейм-Москва, 1985.
4. Webster's School Dictionary. USA. 1980.
5. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А.Кузнецова. СПб, 1998.
6. Елистратов В.С. Словарь московского арга. М., 1994.
7. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. - 385 с.
9. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 81 / Под ред. Н.З.Котеловой. М., 1986.
10. Психологический словарь. М., 1990.
11. Словарь русского литературного языка. В 17 т. М., 1950-1965.
12. Словарь русского языка. В 4-х т., 2-е изд. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М.-1981 -1984.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. - М - Л., 1948-1965.
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1947-1949.
15. Толковый словарь русского языка конца XX века / Под ред. Г.Н.Скляревой. Санкт-Петербург, 1998.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1973.
17. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга. М., 1997.

Содержание

От авторов	с.3
Очерк первый. Когнитивная лингвистика в современном языкознании	с.6
1. Основная литература о когнитивной лингвистике	с.6
2. Основная проблематика когнитивной лингвистики	с.7
3. Конкретные концепты в когнитивных исследованиях	с.10
4. Приемы описания концептов через анализ данных языка	с.14
5. Основные недостатки современных когнитивных исследований	с.15
6. Актуальные задачи современной когнитивной лингвистики	с.16
Очерк второй. Основные категории когнитивной лингвистики	с.18
1. Понятие концептосферы	с.18
2. Современное представление о невербальности мышления и онтологический статус концептосферы	с.19
Универсальный предметный код	с.19
Доказательства невербальности мышления	с.24
Кодовые переходы при речепорождении и речевосприятии	с.32
О понятии «внутренняя речь»	с.33
О понятии «внешняя речь»	с.35
О понятии «речевое мышление»	с.36
3. Концепт и слово	с.36
Проблема вербализации концепта	с.36
Проблема лакунарности	с.39
Теория лингвистической относительности и концепт	с.49
4. Концепт и значение	с.57
5. Полевая модель концепта	с.60

6. Концептосфера и менталитет	с.64
7. Формирование концептов	с.68
8. Типы концептов	с.72
9. Национальная специфика концептов	с.75
10. Способы языковой объективации концептов	с.77
11. Когнитивные классификаторы и языковая семантика	с.83
12. Концептосфера и семантическое пространство	с.88
13. Когнитивная лингвистика и другие науки	с.91
Очерк третий. Методы и приемы исследования концептов	с.96
1. Общие принципы анализа концептов	с.96
2. Приемы анализа и описания концептов	с.101
Выбор ключевого слова для исследования	с.101
Построение и анализ семантемы ключевого слова	с.102
Анализ лексической сочетаемости ключевого слова	с.104
Экспериментальные методики	с.115
Свободный ассоциативный эксперимент	с.115
Рецептивный эксперимент	с.117
Анализ синонимов ключевого слова	с.124
Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова	с.125
Построение деривационного поля ключевого слова	с.128
Построение лексико-грамматического поля ключевого слова	с.129
Анализ паремий и афоризмов, объективирующих концепт	с.129
Анализ художественных текстов	с.134
Анализ устного, разговорного словоупотребления	с.136
Контрастивный анализ средств разных языков	с.138
Сопоставительный анализ лексических полей разных языков	с.144
Методы выявления синтаксических концептов	с.147
Комплексные лингвокогнитивные описания концептов	с. 152

Заключение	с.160
Литература	с.163
Содержание	с.189